

Данила Трофимов
Читайте на стр. 20

ЮНОСТЬ

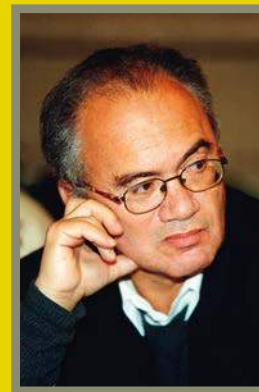
Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

12+

Наше всё

Александр КУШНЕР

Времена не выбирают,
В них живут и умирают... —

почти сорок лет тому назад написал
Александр Семенович Кушнер и сразу
стал классиком.

Александр Семенович пишет
онегинской строфой:

По эту сторону таинственной черты
Синеет облако, топорщатся кусты,
По эту сторону мне лезет в глаз
ресница,
И стол с приметам любимого труда
По эту сторону, по эту... а туда,
Туда и пуговице не перекатиться.

Говорят, что Кушнер по нынешним временам пишет
скучно. Злые языки обозвали его: Скушнер. Потому что так
не умеют или не могут. Да, он по-питерски старомоден, гуляя
неторопливо вдоль Мойки или Фонтанки и совершенно не
замечая того, как поэзия становится стихосложением. Он
из другого времени, из другого «туда», где поэзия была
служением:

Разве плачут в наш век?
Где ты слышал, чтоб кто-нибудь плакал?
Суше не было век.
Под бесслезным мы выросли флагом.

И когда у поэта сердце сжималось от того, что кто-то плачет
за стеной. Весьма возможно, от того, что он родился в то
время, когда за стихи ставили к стенке. И тогда это — плач
Иеремии?

А теперь за стихи не сажают. И стихотворцы не
плачут, а платят Мамоне за то, чтобы войти в сонм великих
или остаться там хотя бы одной строкой.

А Александр Семенович там по призванию, его
потребовал к священной жертве сам Аполлон, как бы это
вычурно и старомодно ни звучало.

Да, он старомоден, он почти винтаж. Но бесконечно
мил и очарователен, как старинный офорт. И самое, пожалуй,
главное, он — живой классик, не разменивающийся по
мелочам:

Большей пошлости на свете
Нет, чем кланчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять...

А где-то во Вселенной есть и совсем ранний Кушнер,
например такой, как в августовском номере «Юности»
за 1966 год.

Я без ума от лип прекрасных,
От их стволов волнообразных.
Мне все равно, когда умру.
Я наслаждался этим блеском,

Водил я пальцем по нарезкам,
Избороздившим их кору.

или

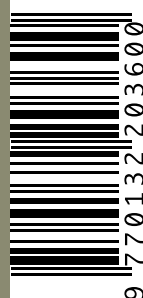
Козлята прыгали в траве,
Птенцы летать учились,
Щенки, устав на голове
Стоять, на хвост садились.

Сегодня не только нет такого письма, но даже нет
такого чувствования. Утрачены минимальные оттенки.
Утрачена поэтическая переключка, такая, к примеру,
как в начале иного века у Блока с Фетом. Отсюда и печальное
кушнеровское пророчество: «Стихи — архаика. И скоро их не
будет». А когда в финале этой почти Архилоховой интонации
встречаешь:

И третье, видимо, нельзя тысячелетье
Представить с ямбами, зачем они ему? —

вдруг спасает строка самого древнегреческого воина: «Пусть
везде кругом засады — твердо стой, не трепещи».

- Валерий КУЛЕШОВ: «Нет будущего, есть — былое...»
- Николай ВТОРОЙ, Иосиф СТАЛИН, Борис ЕЛЬЦИН — непредсказуемые
- В роли Дамы — Марина НЕЕЛОВА
- Катакомбное кино. Его не покажут ни в кинотеатрах, ни на телеканале «Культура»
- Данила ТРОФИМОВ — новое имя. Повесть и напутствие к ней Сергея ЕСИНА
- В Москве у МАЯКОВСКОГО отняли музей, и теперь нас ждут странные превращения Владимира Владимировича
- Айсберги новой прозы — ЕРМИЧЕВ
- ЛЕНИН — лавочник на царстве
- Чингиз АЙТМАТОВ хвалил повесть «Интернат» Георгия ПРЯХИНА. Георгий ПРЯХИН продолжает разговор о разрушении великого интерната — СССР
- Неведомая классика — ЧИРИКОВ
- Гарольд Томпсон РИЧ (1893—1974) — американский писатель, работавший в жанре научной фантастики
- Как боксер КОРОЛЕВ встречался с БЕРИЕЙ
- В детективе подозрение в убийстве
- В зеленом портфеле настоящая история Москвы
- Галка ГАЛКИНА: «Когда у В. ШАШКО из Хабаровска откроется третий глаз!»
- Проказник Гео: «Читаешь, читаешь Петра Марковича, как будто поллитру пьешь, не закусывая...»

Валерий Кулешов

Читайте на стр. 4

*Премии журнала «Юность»
по итогам 2016 года*

**Номинация
«ПРОЗА»**

Премию имени Валентина Катаева получает
Михаил Задорнов
за мистическо-документальный триллер
«Поцелуй ведьмы» в № 7, 8, 9

**Номинация
«ПОЭЗИЯ»**

Премию имени Анны Ахматовой получает
Сергей Арутюнов
за подборку стихотворений в № 5

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№ 1 (732) 2017

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Главный редактор
Валерий ДУДАРЕВ

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: **unost-contact@mail.ru**

Наш сайт: **<http://unost.org>**

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Сергей ГЛОВЮК
Борис ЕВСЕЕВ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Михаил ЗАДОРНОВ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом
образования и молодежной
политики
Славяна БАКУНИНА
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом литератур
народов России и СНГ
Марианна ДУДАРЕВА
заведующая отделом критики
Елена МАКСИМОВА
заведующая отделом культуры
Татьяна МАХОВА
заместитель главного редактора,
заведующий отделами
прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ
заведующий отделом
зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
заместитель главного редактора,
ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

В НОМЕРЕ:

Поэзия

Валерий КУЛЕШОВ 4

Проза

Данила ТРОФИМОВ

СПАСИБО, ЧТО ВЫ БЫЛИ ПОВЕСТЬ 20

Кирилл ЕРМИЧЁВ

АЙСБЕРГ ЗА ДВА ДОЛЛАРА ПОВЕСТЬ 31

Георгий ПРЯХИН

MORITURI TE SALUTANT! Роман. Продолжение 57

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

КАК ПОСМОТРЕТЬ... 9

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

«А КАК НАСЧЕТ КАПИТАЛИЗМА?» Продолжение 10

ЧЕРНОТА БЕЛОВЕЖЬЯ Продолжение 10

ИСТОРИЯ НЕ МЕНЯЕТСЯ? Продолжение 11

Город кино

Марина КОПЫЛОВА

**«АРТДОКФЕСТ» —
ЗОНА КОНФЛИКТОВ И СВОБОДЫ** Очерк 12

Как беден наш язык!

КЛЮЧИ ЧТЕНИЯ

Марианна ДУДАРЕВА

**150000000 РУССКИХ ГЕРОЕВ
В ПОЭМЕ В. В. МАЯКОВСКОГО** 28

Былое и думы

Алла МАРЧЕНКО

**ИЗ КНИГИ «ТАКОЕ ДЛИННОЕ ДЕТСТВО,
ИЛИ ПРОДЕЛКИ КЛИО»** Продолжение 44

Наследие

Евгений ЧИРИКОВ

«ЮНОСТЬ» Роман. Продолжение 71

Уноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Гарольд Томпсон РИЧ

ЗАТОНУВШАЯ ИМПЕРИЯ 82

Помощник главного редактора

Анастасия ПОПОВА

Заведующий редакцией

Игорь РУТКОВСКИЙ

Отдел юмора

Генрих ПАЛОЯН

Представитель в Санкт-Петербурге

Максим КОРШУНОВ

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Наталья ГОРЯЧЕНКОВА

Мария ПЯТЫХ

Фотокорреспондент

Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Максим ПОПОВ

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Всякая всячина

НЕВЕРОЯТНОЕ

Николай МИТРОФАНОВ

БОКСЕРСКИЕ ТАНЦЫ У КРЕМЛЕВСКОГО ГОНГА..... 85

ПОЕЗДКИ

Игорь МИХАЙЛОВ

«ПАРИЖСКИЙ КАБИНЕТ» БУНИНА... В ОРЛЕ..... 88

Творческий конкурс

Наталья ШАХНАЗАРОВА п. Опалиха **90**

Виктор КАШКИН г. Москва **92**

Галина БОГАПЕКО г. Москва **94**

Александр ШЕМЕТОВ Крым **96**

Инна АЛЕКСАНДРОВА г. Москва **104**

Софья АГАЧЕР США..... **111**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ

НАВСТРЕЧУ ВЕЧНОСТИ Повесть **117**

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Илья КРИШТУЛ

МОСКВА Из цикла «Великие города мира» **124**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ВСЕ БУДЕТ БЫСТРО И БЛЕСТЯЩЕ! **126**

ОКОЛОЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Проказник ГЕО

ВИДИМО, ВОДКУ ЗАВЕЗЛИ НЕКАЧЕСТВЕННУЮ!..... **127**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность представленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс: +7(495) 619-08-30,

+7(495) 647-01-89

E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Валерий КУЛЕШОВ

Валерий Кулешов родился в 1949 году в деревне Паленка Становлянского района Липецкой области. Учился в Московском энергетическом институте и Липецком филиале Московского института стали и сплавов, служил в Советской армии. В 1987 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Печататься начал с 1969 года. Первые публикации — в газетах «Молодежь Якутии» и «Ленинское знамя» (г. Липецк). Стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Приокские зори» (Тула), «Петровский мост» (Липецк). Автор поэтических книг «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова» и др.

Член Союза писателей России и Союза журналистов.

Проживает в городе Щекино Тульской области.

ПОЭЗИЯ МОЖЕТ СПАСТИ ЖИЗНЬ

Заглянуть в невидимое, уловить неслышимое, ощутить непостижимое...

За всем этим — поэзия.

Она — в любом из живущих.

Весть из инобытия, голос человека небесного, который, случается, дано принять человеку земному. Свет инобытия, открывающий безмерность пространства, дающий человеку возможность ощутить себя в целом во времени, ощутить его

субъективность. Свет, в котором — многообразие нашего мира и мироздания вообще.

Это — поэзия...

Поэзия есть то, что, делая стихи заговором, а иногда — приближая их к молитве, не только определяет жизнь, но и, знаю, может спасти ее.

«...я и живу, покуда выхоживаю в слове посеянный свет...»

Валерий Кулешов

* * *

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...
А. С. Пушкин

Ни покоя, ни воли —
ничегошеньки нет.
Есть знобящее поле
да прерывистый свет.

Есть кривая дорога,
пустота общих мест
да награда от Бога —
шаткой вехою крест.

* * *

Владимиру Дмитриевичу Цыбину

Услышу ветер — и заплачу...
Из книги «Корни слова»

Кладу я на ветер имя —
играй в беспмятстве лет —
и плачет слезами моими
неведомый мне поэт.

Вкушает он смертный опыт,
ударивший невзначай:
безвестной былинки шепот
роняет мою печаль,
и голос незримой птицы
любовью моей дрожит...

Чтоб этому в мире сбыться,
на свете и надо жить.

XX век

Последние десятилетия

...хотя озвучен зов, а ране —
на пол-эпохи — грянул гром,
все так же солнце за бугром,
все так же горечью герани

окно дышало,
и кружил
над сонным миром крик случайный
все так же...

Но всего печальней —
креститься не спешил мужик.

Память чувств

Чем дальше прошлое — тем ближе
его присутствие: в лицо
все жарче и светлее дышит
давно сгоревший день...
Иди же,
сожми спираль, замкни кольцо.

Минувшее проступит в знаках,
и сердце — вдребезги, упав.
О, этот шепот, этот запах
и эта горечь на губах...

И все.
Лишь чистых чувств смятенье
да ясный огонек вдали.
А сколько жизни в тихой тени,
что вызвали к тебе они...

И чудится: тут стерты грани
и неизбежно бытие.
Но там — чужая песнь играет,
тебе не вытянуть ее.

И все-таки ты жди спиной
напева жгучего порыв,
что душу захлестнет виною...
Нет будущего, есть — былое,
несбывшееся до поры.

Голос

...когда и просвета не чаю,
явь выводя из снов,
вдруг вспыхивает звучанье
в душе оживающих слов.

Не зная, что это — свыше,
но, весь обратившись в слух,

внимаю, как рядом дышит
живое творящий Дух.

И, целого будучи частью,
идя от корней одних,
смирненно приму причастье,
дыханье Его продлив...

* * *

Ночь распахнется —
вижу:
внемля мерцанью вех
Божьих,
собрался, вышел
строгий прямой человек.

Льется стезя сквозная,
бьется
в живом огне —
он, от меня ускользая,
все же идет ко мне...

Вечность высветят свечи,
вечность —
захватит дух:
чем я себя встречу...
с чем я к себе приду...

* * *

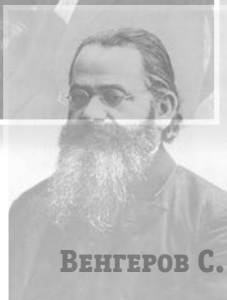
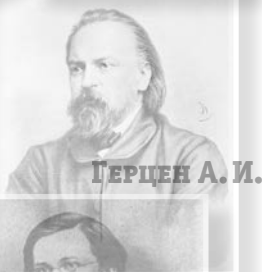
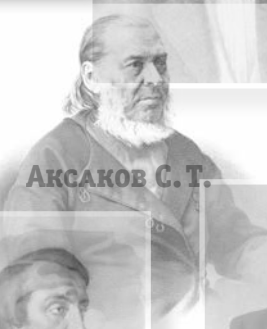
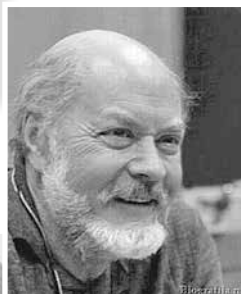
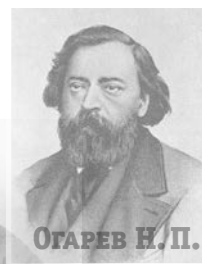
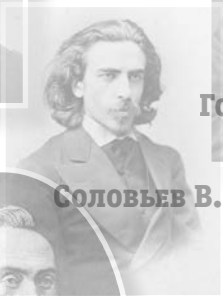
Махнув рукою на себя,
я песнь мою вспугнул...

Из поэмы «Зов»

Все верно.
Снова жизнь — не жизнь,
а так — худой мешок...
Но коли посох цел — держись,
хватив на посошок.

Глядь, камень, своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнешь.

Страницы Льва Аннинского

КАК ПОСМОТРЕТЬ...

Я, конечно, театрал небезупречный, и видел далеко не все, но рискну сказать, что мой возлюбленный «Современник» обратился к сценографии абсурда впервые в своей истории.

Притом на уровне классики. Тадеуш Ружевич, трагифарс которого инсценировали сейчас «На Язуе», вписал свое имя не только в мировую лирику — он и в Польше, и во всем мире давно признан как изобретатель и основоположник Театра Абсурда.

Пьесу Ружевича «Старая женщина высидживает» в «Современнике» переименовали для краткости в «Даму».

Постановщик Анджей Бубень в этом театре — впервые, но когда-то окончил Театральную академию в Питере и успел поработать на Васильевском.

В роли Дамы — Марина Неелова.

Так вот что я вам скажу: не «на Ружевича» идет наш зритель. И не «на Бубеня». А идет наш зритель — «на Неелову».

Пьеса — полувековой давности; в воздухе — страх перед неотвратимо надвигающейся Третьей мировой войной... Девушки-мойры, грациозные и обаятельные, страха вроде бы и не чувствуют: весь страх собран в душе Дамы, так что кажется,

что источник безумия — не в общей геополитической ситуации, а изначально и неистребимо — в душе человека. В нас с вами!

Дама такую ситуацию не только «высидживает», но еще и дает спасительные советы: чтобы жизнь подсластить, надо весь сахар без остатка немедленно вывалить в последнюю чашку чая, а того лучше — всем женщинам забеременеть. В паузах между такими рецептами Дама открывает лицо, и мы видим в светлых глазах великой актрисы неуходящую боль.

Ее глаза только и удерживают Разум в этом тотальном абсурде, особенно во втором действии, когда безумие раскатывается по всей ширине сцены и действующие лица в дальних ее концах мелко трясутся от общего ужаса.

Дама этот абсурд терпит, по потом не выдерживает: встает и обходит сограждан, успокаивая их. Возвратившись на свое место, вытаскивает черную хламиду и — под аплодисменты зала — покрывает себя.

Возвращается в свое безумие?

А может, возвращается в небытие из ада реальности?

Как посмотреть...

На правах диалога!

Вячеслав Иванов — Михаил Гершензон

Лев Гумилев — Александр Панченко

Лев Аннинский — Андрей Караулов

Кто следующий?

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год,
в № 1–12 за 2014 год, в № 1–12 за 2015 год, в № 1–12 за 2016 год

«А КАК НАСЧЕТ КАПИТАЛИЗМА?»

Аа он же разный.
«Есть капитализм организованный.
У-умный. А есть стихийный. В наших усло-
виях — бардак».

Какой же он будет у нас — капитализм? Или
социализм, вернись мы к нему? Или какая-нибудь
помесь того и другого?

Кричи не кричи «Караул!» — не поможет. Будем жить в том аду, который примем за рай. Какой стерпим. И за какой расплатимся — жизнями тех, кто не стерпит.

ЧЕРНОТА БЕЛОВЕЖЬЯ

Как всегда — диалог уровней. Соратники и помощники Ельцина ищут хитроумный выход из очередной непредсказуемой ситуации, а ситуация проступает сквозь их хитроумие каменными аналогиями.

В третий раз в истории России XX века она движается неотвратимостью, повергая правителей в состояние абсолютной прострации. Император Николай Второй перед отречением 1917 года; Иосиф Сталин в июле 1941-го; и вот — Борис Ельцин в ситуации Беловежья начала 1990-х...

Признаки краха вроде бы далеко. В Грузии очередной претендент на власть запасается поддержкой друзей... В Литве очередной претендент

готовит России денежный счет за оккупацию военных лет... На Украине опасней всего: афронт не оставит Союзу надежд...

А в 1922 году — разве были надежды, что Советский Союз — реальность?

Были. И не просто надежды, а именно тогдашнее чувство реальности. Никаких официальных бумаг не требовалось, никто новое государство не оформлял де-юре: Союз был неотвратимо затребован Историей...

А теперь? Беловежье — черная мета...

С такою же неотвратимостью История толкает государство к развалу?

ИСТОРИЯ НЕ МЕНЯЕТСЯ?

Это рассуждение выпадает у Караулова из главы, посвященной контактам нынешней России с церковными праистинами. Мое атеистическое воспитание удерживает меня от участия в этих дебатах. Но одно ПОПУТНОЕ рассуждение в карауловском тексте побуждает к комментарию.

Вот оно:

«Почти все страны Центральной Европы потеряли, на самом деле, свою суверенность. Давняя идея американского бизнеса: появление глобального (мирового) правительства. ООН — его прообраз? Речь идет о правительстве широкого наднационального бизнеса, единого (все решает только доллар!) “мирового порядка”. Это выгодно крупному капиталу: единая денежная система, полное (внутри каждой страны) разрушение национального единства, возможно — и национального самосознания, широкое распространение идей “религиозного освобождения”: мусульманский фундаментализм, ваххабизм, “братья-мусульмане”, “сикхизм”, католическая “теология освобождения”... Весь мир — в один кулак. Железный кулак. “Я буду

хорошо спать, если я буду уверен, что я остался один на земле”, — говорил великий Морган о своих конкурентах...»

Великий Морган (Джон Пирпонт?) пусть остается при своих профессиональных рекордах.

Но вот вопрос: как реагирует человечество на железный кулак, вечно нависающий над ним с разных сторон?

Да так реагирует, как велит ему его неумная природа: восстает против этих единств. И сейчас восстает. И против мусульманского единства, разрываемого внутренними распрями. И против «освобождения», непрерывно провозглашаемого Ватиканом. Многообразие — иногда писанное кровью — в агрессивной природе человека, как и неизбежные попытки этой кровавой природе противостоять.

Что нас ждет: очередное «единство» или очередной же бунт против единства? Бунт. Бессмысленный и беспощадный? Да?

Скорее всего — диалог этих начал. Мы станем очередными участниками: и жертвами, и триумфаторами этой драмы.

История не слабеет в своем трагизме.

Продолжение следует.

ОТ РЕДАКЦИИ

Год кино миновал. Как и предыдущий — Год литературы, — он был ознаменован громкими заверениями на самом высоком уровне, что кино у нас вроде бы есть. Не может не быть. И еще что кино — главнейшее из искусств, как говаривал некогда Ильич.

Кстати, на заре советской власти, аккурат после Гражданской войны, взошли имена Сергея Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина, Александра Довженко, Григория Козинцева, Леонида Трауберга, Дзиги Ветрова и т. д.

А Иванов-Вано? Без него не было бы Диснея!

А чем, кроме старых афиш на Невском и раскрашенных электричек в Москве, был ознаменован нынешний Год кино в России?

Где новые имена, фильмы?

Иной раз, слушая новости культуры, кажется, что «кина» больше не будет. Никита Михалков, Федор Бондарчук и «Трудно быть богом» Германа — это теперь наше все. И больше у нас ничего нет. И не будет.

Но ведь это не так. Журнал «Юность» пишет об успехах молодого питерского режиссера Ратмира Лутфуллина. А еще в Питере в 2016 году в Александро-Невской лавре состоялся фестиваль христианского кино «Невский Благовест».

А в самом начале 2016-го была премьера фильма о своем легендарном деде Андрея Малаева-Бабеля, который он привез из Америки, — «В поисках Бабеля».

Но мы этих фильмов, точно так же и тех, о которых пойдет речь в обзорной статье Марины Копыловой, не увидим ни в кинотеатрах, ни на канале «Культура», ни где-нибудь еще.

Почему?

Об этом и речь...

Марина КОПЫЛОВА

О СЕБЕ

Автобиография... короткая)) Скажите, сколько надо, я сокращу...

Родилась в Йошкар-Оле (Республика Марий Эл, в то время еще Марийская АССР) в семье связистов. Мечтала быть балериной, но меня во всех профессиональных школах отсевали по росту, он был стремительный. Тогда я начала петь и много рисовала. После школы работала в типографии, в переплетном цехе, брала уроки вокала, танца и академического рисунка, с 16 лет начала писать и публиковать стихи и сказки, играла в молодежном театре, начала фотографировать (отец подарил именную фотоаппарат). Много раз поступала во ВГИК и ГИТИС на режиссуру, но кончилось все поступлением в пединститут, из которого ушла прямо в Москву на «лимит». Работала художником-декоратором в театре, дворником, почтальоном, воспитателем в детском саду.

В 1980–1982 годах — участник литературного объединения «Магистраль» (ДК железнодорожников) под рук. Ю. В. Томашевского (как поэт), в 1984–1987-м — Славянской студии А. Котова и В. Теплова при Ансамбле народной музыки Д. В. Покровского (Москва) (вокал, фольклорный театр, костюм, танец, этнография). Первая экспедиция в феврале 1985 года в Западное Полесье (Белоруссия) перевернула всю жизнь и связала в узел фольклор, театр, кино и журналистику.

С 1985 года, работая корреспондентом молодежной республиканской газеты в МАССР, ездила, под предлогом командировок, в отдаленные районы в фольклорные экспедиции: на левый берег Волги (зона затопления Чебоксарской ГЭС) и на север, границу с Вятской губернией, откуда родом была вся родня по отцу. Отдельные очерки публиковала в газетах, в т. ч. в «Литературной России», журнале «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», «Сельская молодежь» (Москва).

В 1987 году С. В. Михалков приехал в Йошкар-Олу на юбилей национального литературного журнала «ОНЧЫКО», и мне удалось кинуть ему через толпу национальных культурных кадров папку с рукописями. Он ее поймал и через два дня вызвал меня через СП МАССР к себе, уперся глазами через край стола в мои валенки и сказал, что прочел и очень понравился язык, но «уже не время для стихов», поэтому лучше начать публиковать прозу, велел подписать ему сказку «Розовая лошадь», увез ее в Москву и опубликовал в «Литературной России» через месяц (мой первый литературный гонорар!).

Стихи публиковала только в коллективных сборниках. Отдельной книги не выпустила до сих пор: с национальным госиздательством Марий Эл отношения не сложились по национальному признаку уже тогда. В Москве не удавалось осесть, чтобы бегать по редакциям, по почте стихи, как правило, «терялись» или «не заинтересовывали редакцию». Меня же очень заинтересовала фольклористика, фольклорный театр, я вела несколько студий одновременно, курсы в Институте образования, сделала собственную программу для сада и начальной школы, и по ней даже удалось поработать в Москве в 1997–1998-м в УВК-1835, потом еще в нескольких детских школах искусств, общеобразовательная школа не смогла это вынести и внедрить, к сожалению, потому что для фольклора нужно время и место, а в школе времени нет, там к ЕГЭ готовятся.

В 1990 году окончила Московский полиграфический институт, факультет издательского дела и книжной торговли, отделение журналистики (квалификация «редактор массовой литературы»).

Училась в аспирантуре Литературного института имени М. Горького до 1993 года.

С 1991-го, устав уговаривать издательства, издавала книги сама как редактор, составитель, художник, продюсер — под ключ... С 1991 по 2007-й издала пять книг: фольклорный сборник «Песни поются для радости», сборник сказок и стихов для детей «Розовая лошадь. Криксы», «Пьески для уличного и домашнего театра», сборник рассказов для детей «Ребенок под шубой», каталог аутентичного детского рисунка «Культура праздника — глазами наших детей», научно-художественную монографию о вятском и полесском традиционном фольклоре второй половины XX века «В поисках костяной иглы», в 2005 году выпустила аудиоприложение к книге на CD — «Ты прости-ко, прощай...».

В 1996–2011 годах руководила фольклорной группой «Вертеп» и молодежной общественной организацией «Сретенье» в Республике Марий Эл, с возможностью получать независимые гранты и стипендии на экспедиции, выставки, образовательные проекты и книгоиздание.

С 2009-го — постоянный автор «Страстного бульвара, 10» (журнал СТД России, Москва), «Литературной России» (Москва), еженедельника «МК» В Марий Эл» (Йошкар-Ола). С 2011 года аккредитована как журналист на ММКФ и МКФ неигрового кино «Послание к человеку», Казанском международном фестивале мусульманского кино, «Артдокфест» (2014, 2016).

В 2016 году окончила магистратуру ВГИКа имени С. А. Герасимова по специальности «кинодраматургия».

Член СП России с 2003 года, Ассоциации антропологов и этнографов России с 1996-го, член Гильдии киноведов и кинокритиков России. Постоянной работы не имею. Живу в основном в Москве.

«АРТДОКФЕСТ» — ЗОНА КОНФЛИКТОВ И СВОБОДЫ

Фото Александры Ивановой и Юрия Фиклистова

Мы смотрим документальное кино, чтобы понять, что с нами происходит.

Авторская кинодокументалистика — это иногда вразрез или впереди официальной идеологии. Большинство фильмов мы не увидим нигде, кроме как на кинофестивалях.

Фестивалю «Артдокфест» в следующем году исполнится десять лет. С 2014 года он лишен господдержки, но по принципу «Нас бьют, а мы крепчаем!» в прошлом

году прошел в Риге, Екатеринбургe, Санкт-Петербургe и Москве при поддержке Studio Vertov, Фонда Михаила Прохорова, киноцентра «Каро-Октябрь», медиа-ресурса MEDUZA, телеканалов «Дождь», «Настоящее время», радио «Эхо Москвы», «Свобода», журналов NEW TIMS, «Искусство кино». Президент фестиваля, лауреат национальной кинопремии «Лавровая ветвь» кинорежиссер Виталий Манский поздравил зрителей с завершением Года кино.

«Артдокфест», групповое фото победителей

Уже три года режиссер живет в Латвии. Во Львове осталась мать, в Донбассе, Одессе и Крыму — тетки и племянники. Этому посвящен его новый фильм «Родные» (2016). Его документально-публицистический фильм «В лучах солнца» (2015) ограничен к публичному показу в России, Министерство культуры России отказало ему в прокатном удостоверении трижды. Оба фильма были показаны при переполненных залах на большом экране центрального кинотеатра Москвы в рамках «Артдокфест» и еще в трех городах. Вдогонку фестивалю Минкульт России пригрозил крупным штрафом за публичный показ фильмов без прокатного удостоверения.

Действие в фильме «Родные» разворачивается в Крыму, Донецкой области, Львове и Одессе, корни семьи матери Виталия Манского уходят в Литву. Автор навещает родственников на окраинах прежде единой страны. А три немолодые тетушки, как три мифологические парки, невидимо прядут нить судьбы рода, кипят чайники на старых газовых решетках под выстрелы, с верой в плодотворность сдачи макулатуры.

Фильм «В лучах солнца» (Латвия, Россия, Германия, Северная Корея, 2015) снят по сценарию и приглашению Северной Кореи. После двух съемочных экспедиций в страну и просмотра материала в третьей экспедиции группе было отказано. (Правда, после показа в Южной Корее приглашение поступило, но Манский держит паузу. Фильм, смонтированный из материалов двух экспедиций, получил приз Берлин-

ского кинофестиваля. МИД Северной Кореи, по словам режиссера, направил официальную ноту России с требованием запретить показ фильма в России. Представитель Министерства культуры России официально это пообещал ради сохранения дружественных отношений между странами. Фильм был выложен автором в Интернете и дважды показан на кинофестивале «Послание к человеку» в Санкт-Петербурге в сентябре. Мы видим солнечную страну без теней, без Интернета, отопления в домах. Гармония народа с тоталитарным государством, недовольных нет. Но нарастает скрытый конфликт автора фильма с «инструкторами», которые указывают, что и как снимать, а героям — что и как говорить. Девочка Цин Ми и ее родители — под постоянной охраной инструкторов, прямое общение невозможно. Оператор Александра Иванова прибегает к крупным планам лица девочки, но лицо неподвижно-терпеливо. Съемочная группа, выслушивая приказы инструкторов, выковыряв из камер красный глазок, фиксирует два пласта реальности: постановочный и документальный — скрытой камерой. Вот мальчишка после песнопений на площади жадно выгребает из урны окурки, люди двигают троллейбус в темноте под отключенными проводами, семья Цин Ми забирает из квартиры красный цветок «кимченхия» в горшке, верхнюю одежду (больше ничего своего), лампу и входит в лифт. Съемки в доме окончены, квартиру освобождают, в окна вставляют фанеру, рамы со стеклом уносят. Цветок ставят к но-

гам гигантской статуи Вождя. Рядом — десяток таких же цветков. Толпы людей в одинаковой новой одежде (и обуви!) возлагают цветы в одинаковых пластиковых кульках. Февраль, горячего чая нет, газа нет, электричества после 22:00 нет, магазинов, денег в обороте, ничего, в чем можно согреться. Чем живет народ, если девочка плачет от бессилия и не может вспомнить для радости ничего, кроме клятвы пионера?!

На «Послании к человеку» Манский признался: «Я снимал “Триумф воли” по-корейски, но мне не дали...» Я увидела в фильме сходство с «Первоклассницей» (СССР, 1948). Манский согласился. К этому времени фильм был показан в Европе, выложен в Интернете, Цин Ми стала брендом коммунистического детства и недавно удостоена великой чести вручить цветы лично Ким Чен Иру.

Отключение «Артдокфеста» от государственного финансирования произошло в связи с показом в 2014 году документальных фильмов о событиях на Украине, снятых зарубежными операторами. Тема и сегодня проходит в программе красной нитью: множественность точек зрения, по мысли организаторов фестиваля, дает более объективную картину происходящего, чем СМИ. В основном конкурсе фильмы «Мариуполис» (реж. Мантас Кведаравичус, Литва, Германия, Франция, Украина), «Десять секунд» — о последствиях шести залпов системы «Град» по жилым районам Мариуполя (реж. Юлия Гонтарук, Украина), «Близкий далекий Восток» — путешествие украинской эмигрантки из Чехии на родину после Майдана и

Программный директор «Артдокфеста» Виктория Белопольская и кинорежиссер Виталий Манский

обратно (реж. Филипп Ремунда, Чехия), «Украинские шерифы» (реж. Роман Бондарчук, Латвия, Украина, Германия). Из российских вне конкурса наиболее удачен полнометражный фильм «Форсаж. Возвращение» Наталии Гугуевой о военно-морской авиационной бригаде ВВС России в Саки (Крым). Судьбы летчиков и членов их семей, которые при отделении Украины вынуждены были выбрать между переприсягой на верность Украине и службой на авианосце на севере... Конфликтовали с женами-украинками. Семьи рушились. Один из героев вспоминает шутку того времени: «Проститутки на верность не присягают». А кто-то переприсягнул, в Севастополе тоже были такие. Кто знал, что все так быстро вернется на

Виталий Манский. Перед началом нового фестивального дня

круги своя и военный аэродром в Саки снова станет российским. Съемки в кабине истребителя, на авианосце, чудовищная вибрация, и полтора часа мотаций, воспоминаний, принятия решений, полетов. Вечный выбор русских мужиков между любовью к женщине и долгом перед Родиной.

Родина не хочет знать своих героев. Об этом серия фильмов о гигантских гидростанциях, которые как бомба замедленного действия в теле нашей страны и форма борьбы с народом. «Против течения» (реж. Дмитрий Тарханов, Россия) — про неутихающую боль бывших жителей зоны Куйбышевского водохранилища спустя шестьдесят лет после ее затопления; «В круге четвертом» (реж. Екатерина Стыченко, Россия) — о последних античеловечных зачистках ложа водохранилища на Ангаре в наши дни. Жизнь честных людей, хозяев на своей земле и в своем доме, вступает в неразрешимый конфликт и неравную борьбу с планами энергетических компаний, которые используют в качестве орудий устрашения милицию, суды, огонь, угрозы, зэков. В фильме использована видеосъемка жителей деревень накануне затопления, насильственное уничтожение техники, имущества, домов в присутствии владельцев, стариков, детей. «Катастрофа» (реж. Алена Рудницкая, Россия) — о техногенной аварии на Саяно-Шушенской ГРЭС 17 августа 2009 года, когда от превышения вибрационной нагрузки на турбины произошел прорыв громадных объемов воды, в аварии погибло 75 работников ГРЭС. До сих пор люди работают при постоянной угрозе прорыва защиты из-за некачественного ремонта. Но трудно было найти тех, кто бы решился засвидетельствовать

это перед кинокамерой. «Вас всех когда-нибудь обвинят в халатности, которой будут прикрывать ошибки проектировщиков! Вы заложники государственных амбиций! Бойтесь реки!» — наставляет будущих инженеров-гидроэнергетиков педагог техникума при ГРЭС. Борьба за официальное признание гибели людей на рабочем месте длится шесть лет...

Боли внутри страны больше, чем мы знаем. Даже в кино рассказать о ней могут немногие. Нужна большая душа, чтобы впустить в себя чужую боль и терпеть ее вместе с героями. В картине Войцека Касперски «Икона» (Польша, 2016) врач-психиатр лечебницы для отказников и неизлечимых в Сибири показывает свои владения. У его пациентов не осталось на свете ничего, кроме их внутреннего искаженного мира, из которого нет выхода, кроме беседы с врачом. Он беседует с каждым, в какой-то момент делегирует эту миссию иконе, признавая бессилие медицины перед психическими заболеваниями, но главное — надеется, что мы узнаем на экране «своих» и заберем из этого ада...

Безумие силы, не отягченное страданием, напротив, благоденствует, упаковано в форму, флаги, мотоциклы, хорошо кушает, руководит молодежью, устраивает шествия и съезды и крышется спецслужбами страны. К этому ошеломительному выводу подводит фильм-расследование Влади Антоневица «Кредит на убийство» (Израиль, 2015). Режиссер играет одновременно роль рассказчика и героя-детектива. Его друг, скептик Шурави, подвергает все сомнению и заставляет искать истинные мотивы серии убийств гастарбайтеров в Москве русскими фашистами осе-

На обсуждении фильма «Четвертый уицраор, или Метаистория Государства Российского» (реж. Александр Кибкало)

Михаил Алдашин и Влади Антоневиц, «Артдокфест», 2016 год

ню-зимой 2011–2012 года, накануне президентских выборов. Оператор Джон Черный (съемочная группа состоит из бывших «афганцев») приглашает зрителя третьим в процесс расследования, проводит нас вместе с героями на тайную сходку фашистов в лесу, на фашистские манифестации, тайные квартиры, заставляет думать и видеть. Испытываешь восхищение бесстрашием авторов фильма, животное удовольствие от изумительно построенного и разыгранного сценария. Режиссер заверил: все участники фильма посмотрели его и остались довольны неискажением своего обра-

за перед лицом надвигающейся на Русь нацугрозы с Востока, Запада и Юга. Фильм получил приз в номинации «Лучший полнометражный документальный фильм». В ответном слове Влади Антоневиц сказал: «Этот фильм должен был снять русский, а не гражданин Израиля...»

Российская документалистика разрабатывает три ключевых мотива русской жизни: тюрьма, сума, война или революция. «Хроники неслучившейся революции» (автор Константин Селин, Россия) фиксируют полугодовую забастовку российских водите-

Кадр из фильма «Кредит на убийство»

«Латышский режиссер» Виталий Манский и «латышский продюсер» Наталия Манская на премьере фильма «Родные»

Виталий Манский и кинокритик Виктор Матизен

лей-дальнобойщиков зимой-весной 2015–2016 года в знак протеста против ввода налога на проезд по федеральным трассам. Акция была затерта в СМИ. Автор фильма вместе с водителями жил в автолагере за МКАД и свидетельствует о народной самоорганизации. Добились снижения штрафа за неуплату в 100 раз — и пора, семью надо кормить! Хорошо, что никого не посадили.

Между тем новые поколения на досуге благоустраивают заброшенные лагеря ГУЛАГа. Что ими движет? Я искала ответ в фильме «Пермь-36. Отражение» (реж. Сергей Качкин, Россия). В первой части фильма виды дачного Комарово, просторы реки в Пермском крае чередовались с рассказами трех бывших узников лагеря, сидевших за чтение запрещенной литературы в эпоху оттепели. Идеал «свободы» тогда засветил с Запада, но, будучи ИДЕАЛОМ, пришел в конфликт с реальностью советского государства, которое, как всякое государство, определяло гражданам свои границы свободы. Тут бы и показать автору, как вдохновенно современная молодежь ставит указатели в концлагерях на Чусовой, реставрирует бараки, растит детей вдоль БАМа, или, наоборот, как она крушит и пачкает все на своем пути, то есть «выйти на просторы современности», показать новые конфликты со старыми устоями. Но автор показывает последний общественный палаточный фестиваль «Пилорама» 2013 года, когда общественный музей на базе лагеря «Пермь-36» (закрыт в 1987 году) был приватизирован Пермской администрацией для создания областного музея политрепрессий. Этот конфликт не показан объективно. В результате фильм оставляет странное чувство полуправды. В памяти остается лицо первого директора музея Виктора Шмырова, с собранной стихийно с сограждан пачкой денег, картежный жест этими купюрами, и трое молодых людей в красных футболках, агитирующие за КПРФ. Взгляд зрителя описывает по ним «бабочку» (фигура НЛП для активизации запечатления сказанного). Зачем она здесь? По словам автора, кадр возник случайно. В таком виде фильм прошел на фестивалях «Докер», «Сталкер», «Артдокфест» и др.

За рубежом, оказывается, на предмет истории тоже происходит примерно тусовка, только у них там все почище, поухожнее. «Аустерлиц» украинского режиссера Сергея Лозницы (Германия, 2016; премия «Лавровая ветвь» за лучший арт-фильм 2016 года) показывает светлый, чистый черно-белый мирок, бесконечные шаркающие ногами люди в шортах и кепках, с сотиками. Жара. Люди останавливаются, слушают аппараты и нехотя исчезают за левой границей кадра. Пространство смотрит на них изнутри, из-за ажурных ворот с красивой надписью на немецком: «Труд — освобождает», у каких-то построек, дверей, окон, словно ожидая каких-нибудь эмоций. Но их нет. Тридцать пять длинных кадров за полтора часа, никаких комментариев, ни одного крупного плана. Во второй половине фильма, в некоторых кадрах, с большими интервалами слышны реплики экскурсоводов на разных языках: испанском, французском, иврите... Про казни, про душ «из

Жюри фестиваля

синильной кислоты» в газовых камерах, трещину на печи крематория в первую же неделю эксплуатации. Слышен дождь, люди узнают звуки, а остальное — нет. Топчутся вокруг кафельных столов, столбов, к которым привязывали перед казнью. И не могут ничего почувствовать... Селфятся семьей на фоне надписи «Труд — освобождает». А один экскурсовод признается (в целях пиара, но фраза придает финальный «объем» происходящему), что лично он ничего не слышал о кислоте и прочих ужасах, но то, что народу здесь уничтожено в три раза больше, чем известно из официальной истории, — это точно. Мы соглашаемся и с этим. И вдруг замечаем, что объекты не отбрасывают тени. Это позволяет воспринимать происходящее как обморок, сон, беспмятство в местах, где страдание «зашкаливало». (Фильм снят на месте великой битвы народов начала XIX века (см. роман Л. Н. Толстого «Война и мир»), в XX веке превращенном в сеть концлагерей смерти).

Пространство встречает и провожает людей, лишенных памяти...

Гран-при фестиваля — фильму «Освобождение: инструкция по применению» Александра Кузнецова (Россия — Франция, 2016) о русских девчонках, которые с детства лишены дееспособности по социальным показаниям, живут в закрытом интернате, учатся в коррекционной школе, но вот приходит их фертильный возраст, и они настойчиво и иногда успешно отсуживают у государственной системы свое право на жизнь, семью и свободу.

В целом фестиваль оставляет светлое ощущение, что все возможно, даже когда уже нет никаких возможностей. Главное — не оставлять камеру, продолжать смотреть на жизнь при ее посредстве, фиксируя перемены и размышляя о мотивах поступков людей и народов и вступая в конфликт со злом, моделировать светлое будущее, даже если вам при этом грозят засветить по объективу.

Данила ТРОФИМОВ

О себе

Я, Данила Трофимов, родился в 1993 году в Москве в семье медсестры-анестезиста и невропатолога. Учился в школе № 846 в классе с физико-математическим уклоном. После окончания поступил в Литературный институт на семинар детской литературы (мастерская А. П. Торопцева), затем перевелся на семинар прозы к С. Н. Есину. Сейчас работаю специальным корреспондентом в журнале «Мебельный бизнес».

ДАНИЛА-МАСТЕР, ИЛИ ТЕПЕРЬ ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ

Писать, как известно, научить невозможно. Можно спрямить путь и рассказать будущему писателю о всех ошибках, которые до этого совершил его более опытный учитель. Этим, собственно, мы и занимаемся в Литературном институте. Но смысл этим самым заниматься есть только в том случае, если человек к этому предрасположен. Все то же самое и в консерватории, где учат петь и играть, и там, где учат рисовать и лепить скульптуры. Только от одного желания петь не запоешь. Талантливого человека, как породистую собаку, всегда видно. По тому, как слушает, как реагирует, а главное, как складывает слова.

Собственно, Данилу Трофимова, с чьей повестью читателю предстоит ознакомиться, в Литинституте разглядели довольно быстро. Но талант на то и талант, чтобы еще и самому понять, к чему лежит сердце и как должна сложиться жизнь. Если сел не в тот вагон, надо срочно пересесть, а не тащиться до конечной станции. И куда тогда приедешь? И талант — это

еще, конечно, умение прикрепить себя к стулу. Труд — он всегда идет следующей строкой за способностями и удачей. Собственно, в этих немногих строках моя характеристика бывшего моего студента, а теперь уже, кажется, и сложившегося писателя. Добавить могу, что это еще и его дипломная работа. Мы жили по-другому, чем герои Данилы Трофимова, нам с детства меньше давали, но и жизнь была, может быть, менее трагической. И зрели мы позже, но Данила уже считает себя сорокалетним. Думаю, это не совсем так, время другое, и о нем он честно и подробно говорит. И, наконец, последнее. Я рад, что Данила начинает в журнале, с которого начиналась творческая судьба многих знаменитых писателей. Список большой: здесь и Аксенов, и Евтушенко, и Ахмадулина, и Лихоносов, и Роберт Рождественский... Я назвал только самый верхний ряд. Кстати, все они с дипломами Литературного института. Первая известность и ко мне как писателю пришла через этот журнал. Ну что, Данила, теперь твоя очередь.

Сергей Есин, писатель, заведующий кафедрой Литературного творчества Литературного института имени А. М. Горького

СПАСИБО, ЧТО ВЫ БЫЛИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины Медведевой

10.06.09

Дима зашел в лифт и поднялся на девятый этаж. Лестничная клетка со облупившейся краской на застарелых стенах — серый верх, зеленый низ. Напротив лифта — лестница, ведущая на чердак. *Мы там были однажды, там хорошо, еще бы раз...* Справа и слева — решетки. Черные, массивные, за каждой по две двери. *Все, все, все. Спокойно. Чего я, как в первый раз?..* Звонок — белая кнопка с копотью. Под звонком цифры: один, семь, восемь. *Наверно, слишком быстро, вот и нервно.* Он позвонил в дверь, а потом спустился в пролет между этажами, открыл окно и снял гитару с плеча.

На одном из балконов соседнего дома Дима увидел толстую женщину в белой ночнушке. Она сначала развешивала белье, а потом ушла в комнату, и там кто-то ходил из стороны в сторону и резко размахивал руками. *Ссорятся, наверно, и зачем люди ссорятся...* Димин друг Яша жил в доме напротив. Родители Яши часто ругались, пока отец (бывший зэк) не допился до цирроза и не умер. На вопрос, зачем родители ссорятся, наверно, Яша бы ответил: «Чтобы их дети знали, как себя вести во взрослой жизни».

Чуть правее девятиэтажки — школа, сверху похожая на большую букву «Н», внутри и снаружи серая и незаметная.

Сигарета кончалась, Дима с каждой затяжкой все отчетливей чувствовал у пальца тепло. *Как раздражают эти пальцы и ногти! Они аляпистые, пухлые и некрасивые. Медвежья лапа. Такими руками нельзя касаться ее рук, тонких, нежных, с черным лаком на длинных... это ничего, что лак у нее иногда трескается, оттого они... руки, настоящие. Спокойствие.* От ее рук всегда пахло чем-то сладким, и он, часто прислоняя после встреч с ней руку к носу, все еще чувствовал ее запах. Она однажды сказала ему, что это за запах: запах сицилийского мандарина. Она сказала это тихо-тихо, как будто секрет всей жизни, при этом игриво улыбнулась, а он восторженно повторил: «*Сицилийский мандарин!*» Дима старался не курить левой, той рукой, которая больше всего пахнет ею.

Дверь хлопнула. Она вышла. *Магическая. Когда с ней говоришь, создается впечатление, что*

говоришь с родным человеком, от которого исходит теплота, искренность, участливость, светлость, доброта...

Сегодня у нее были распущены волосы, черные и волнистые.

— Привет, Дим, — сказала она.

— Привет, Катя. — Дима выкинул сигарету в окно и надел гитару.

Они вышли из подъезда. Гитару взял с собой, скорее, для нее, а не для себя, потому что сам одновременно петь и играть не умел. А Катя однажды как-то вдруг решила, что надо научиться петь под гитару, и научилась за две недели, плохонько, но научилась! И запела. По-настоящему запела.

— Сегодня у Ежа смена до пяти, — сказала Катя.

— Хорошо.

Они зашли в метро. Катя села, Диме места не досталось, он стоял над ней. Катя сидела с закрытыми глазами, веки ее были в блестках и черные. Дима злился на толстого дядьку, который развалился рядом с ней.

Когда они вышли из метро, на улице светило солнце. *Солнце!* Катя танцевала, радуясь ему, она танцевала вокруг Димы:

— Дим, ты такой задумчивый! Люблю задумчивых, но иногда скучно может стать. Тебе скучно со мной?

— Нет, совсем не скучно. Мне с тобой всегда весело, даже когда мы молчим. Я вот на тебя смотрю, пока мы едем в метро, а ты сидишь и не знаешь.

— Да ты маньяк, Дим! — рассмеялась Катя. — Давай танцевать!

Она весело кружила вокруг него, легкая и беззаботная.

— А ты мне сегодня поиграешь?

— Уж лучше ты мне.

— Но ты обещал.

— Ладно, ладно...

Они шли в офис компании, в которую хотела устроиться Катя. Четыре часа в день и три с половиной тысячи рублей — все, что она знала о работе. Зашли в четырехэтажный дом, остановились у нужного кабинета. В кабинете за большими столами, заваленными толстыми папками-файлами, сидели две женщины. Увидев Диму, одна из женщин попросила его подождать за дверью. Дима вышел

и встал около двери кабинета, снял гитару, поставил ее себе на ноги. Через пару минут вылетела Катя и радостно обняла Диму:

— Меня взяли! Взяли, взяли, взяли!

И она вновь кружилась, и волосы ее пушились еще больше. Они вышли из офиса, держась за руки.

— Завтра у меня первый день. Нужно ехать на другой конец Москвы, на Петраши.

— А что ты будешь делать?

— Просто улыбаться всем и раздавать буклеты.

— Да, работа непыльная вроде.

— И за четыре часа они дадут четыре тысячи! Даже больше, чем обещали! Я рада.

— А я рад, что ты рада. Как раз будешь совмещать с институтом, когда поступишь. Теперь домой?

— Да. Или погуляем, не знаю.

В метро Катя и Дима сели вместе. Она положила голову на его плечо. После метро Катя сказала, что хочет все-таки погулять, и они долго бродили по дворам, пока не сели на скамейку недалеко от детской площадки. Катя поцеловала Диму, а потом попросила у него сигарету.

— Тебе нельзя! — возмутился Дима.

— Я же не всегда курю.

Катя держала в руках сигарету и была похожа на поэтессу. Неземную, задумчивую и прекрасную в своем молчаливом курении. Затем они пошли на набережную и сели на пристани, поближе к воде. Дима вытащил гитару и положил чехол на землю.

— Прошу. — Он помог Кате сесть, а потом сел сам.

— Спой что-нибудь, Дим, — попросила Катя.

— Я не могу.

— Почему? — изумилась Катя.

— Я не умею, и вообще — стесняюсь тебя. Давай, может, лучше ты?

— Нет, я тебе и так часто пою. Теперь ты.

— Правда, я не могу.

— Чего ты? Смешной... Давай, хочешь, я отвернусь. Или нет. Давай лучше ты отвернешься.

— Это как-то глупо, Кать.

— Ничего это не глупо. Ты попробуй. Давай! Пой.

— Не могу.

— Тогда просто играй.

— Ладно. Я попробую.

— Не пробуй — делай.

И Дима заиграл. А когда музыка стихла, Катя произнесла:

— Мой папа на этой набережной познакомился с мамой. Она гуляла с подружкой, а навстречу

он, и все — любовь на всю жизнь. Вру, конечно, не было такого... Я мало что о нем знаю и почти совсем ничего не помню, а мама не рассказывает. Я помню только, мы с папой на озере рыбу ловили. Он учил меня снимать ее с крючка. Мне попала маленькая такая рыбка. Я вытащила ее из воды, отложила удочку, держала леску. Рыбка барахталась в воздухе, как будто все еще плыла. Папа сказал, что ей надо разорвать рот, она слишком глубоко проглотила крючок. Папа сделал это за секунду, я даже ничего сообразить не успела, и так безразлично сделал. Я расплакалась. А он меня обнял. Борода у него черная, колючая. Когда я закрываю глаза и думаю о папе, я не вижу его лица, я вижу только одну его черную бороду. Папу убили под аркой у дома, из-за денег, он играл на курсах... Иногда я представляю, какой у него мог бы быть голос. Я представляю этот голос хриплым, таким... прокуренным. Хочу, чтоб он сказал что-нибудь приятное, и мне стало хорошо. Прижал меня к себе и сказал: «Ты моя красавица».

Солнце, желтое и яркое, уже почти не грело, а небо — чистое, беззаботное — начало розоветь. Катя прошептала:

— Все люди хорошие. И ты хороший, конечно. Нет плохих людей. Люди хорошие, а поступки у них плохие. Нет в них зла, все добрые. Я это давно поняла, и хочется каждого обнять, напомнить: ты — хороший. У тебя такого не бывает? Ну чего ты улыбаешься, дурачок! Вот хорошо, что мы не звери, а? Хорошо, что мы люди, и можем понимать, когда делаем плохие поступки. Но зверей я, кажется, еще больше люблю. А еще я иногда обнимаю деревья.

— Зачем это? — рассмеялся Дима.

— Вообще-то от них можно получить много положительной энергии.

Катя нахмурилась и сказала вдруг:

— Пойдем, время уже пять.

Они подошли к ее дому. Первый подъезд, второй, третий... Шли к пятому. Дима взял Катю за руку:

— С тобой — приятно и уютно, и...

— Привет!

Голос. Руки убрали в карманы. *Меня сейчас он убьет, он же ненормальный, реально просто на месте убьет. Ладно, спокойно.* Оглянулись как ни в чем не бывало. На скамейке рядом с третьим подъездом сидел парень.

— Ежик, — голос Кати дрожал, — а ты чего здесь?

— Время почти шесть. С работы приехал. — Парень не поднимал головы, читал книгу. — Домой не хотел идти, книжку новую купил.

— Что читаешь?
 — «Тошнота», тебе не понравится.
 — А я с собеседования.
 — Да, я ее провожал, — виновато добавил Дима.

— Он меня провожал, — подтвердила Катя.
 — Ясно. Почитаю еще, к тебе зайду.

Молча пошли. Не могу так больше. Наверное, он не заметил, потому что если бы заметил, то сразу бы — в морду. Точно, не заметил, но как это можно было не заметить: мы шли... он окликнул — все он видел! Прощаясь с Катей, Дима потянулся к ней, чтобы поцеловать в щеку.

— Давай не будем, — отрезала она. — Пока.

Катя зашла в подъезд. Тяжелая серая дверь захлопнулась, а домофон все еще продолжал пищать. Вот и весь мир замолчал, оставив Диму наедине с самим собой.

Зазвонил мобильный телефон. Дед звонит. Дима взял трубку. В трубке — что-то неразборчивое, голос деда пьяный, что ли, не пойму, стран-

но... алло, дед, чего такое, говори, ну не слышу, не понимаю, а, ты чего, пьяный или чего? Дима бросил трубку. Через полминуты опять звонок.

— Дед, чего там у тебя случилось?

В ответ — хрип.

Услышал, кажется: «Плохо мне». Плохо, как плохо, что делать, что... нужно бежать. Так. Спокойно. НЕТ, КАКОЕ СПОКОЙНО, ДАВАЙ БЫСТРЕЕ К ОСТАНОВКЕ БЕГОМ, НУ ДАВАЙ, АВТОБУС ПОДЪЕЗЖАЕТ ВОН, ВИЖУ, БЕГОМ... Прошел в салон, сел у окна, ближе к выходу. Теперь уже только ждать, сейчас я ничего не могу, где он, наверное, дома, хоть бы он был дома, нужно позвонить матери, сказать... не берет трубку, да давай ты, автобус, что ты так тащишься, давай, давай, давай. Ну! Дима звонил матери, потом деду, потом дядьке. Дядька сказал, что недалеко от дома как раз, сейчас тоже подъедет. Улица так медленно ползет, сука, давай, автобус, я тебя ненавижу, ну!

Перезвонил дядька:

— Дим, ты где?

— Еду я, еду.

Как только автобус подъехал к остановке, Дима вылетел из салона и помчался к дому. У подъезда стояла дедова машина с открытой дверью, рядом дядька, он что-то Диме говорил. В машине за рулем сидел дед. Лицо его оплыло, искорежилось. Он тяжело дышал. Вся левая сторона лица — как будто резиновая, ненастоящая. Дед смотрел на Диму, и левый глаз его был почти закрыт. Дед стонал, хрипел. Такой большой, такой сильный и — беспомощный. Диме навсегда запомнилось выражение лица деда, который впервые плакал при внуке, беспомощно водя в воздухе правой рукой, пытаясь что-то сказать, что-то сделать.

11.03.08

В дверь позвонили. Катя пошла открывать. Через минуту она едва слышно вернулась в комнату и прошептала:

— Там — он!

— Кто — он? — не понял Еж, лежавший в кровати.

— Ваня.

Еж встал, надел майку и джинсы, пошел открывать дверь.

— Сейчас я буду говорить. Понятно? — сказал Еж, отстраняя Катю.

— Хорошо, Ежик.

Еж открыл дверь. Перед ним стоял невысокий, крепко сложенный парень с серьезными глазами.

— Бабки приготовили? — не здороваясь, спросил парень.

— Ничего мы не готовили, — ответил твердо Еж, — пошел отсюда, черт гашеный.

Парень долго смотрел на Ежа. Медленно опускались и поднимались его веки. Где-то внизу в подъезде грохнула дверь, грохот разнесся по всему подъезду.

— Ты кто вообще? — спросил парень Ежа.

— Чего?

— Кто ты по жизни?

Еж промолчал, вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.

— Ты должен бабки, — не унимался парень. — Вопрос этот решается только так: ты тупо их отдаешь мне.

— У мамки своей бабки проси, черт гашеный.

— У тебя будут проблемы! — закричал парень.

Катя не выдержала, вылетела из квартиры и из-за спины Ежа запричитала:

— Вань, мы же с тобой с детства знакомы, ты что несешь вообще!..

— Заткнись! — рявкнул на нее парень.

Еж выпрямился и пошел на парня.

Откуда-то слева, откуда-то сбоку. В голове Ежа сильно зазвенело. Красно, темно. Еж не чувствовал ничего, он как будто смотрел кино. Один звон в ушах. Еж видит, как чьи-то руки касаются его майки, куда-то его тянут, он пытается отцепить их, что-то трещит, его тянут вниз. Перед Ежом невысокий парень что-то бормочет, как будто заклинание. Еж сжимает кулаки и пытается ударить по нему, но не получается, тот отходит в сторону и бьет в ответ, в нос. Глаза замыленные, Еж вытирает глаза, и в этот момент опять удар. Звенит в ушах еще сильнее, Еж бьет не глядя, просто куда-то в темноту, и, кажется, попадает, бьет еще и еще. Ежа как будто ударило током, он отскочил. Крик. Высокий и пронзительный. Кричит Катя. Кричит? Еж оборачивается. Ее держит черно-красное пятно, хватает за волосы, она пытается вырваться. На черно-красное кидается Еж, сталкивает в лестничный пролет. Опять удар, откуда-то сзади. Закрылись глаза, и не дышится. Еж — тряпичная кукла, куклу бьют, ей не больно, она мягкая и неживая, кукла просто пытается встать, куклу валят, кукла тянется оборванной липкой рукой к девушке и падает, кукле видится что-то непонятное, тени, которые перетекают одна в другую, тени мерзкие, противные, глядя на них, не хочется дышать, они похожи на чертей, нависших над беспомощной куклой, и кукла опять пытается подняться, но ноги — из ваты, руки — внутри из тяжелых прутьев. На секунду удается подняться, и вдруг весь мир куклы куда-то катится или катится сама кукла, топот, гогот, шум, железом пахнет, кукле уже не подняться, она смотрит, брошенная, наблюдает только за тенями черно-красными, и этот запах железа, отовсюду льется железо красное, дыши, картинка становится тихой, тусклой, слабый свет гудит, режет глаз на издыхании, что-то ухает, скрипит, скрежещет прямо над ухом, лязгает. Зеленые стены падают на голову, мусоропровод ухает огромной рыбой. Гудит лампа, по ней гуляет электричество, сочится...

Все произошло быстро. Теперь только тихо-тихо плакала Катя, сидя на коленках рядом с Ежом. У нее потекла тушь, блестки на лице остались и теперь искрились так же пронзительно, как слезы. Еж все еще не Еж — кукла. На нее наступили, вмяли в пол, а ей ничего. И когда наконец отпустило, Еж потрогал левое ухо, и оно все жгло и казалось неродным, как будто от другого тела: большое, горячее на ощупь, и как будто... болталось? Во рту — солено. *Соль. Как хотелось бы стать морем. Ему ведь все равно, бьют его, крутят, бросают в него что-то...* Синие огни, куклу

куда-то положили и повезли, ее болтало, от внезапных всплесков она открывала глаза, и глаза постоянно сами собой сразу же закрывались. Опять куклу толкают, куда-то кладут, дребезжание сменяет звон, ухо горит, голова раскалывается... лампы, темно, лампы, темно, лампы... гроыхает что-то, хочется спать.

Катя вместе с перепуганной матерью Ежа вернулась из больницы домой на такси. Катя поднялась к себе на этаж и увидела лестничную клетку, вымытую, чистую, и расплакалась.

С растоптанными, спутавшимися волосами Катя замертво упала на кровать. Она уже не плакала, она лежала лицом в подушку и смотрела в темноту. За окном гулял ветер. Холодная весна, снежная. Снег той весной был до дьявола чист.

14.06.09

Сегодня выписывали деда.

Он лежал в инфекционной больнице недалеко от дома, куда пристроила его дочь, мама Димы. Мама попросила Диму довести деда до дома. *Вдруг станет ему плохо, и не дай бог он упадет, надо поддержать, подстраховать.* Дима подошел к проходной больницы, седой охранник с испытанным лицом буркнул:

— Куда?

— К Хлебникову, четвертый корпус.

— Шагай. Как пройти, знаешь?

Дима кивнул и толкнул со скрипом турникет. В четвертом корпусе мама работала медсестрой-анестезиологом. Там на первом этаже реанимация. Мама водила меня сюда, чтобы лечить от чего-то. Дима не очень хорошо помнил то время. Зато я хорошо помню — сидел за стол, прислонял нос к стальной трубке, внутри которой светило ярко-ярко фиолетовым светом. И запах такой был... электричества. Почему-то вспомнилось, как мама вела его к выходу из главного корпуса. Мимо страшных синих палат. *«Здесь лежат наркоманы, у них была передозировка. Наркотики — это табу, запомни».* Я смотрел через стекло на скелетов, лежащих в постели, из их рук росли трубки, про вода. Обтянутые желтой кожей лица...

Дима зашел в дедову палату. В ней было по-больничному пусто. Дед сидел на кровати, свесив ноги. Вместо левой стопы у старика свисала культя. На правой стопе — три пальца. Дед очень не любил, когда кто-то смотрит на его ноги, поэтому всегда смотрел людям в глаза.

— Привет, — произнес старик. Он выглядел здоровым, сильным и хорошо отдохнувшим.

— Привет, дед. Как ты?

— Хорошо. Домой идем.

— Идем.

Дима хотел помочь деду встать на ноги, но тот его остановил:

— Не надо. Сам. Лучше пакет заberi.

У койки стоял пакет с вещами и книжками.

До дома идти быстрым шагом минут десять. Дима следовал за дедом.

— Хватит! — приказал дед. — Рядом иди. Или вообще вперед шагай. Я один дойду. Иди. И я потихоньку.

Они дошли до дома, поднялись на второй этаж. Дима пропустил деда в квартиру, потом закрыл входную дверь. Дед сел на кровать молча, попросил оставить пакет на кресле.

— Что-нибудь нужно? — спросил Дима.

— Нет.

Теперь дед не выходил из дома. Несмотря на холодное и дождливое лето, в его комнате всегда были настежь открыты окна. Однажды дед позвал Диму:

— Сделай мне еды.

— Хорошо. Что тебе принести?

— Просто яичницу и чай.

— Ладно.

Дима пошел на кухню, зажег плиту, поставил сковородку и чайник, достал из холодильника три яйца, лук, красный перец. Нарезал кое-как, налил на разогретую сковородку масла, разбил яйца, высыпал перец, лук, посолил. Из комнаты деда послышался сдавленный стон, кашель, сухой и жесткий. Дима вытащил колбасу, которую ему мама всегда покупала, сделал бутерброды, налил в полулитровую дедову кружку заварки и кипятка, добавил четыре таблетки сукратиза. Положил все на поднос и отнес деду в комнату.

— Это что? — спросил дед, глядя на поднос.

— Яичница.

Старик приподнялся с кровати и неодобрительно смотрел на поднос:

— Я просил просто яичницу. Забери бутерброды, я такую колбасу не ем.

Дима пошел с двумя бутербродами в свою комнату. Вновь услышал стон. Вернулся в комнату деда: старик лежал, рядом с кроватью стояла на стуле тарелка с нетронутой яичницей.

— Дед, что у тебя болит?

— Спина.

— Может, мне маме позвонить?

— Не надо. Сейчас пройдет. Что-то душно совсем. Открой окно.

— Оно и так открыто.

— Иди.

Дима вернулся к себе в комнату.

Дед. Бедный дед. Сейчас там один, ну зачем все так? Почему? Ну за что Ты так его? Сделай так, чтоб он не мучился. Не мучай его, не мучай нас всех, зачем Ты все это делаешь?..

26.07.11

Они стояли на лестничной клетке в пролете между этажами. Катя грустно улыбнулась. Дима курил и обнимал ее, а она смотрела в окно.

— Ты же понимаешь, что больше ничего не будет? — спросила Катя.

— Да, я понимаю, — ответил Дима, отпуская ее от себя. — Как Еж?

— Он со мной не разговаривает и уже второй день не берет трубку. Звонила его мама, спрашивала, знаю ли я что-то про него. Он не появляется дома уже второй день.

— Плохо все получилось.

— Совсем плохо.

— Ладно, я пойду. — Дима выкинул бычок в окно.

Он спускался по лестнице. Слышал, как гремят Катины ключи, которыми она изнутри закрывает решетку на лестничной клетке. А мир уже не пустел.

16.06.10

Дима маленький и поэтому милый. Он — уютный. То есть по-настоящему, по-домашнему уютный, а не как дома. Дома я себя не чувствую как дома, только когда папа был живой, чувствовала.

Дима смешной такой. Когда ему шепчешь всякие глупости, он краснеет и становится еще милей. Сейчас, правда, он стал скучный: на пошлости отвечает пошлостями.

— Ты хочешь секса втроем? — спрашивает Катя.

— Ты участвуешь? Если да, то я тоже! — смеется Дима.

А год назад, да, он совсем маленький был. Я залезала под его джинсовую куртку, под майку, водила там рукой и говорила всего одно слово — «хочется»... Я могла говорить все, что угодно, потому что знала — Дима никогда ничего не сделает с мной, если я этого сама сильно не захочу. Но сейчас как-то не так. Как-то — нет.

И в первый раз, когда они поцеловались, Катя сама предложила ему проводить ее до подъезда, потом до квартиры. Они зашли в лифт, и как только двери закрылись, она поцеловала его. Страстно и долго, пока медленно, подергиваясь, лифт поднимался на девятый этаж.

И впервые этот запах сицилийского мандарина так близко. Мне казалось, что мира нет или

он застыл навечно, не нужно было дышать, думать, не надо ничего, ведь есть ее губы.

Двери лифта открылись, Катя вылетела на лестничную клетку, успев нажать на кнопку «1». Она помахала рукой Диме и сказала: «Пока-пока». Так Катя прощалась с ним каждый день первые несколько месяцев. В этом было много плохого, а ей тогда нравилось казаться плохой.

Я теперь плохая. Я чувствовала это уже давно, что-то затаенное во мне, черное, таинственное и манящее. Оно было во мне с самого начала, да. Но может, оно родилось до меня, а потом просто вселилось, затаилось и сейчас — выбралось наружу? Теперь я вру, обманываю, зачем-то делаю грязь, я купаюсь в этой грязи. Нравится... Нет, я не хочу быть такой. Как себя остановить? Как себя вылечить? Это все они меня отравили, они! Нет, они не виноваты, они все хорошие, просто я им не смогла об этом сказать, навести их на правильную мысль, я сама виновата. В голове какой-то бред: ничего не вижу и не понимаю. Когда я стала такой?

Потом я набрался наглости и прижал Катю к входной решетке. «Плохой мальчик», — говорила Катя, а я целовал ее шею, губы...

«Нравится», — тяжело выдохнула Катя.

И, наверно, тогда появилась откуда-то тоска, и все вокруг потихоньку темнело, темнело...

Продолжение следует.

Марианна ДУДАРЕВА

Марианна Дударева — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. А. Смирнова) и аспирантуру филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (досрочно). В настоящее время является преподавателем кафедры русского языка № 2 РУДН. Автор более 90 научных статей о русской литературе и фольклоре и монографии «“В один голос”: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского».

150000000 РУССКИХ ГЕРОЕВ В ПОЭМЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Дорогой читатель, в январские новогодние и рождественские дни самое время поговорить о чудесах. Хочу рассказать вам о странных превращениях героев в поэме В. В. Маяковского «150000000».

Сюжет таков: герои из Страны Советов, русские люди, попадают в Чикаго, чтобы помериться силами с Америкой и показать свою мощь. И вот вроде бы произведение носит политический социальный характер, но не все так просто. Во-первых, весь русский народ представлен поэтом в образе богатыря человека-Ивана, человека-коня. Во-вторых, сам Маяковский изначально поэму предполагал озаглавить так: «Былина об Иване», «Иван Былина. Эпос революции» — и это уже заставляет задуматься читателя и исследователя.

В фольклоре, как известно, Иван связан со сказочной традицией, представлен зачастую как Иван-дурак или Иван-царевич, хотя можно было бы обратить внимание и на былины об Иване Годиновиче, однако, думается, Маяковский больше ориентировался на русскую сказку, архетип Ивана-дурака. В поэме

«150000000» Иван прибывает в Чикаго вестником «Страшной бури на Тихом океане»:

Страшная буря на Тихом океане.

Сошли с ума муссоны и пассаты.

На Чикагском побережье выловлены рыбы.

Очень странные.

В шерстях.

Носатые».

Фольклору известен сюжет о *переправе культурного героя в теле рыбы*. Этот случай связан с *поглотителем*, из которого добываются все первые вещи. Русская сказка хранит в себе сюжет о переносе героя в рыбу, который может означать встречу с умершими, *первопредками*. В тексте поэмы Иван лишь сравнивается с рыбой, но поэт никогда и не присягает на верность фольклору:

Насчет рыб ложь.

Рыбак спяну местный.

Муссоны и пассаты на месте.

Но буря есть.

Даже еще страшней.

Причины неизвестны.

В данном случае оказывается продуктивной типология из грузинского фольклора, в котором отмечается исследователями «культ рыбы». Этнографами подмечено, что животные-тотемы в Грузии могут быть представлены **матерью рыб**. Здесь можно говорить о «биографическом моменте»: Маяковский провел в Грузии свои детские годы; хорошо знал грузинский язык и фольклор. Однако и типология культур наглядно демонстрирует *поглощение зверем-тотемом* и приобщение к знаниям предков через этот акт. Кроме того, поэт в своем творчестве обращался к культу «каменной бабы», характерному для полумесячных степей и созвучному с древними стелами, построениями, обнаруженными в Грузии. Такие изваяния поэт и мог видеть в Грузии, где сохранился культ матери-рыбы, представленный и устно, и в каменных идолах: «...культ исполинских каменных рыб, сохранившихся на территории Южной Грузии и Армении и относящихся к эпохе мегалитической культуры... Эти каменные стелы в форме рыб, достигающие иногда нескольких метров, стоят вертикально у источников рек и озер и именуются *вешапы* в Грузии и *вишапы* в Армении».

Иван по прибытии в Чикаго «распадается» на сотни тысяч человек и вещей:

Сабля взвизгнула.
От плеча
и вниз
на четыре версты прорез.
Встал Вильсон и ждет —
кровь должна б,
а из
раны
вдруг
человек полез.

И дело здесь не только в переосмыслении греческого мифа о «Троянском коне» — это один, первый, план данного образа, — а в «поглощении» этим конем Ивана и, наоборот, коня Иваном:

О горе!

Прислали из северной Трои
начиненного бунтом *человека-коня!*

Маяковский заявляет своей поэмой не только модель нового государства, но и концепцию нового бытия:

Голодая и ноя,
города расступаются,
и над пылью проспектовой
солнцем встает бытие иное.

Этот Иван-конь вобрал в себя миллионы людей, вещей, улиц, домов — таким образом, происходит космическое обновление, обновление Вселенной, приобщение новой страны к знаниям предков. Думается, что Маяковский избрал образ Ивана не случайно. *Ориентация, с одной стороны, на эпос, с другой стороны, на собирательный образ Ивана демонстрирует не простое отображение жизни, а ее преображение, что, конечно, было характерным для картины мира эпохи авангарда.*

Итак, дорогой читатель, в своей загадочной и сложной поэме Маяковский по-новому представил русского человека, связав его с богатырской мощью всей страны, представил его через образ человека-Ивана, человека-коня. Русский человек и Россия сильны своими корнями, уходящими в *даль времен*, укорененностью в земле, которая у нас непременно **солнечная**. Ведь и конь, и сам Иван, пусть даже дурак, — солярные герои, соединяющие своей устремленностью горный мир и землю. Культурный и фольклорный коды необходимы при чтении этой поэмы — поэт не мог, да и не должен был в то непростое время просто так открываться читателю. Так что прошу мне довериться, мой умный читатель, и поверить в чудесное преображение.

Кирилл ЕРМИЧЁВ

Кирилл Ермичёв родился в 1974 году в Ленинграде. Окончил школу с углубленным изучением итальянского языка. Посещал изостудию при Дворце пионеров имени Жданова, позже окончил ДХШ № 1. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств по специальности «режиссура».

Основатель, вокалист, гитарист, автор музыки и текстов группы Scary B.O.O.M. Оригинальность звучания группы признана многими рок-критиками из России, Европы и США, группа имеет всемирную известность среди слушателей, близких к направлению psychobilly. Альбомы Scary B.O.O.M. издавались в Японии и Франции, песни вошли в сборники европейских, американских и японских лейблов. Группа концертирует в России и Европе. В 2006 году Scary B.O.O.M. стала первой русской рок-группой, завоевавшей первую премию на западном рок-фестивале в итальянском городе Альтомонте.

С начала 1990-х годов Кирилл Ермичёв выступает как активный популяризатор музыкального направления psychobilly, принимая участие в радио- и телевизионных передачах, организуя фестивали, выступая автором статей и интервью с известными западными музыкантами. Автор трилогии Psychoburg, ставшей первым русским сайкобилли-сборником, организатор российских гастролей для групп Stringbeans, Knucklebone Oscar, Big Royal Kunamaka Orchestra.

В качестве арт-критика сотрудничал с московскими художественными галереями Ars Longa и «Галерея Аллы Булянской». Автор ряда статей и интервью для музыкальных журналов Fuzz и Rockmusic.ru. В 2007 году в петербургском издательстве «Амфора» выходит его книга «Русская психатака. Записки в стиле psychobilly», получившая среди читателей название «библия русского сайкобилли».

В 1990-х годах имел эпизодический опыт работы на каналах «36» («Невский канал») и пятом канале в программе Юлии Лавровой «Параллельный город». В 2011 году становится автором, продюсером и одним из героев первого русского культурологического сериала, посвященного рок-музыке «Scary B.O.O.M. в андерграунде», который вышел в эфир на информационном канале «Триколор ТВ».

С начала 2000 года занимается съемкой корпоративного, документального и музыкального видео.

Сотрудничает с компаниями «Ростелеком», «Максидом», Indian Motorcycles, «Банк БФА», «Аргус-Спектр», «Дакар», Green SMM, Институтом эколого-технологических проблем, Faberlic. В 2003 году получает премию за лучший сценарий на фестивале «КиноРок». В 2013 году снял свой первый короткометражный постановочный фильм Pin-up.

Сейчас работает над сценарием полнометражного художественного фильма «Песня о настоящих индейцах» в кинокомпании СТВ.

Автор ряда концертных афиш группы Scary B.O.O.M., обложек альбомов Danke, Auf Wiedersehen, «1992», LOVECOLA.

АЙСБЕРГ ЗА ДВА ДОЛЛАРА

ПОВЕСТЬ

Рисунок *Настасьи Поповой*

Вы помните ли то, что видели мы летом?

Шарль Бодлер. Пададь

1. АРМАТУРА

Двое бегут по песку к озеру. Поодаль, у станции метро «Озерки», шуршат запоздалые машины. Счастливые обладатели дач жмут на газ и грезят о шашлыках и бане. Нагретая телами купальщиков вода неподвижна.

Двое бегут по склону, и я вижу их как в замедленной съемке. Разлетается тонкими брызгами песок из-под пляжных тапочек, волнами проходят складки по тренировочным штанам и майкам. Но самая драматическая деталь — это метровые обрезки строительной арматуры, которые парни сжимают в своих руках.

Расстояние между нами тягостно сокращается. Нас, конечно, больше — семь человек. Из них две девушки. Мужчины как на подбор. Филипп, контрабасист группы Roachers, Илья Покойник, хахаль Светы Шерстобитовой в спортивном костюме, мой двоюродный братец и я. Мы достаточно трезвы и здоровы, инвалидов нет. Но состоим из мяса и костей, а это, как известно, материалы, требующие бережного, заботливого обращения. Арматуру они не любят. Я совсем не против упоминаний о своей персоне в печати. Но фигурировать в разделе происшествий какой-нибудь паршивой газетенки в качестве «тела мужчины» мне не интересно.

Черепно-мозговая травма? Прекрасно! В возрасте от тринадцати до шестнадцати лет — просто восхитительно. Если ты выжил, то гарантированно становишься героем класса на целую неделю, с достоинством ловя заинтересованные взгляды девочек. Мальчишки, естественно, завидуют, но что есть то есть, удача улыбнулась именно тебе, и даже после того, как снимут бинт, на голове останется кое-что интересненькое.

Мне грешно пенять на судьбу. По моим отметинам можно изучать историю клубного движения в Ленинграде и Петербурге. Сверху на лбу — двухсантиметровый горизонтальный «Рок-клуб», справа — осколочный Indie, слева — тянущийся от виска до середины шеи «Фиш Фабрик», осложненный некрозом, а потому не очень красивый.

Сегодня у меня день рождения — двадцать шесть лет. Именно поэтому мы стоим на берегу озера с былинным названием Верхнее Суздальское, держа в руках белые пластиковые стаканчики, наполненные водкой и колой. Полчаса назад, после целого дня съемок, мы выбрались сюда из бара «Король Плющ», усталые, но готовые провести драгоценный остаток праздничной ночи на лоне природы.

Мы снимаем клип на песню моей группы. Вообще-то иметь независимую рок-группу — дело нервное, убыточное и даже при очень больших усилиях практически безнадежное. Что-то вроде попыток вырастить ананасы в сибирской тайге. Конечно, иногда ананасы получаются. Такие маленькие, твердые и очень похожие на шишки. Но я непреклонен, как муха, раз за разом ударяющая собственной головой в стекло. Мухе невдомек, что окно закрыто. Мне тоже кажется, что я просто недостаточно стараюсь.

Клип в этом деле — вещь совершенно необходимая. Его, конечно, покажут по MTV, потом на локальных телеканалах — и пошло-поехало. «А подать нам Scary B.O.O.M., этих чертовски талантливых ребят со своеобразным стилем и безупречным вкусом!» Так вот они мы, пакуем чемоданы. Кто сказал, что девяностые — эпоха безнадёги и уголовного ренессанса? Только не я. Преддверье нулевых — эпизод «Новая надежда». Два месяца назад, стоя на перекрестке Будапештской и Димитрова под весенним дождем и читая расплывающиеся буквы напечатанного на принтере имейла, я знал, что история не совершает ошибок, а земной шар летит точно в цель. В общении, пришедшем от моего британского менеджера (вот так роскошь!), говорилось о том, что японская фирма готова подписать контракт на выпуск нашего первого альбома и выслать деньги на съемку клипа. С трудом оторвавшись от текста, я огляделся вокруг. Безупречные пивные ларьки. Прохожие с усталыми, но благородными лицами. Величественные, как пирамиды инков, бетонные дома. Ласковое серое небо.

2. САКУРА И ДУБ

Подданный Елизаветы Второй Реджинальд Мак-Миллан — человек прямолинейный. Менеджер он опытный, в возрасте, и знает, что музыканты, в какой-то мере, конечно же, друзья человека, но держать их надо на коротком поводке. Однажды он устроил мне выговор за то, что я с большим запозданием отвечаю на его имейлы. Он не догадывался, что с той поры, как мы перестали обмениваться бумажной корреспонденцией, у меня мало что изменилось. Компьютера у меня не было. Почту получал мой школьный товарищ Виталик Грибов. Потом он дозванивался до меня по городскому телефону. Мы намечали время встречи, я садился на трамвай и ехал к нему в гости — читать письмо из Англии. Вернувшись домой, я брал разговорник для деловых людей и переписывал на лист бумаги фразы, которые хоть немного соответствовали сути моего ответа. Оставшиеся смысловые провалы я кое-как забрасывал известными мне английскими словами. Полагаю, что стиль моего письма навел Реджи на мысль о редком психическом расстройстве.

«Многоуважаемый Реджинальд!

Искренне рад Вашим новостям, касающимся нашего совместного проекта. По Вашему запросу спешу сообщить, что меня по сегодня не имеет совсем компьютер, ходить опять друга и потеряем большой время. Мы с нетерпением ожидаем упомянутые Вами контракты с тем, чтобы передать их нашему юристу. Перевод указанной Вами суммы может быть осуществлен с помощью книга приходов-расходов Сбербанк доллары, сделал завтра-послезавтра.

Искренне Ваш, Кирилл».

Я ставил подпись и шел звонить Виталику, чтобы снова напроситься к нему на сеанс интернет-связи. По ходу набора письма он тоже входил в творческий раж. «Сейчас, кстати, — сообщал он, — модно вместо слова for ставить просто цифру 4». Отлично! Пускай Редж знает, что мы тут не лаптем щи хлебаем. После исправлений мы пуляли свой шизофренический шедевр прямиком в Бейзингсток и еще немного, сидя перед маленьким пузатым монитором, рассуждали на тему непостижимости технических новинок современности.

Странно, но Редж, похоже, понимал, что я имею в виду, и даже продолжал наше общение. А через некоторое время у меня появились компьютер и еще один товарищ по переписке, господин Мунетоши Такаги. Он-то и был основателем лейбла Revel Yell Music. Его кособокий ан-

глийский избавил меня от чувства лингвистической неполноценности, и мы стали друзьями, настолько, насколько это позволяли наши возможности. Сам Муне, как он величал себя на западный лад, был равнодушен к игре на контрабасе и виски. Тяжелым трудом на рисовых полях (или где еще там) он заработал некоторый капитал, который решил вложить в издание разнообразных талантливых подвальных групп со всего света. Нашему будущему CD он присвоил порядковый номер RYCD003, а пластинке — и того почетней: RYLP001. Авторитет строгого Реджа, англичанина и менеджера легендарных The Krewmen, действовал на него как хорошая анестезия, и Мун безропотно отвалил нам денег на клип. Тысячу американских долларов, сумму, которая хоть и не открывала нам двери профессиональных видеостудий, но позволяла замыслить что-то поинтереснее прыжков с неподключенными электрогитарами где-нибудь на развалинах кирпичного завода. Предъявив старомодную сберкнижку в центральном отделении Сбербанка на углу Думской и Невского, коряво расписавшись в документах, я снял первую часть денег и, не чуя под собой ног, долетел до Апраксина двора, где разом приобрел себе светлые летние штаны и модные кеды. Как скромную плату за сценарий — уговаривал я сам себя, не более того. Немного успокоившись, я отправился домой звонить своему человеку с «Ленфильма», ибо такой номер действительно имелся в моем органайзере. Появился он совсем недавно.

3. ЧЕРНЫЙ ФРАЕР

Месяцем раньше я ехал в метро и заметил, что меня пристально разглядывает сидящая напротив старуха. Предположить я ничего не успел, потому что место рядом со мной освободилось, и она быстро ко мне подселла. «Молодой человек, — спросила она, — а у вас есть актерское образование?» «Эк, старая ведьма, — подумал я, — зрит прямо в корень», и, почуяв внутри мажорный аккорд, заявил, что да, имеется. Старуха удовлетворенно кивнула: «Так я и знала. Понимаете, в вашем лице есть все, что нужно. Вы очень подходите. Хотите сняться в кино?» Да, да и еще раз да! Она произнесла самые прекрасные в мире слова, равные по силе «Я тоже тебя люблю» из уст прекрасной девушки или «Можете идти» в исполнении сержанта милиции. Заповедная страна кино в лице Михаила Боярского, отпечатанного коричневой краской на модных холщовых сумках из моего детства, манила меня давно. В моей жизни был момент, когда я, будучи

еще пионером, подобрался к ней совсем близко, но — увы. Усталые люди, сидевшие в одной из приемных «Ленфильма», придирчиво осмотрели меня, выслушали исполненную дрожащим от волнения голосом песню и дали мне от ворот поворот. Роль положительного школьника, отпрыска безалаберного папаша в фильме «Без сына не приходи», досталась другому. Особенно бестактным со стороны худсовета было, конечно, то, что они тут же переметнулись на моего отца и стали зазывать его в мир искусства, объясняя, что вот у него-то

внешность точно подходящая. Папа отшутился, и мы поехали домой.

И вот теперь — новый шанс. Бабуля записала мой номер телефона и оставила свой. «Завтра в три у «Ленфильма», — сказала она и, приветливо улыбнувшись на прощание, вышла из вагона. «Ленфильм», — задумался я. — Что же там сейчас снимается?» В голове, шума и толкаясь, заплесали веселые нарядные мысли. «Трудно быть Богом» — вот что! — вспомнил я наконец. Конечно, главная роль мне не светит, но обратить на себя

внимание такого маэстро, как Герман, блестяще исполнив эпизод, — это уже неплохо. Даже великолепно. Я поглядел на свое отражение в темном окне вагона. Да, доспехи мне пойдут.

Сидя на следующий день на скамейке в сквере у киностудии, я без удовольствия обнаружил, что приглашен не один. Худощавый парень в линялой рубашке и джинсах, обрезанных выше колен, курил беломорину и выжидательно поглядывал на бабуся, которая что-то обсуждала с высоким носатым режиссером в черной футболке, нашим ровесником. Тот периодически бросал на нас взгляды и хмурился, то ли для порядка, то ли потому что ему действительно не очень нравился предоставленный человеческий материал. Наконец он подошел к нам. «Короче, так, — пояснил он. — Снимаем боевик. Вы двое — хулиганы. В детстве вы избили главного героя, и он принял решение защищать слабых. Понятно?» Чего же непонятного. У Бэтмена застрелили родителей, а этому — навалили во дворе. Видимо, с какой-то особой жестокостью, потому что иначе причина так себе. По логике, все мужское население Купчино давно должно скакать по крышам в трико и черных полумасках.

Поймав старенькие «жигули», мы едем в район Ленинского проспекта, туда, где будут происходить съемки. «А почему именно там?» — спрашиваю я. «Там живет гримерша, — отозвалась наша бабуля, — и оператор. Он ее муж. Дай-ка попить». Старуха забрала у меня бутылку с водой. «Да не бойся, — игриво улыбнулась она, — СПИДа у меня нет». Глупые слова. После них, несмотря жару в кабине, к воде я больше не прикоснулся, а когда мы приехали, незаметно выкинул бутылку в урну.

Режиссер побежал звать гримершу, крикнув нам, чтоб мы не теряли времени и нашли пока мальчика. Мальчика? Главного героя? Вот так взять и найти? А если он будет не похож на актера, который играет взрослого мстителя? Я посмотрел на детскую площадку. Вот девочка роется в песочнице, вот ее дед с потасканной физиономией явно мечтает о пиве, тоскливо оглядывая знойный, заросший высокой травой двор. Я начал ходить вокруг домов. Было ясно, что происходит немного не то и в этот раз шлем с перьями вряд ли засияет на моей голове. Но опыт есть опыт, и отвергать его — значит так и не подняться на первую ступень к вершине киношной славы. Я вздохнул и увидел, наконец, мальчика. Решив не улыбаться, чтобы не пробудить у него нехороших мыслей, я сделал серьезное лицо и, подойдя к нему, начал описывать нашу ситуацию довольно взрослыми словами,

чтобы уж точно не выглядеть сюсюкающим извращенцем. Не сказав ни слова, мальчик убежал. Бойкий парнишка, молодец. Я потопал по размявшему асфальту обратно.

Я вернулся, когда вся съемочная группа была в сборе. Старушенция уже наколдowała мальчика и его папашу в одинаковых синих трениках. Гримерша возила кисточкой в черном пластиковом пенале с красками. Мой коллега снова курил, а оператор выставлял баланс белого, нацелившись на органайзер режиссера, который тот открыл на пустой странице и прижал к груди. «Ага, — сказал он, глядя на меня. — Сейчас будем бить». Мальчик, робея, как-то особо неправдоподобно улегся под кустами сирени, а мы, хулиганы, встали по бокам и начали молотить носками своих кедров землю рядом с ним, да так, что вверх полетела вырванная трава. «Ага, ага. Теперь крупняки — злые лица». Оператор направил камеру снизу вверх. «Злые лица, ага». Мы скривили губы и нахмурили брови. «Ага, теперь улыбаются, радуются, гады», — подзадоривал нас режиссер. Я оскалил зубы и, заметив, что камера еще глядит на меня, засунул палец в ноздрю. Актерская наработка. Мало того, что мой герой — подонок, он еще и откровенно вульгарен. Это было скромное, но достойное проявление профессионализма, неброский намек на знание системы Станиславского. Довольный режиссер и сам улыбнулся, как упырь.

«Теперь ты. Мальчик... Ты поднимаешься. Они тебя избили. Гады. Но ты им еще покажешь. Поднимаешься и грозишь кулаком». Гримерша присела на корточки и быстро подмалевала парнишке голубой синяк и алую полоску в углу рта — кровь. Однако ее супруг опустил камеру. «Слушай, Глеб, — сказал он режиссеру, — это уже полная фигня. Ну какой кулак, ей-богу? Его только что ногами избили. Ну пускай он... пускай приподнимется чуть-чуть на руках, посмотрит им вслед и прищурит глаза». Режиссер согласился. Мальчиш, старательно изображая крупную дрожь страдающей плоти, недобро сощурил глаза. Снято. Бабка выдала мне малюсенький гонорар. «А как кино-то будет называться?» — поинтересовался я у главного. «"Черный фрэер", — ответил он, задумчиво глядя вдаль. — "Черный фрэер"». «А кто играет главного героя?» — «Я». Это было неожиданно. Круглолицый мальчишка с нарисованным фингалом — шатен и совсем не похож на режиссера — блондина с острыми чертами лица.

Домой я возвращался на метро. У пожилой женщины, сидевшей напротив, был яркий макияж и волосы, крашенные хной. Мне пришлось в го-

лову, что она похожа на усталого клоуна. Я тоже ощущал упадок сил. Все-таки хулиган из студенческой работы — плохая замена средневековому рыцарю.

4. «ТИТАНИК»

До своей бабки я дозваниваюсь не скоро, но зато она меня сразу узнает. Я рассказываю ей о том, что снимаю клип и мне в первую очередь нужен хороший оператор. Старушка снова назначает мне встречу на «Ленфильме». Миновав проходную (бабуля просто машет рукой вахтеру), мы движемся по коридорам легендарной киностудии. На дверях — напечатанные на принтере названия телевизионных сериалов, известных и не очень. Вот «Улицы разбитых фонарей». У них в массовке снималась уже добрая половина города, включая Пашу Галкина, нашего бывшего контрабасиста. В первом эпизоде Паша с чулком на голове и пистолетом в руке требовал все деньги из кассы. Во втором — получал пулю в грудь и падал. Получилось хорошо, но больше Пашу не приглашали. Убит — значит убит.

Старый паркет под ногами поскрипывает, краска на стенах облупилась. У одной из студий толпятся чумазные люди в средневековых одеждах — массовка из «Трудно быть богом». Мы проходим мимо. Бабка открывает массивную дверь и ныряет в темный проем. Через минуту она появляется в сопровождении молодого человека, моего ровесника. Мы пожимаем друг другу руки. «Дима», — представляется он.

Дима Сахаров выглядит благополучно. Приличные кроссовки, джинсы, футболка, по-военному короткая стрижка. Я боялся увидеть творческого червя с невымытыми волосами и желтыми от никотина пальцами, но — обошлось. По Диме видно, что стихов он в школе не писал, сюрреалистических картинок не рисует (как потом выяснилось, его любимый художник — Репин), а дела его идут хорошо. Мало того, что на поясе у него прикреплен пейджер, из кармана вдобавок торчит антенна мобильного телефона. У кинооператоров есть особый традиционный предмет одежды — жилетка со множеством карманчиков, сшитая из какой-нибудь плотной ткани вроде парусины. На Диме такая жилетка имеется. Однако она черная, кожаная.

Я вручаю ему CD и указываю трек, на который мы будем снимать ролик: «Сердце глубин». Мы договариваемся созвониться в ближайшее время.

Песня получилась очень изобразительной. Есть солнечное, умиротворенное вступление — я со-

чинил его под впечатлением от музыки Андрея Петрова к «Человеку-амфибии». Есть тревожная средняя часть в латиноамериканском духе, которую я прозвал «трагической ламбадой», и мрачная кода, после которой возвращается спокойная тема из начала песни. Я написал текст про кораблекрушение — айсберг, пароход и море, влюбленное в лайнер настолько, что хочет навеки поглотить его. История почти что про «Титаник». Наверное, вышедший через два года фильм Джеймса Кэмерона тоже повлиял на выбор песни для клипа. «Титаник» разом появился везде. В дешевых газетках и солидных журналах, на игровых картах и обтягивающих девичьи тела футболках с изображением обнимающихся Джека и Роуз. Девушки поголовно влюблялись в Леонардо Ди Каприо, мужчинам больше нравился пароход. Особое отношение к фильму возникло у владельцев прогулочных корабликов, которым популярная сцена на носу лайнера доставила немало головных болей. Над реками и каналами города разносились выкрики «Джек, я лечу!» и «Юху, я король мира!». Влюбленные пары покачивались на разнообразных речных посудилах, пытаясь устоять, обняться, раскинуть руки и поцеловаться одновременно.

На следующий день раздается звонок. «Слушай, а ты не хочешь, чтобы сценарий написал профессиональный режиссер? — спрашивает меня Дима. — Отличный парень, мой друг, окончил «кино и телевидения»». Дима рассказывает мне сюжет его короткометражки «Мечта». Водитель трамвая каждый вечер после работы приносит домой по одной детали и собирает посреди комнаты что-то, напоминающее гоночный автомобиль. Наконец в коробке из-под конфет «Мечта» он приносит автомобильный номер. Прикручивает его, садится за баранку и включает киноаппарат, который проецирует на экран бегущую под колеса гоночную трассу. Конец фильма. Мне кажется, что на трамвае ездить все-таки веселей, чем сидеть в комнате перед экраном. С другой стороны, идея ясна и выглядит законченной. Я решаю попробовать. К тому же мне очень интересно, какие образы моя песня вызовет в чужой голове.

Режиссер готов нас принять. Мы отправляемся к нему в гости. Он открывает дверь, и у меня в голове тут же раздается короткий тревожный сигнал. Свитер! Бесформенный свитер крупной вязки почти до колен! Не могу с определенностью сказать, почему обладатели такой одежды вызывают у меня неприязнь, хотя в целом обстоятельства ясны. Я полагаю, что мужчина должен стремиться к эдакой молодцоватости и элегантности, сродни

военной. Небрежно накинутая на плечо косуха в моем представлении — явная наследница гусарского ментика. Сапоги, джинсы, широкие ремни и прочие броские аксессуары сигнализируют мне о том, что где-то внутри их обладателя находится Д'Артаньян или Денис Давыдов. Человек благородный, склонный к авантюрам, ценящий общество прекрасных дам.

А вот что означают эти свитера? Почему их надевают, скрывая свою статью, художники, поклонники бардовской песни и русские хиппи? И тут у меня случается озарение. Власяница. Атрибут аскета. Инструмент умерщвления плоти, символ духовного роста и презрения к мирской суете. Нынешние вретиса мягки на ощупь, но все также грубы с виду. Они призваны проводить черту между служителями подлинно высокого и адептами балаганного искусства.

Режиссер проводит нас в свою комнату и закуривает папиросу. Это уже вполне логично. Умерщвление плоти наиболее экономичным способом. Дима достает «Мальборо» из золотистой пачки. Режиссер заправляет за ухо прядь длинных волос и протягивает мне сценарий, горизонтально напечатанный на листах формата А4. Все оформлено очень солидно. В аккуратные таблицы внесены номер кадра, его длительность и описание происходящего.

«Па, — режиссер затягивается “Беломором”, — сама по себе композиция красивая, па, мажорная. И первое, что приходит на ум? — солнечная, па, яркая картинка. Но я попробовал пойти ОТ ПРОТИВНОГО». Он испытующе смотрит мне в глаза. Я вежливо улыбаюсь, переворачиваю обложку и начинаю читать.

«Пляж. Песок, забросанный окурками. У костра сидит бомж и пальцами ест КОНСЕРВУ». Слово «консерва», которого я никогда раньше не слышал, производит на меня сильное впечатление. Наверное, это что-то из особого арго туристов высокого градуса.

Я пробегаю еще несколько строк и понимаю, что передо мной явный пример *nostalgie de buie*. Вот только откуда она берется? Какое-то особо стерильное детство, заставляющее с завистью поглядывать на резвящихся у помойки отпрысков алкоголиков?

Вместо морской катастрофы на экране мы увидим бар. А происходящее в нем будет иллюстрировать текст песни. Например, на словах «айсберг целует корабль» пышнотелая официантка должна в повороте грудью снести пивные кружки с подноса.

Под конец снова появляется бомж. Вечеринка с сигаретами и пивом ему привиделась. В фи-

нале значится: «просветленный» бомж бежит по пляжу».

«Па, па, па». Режиссер раскуривает новую неподатливую папиросу. «Интересно, — вру я, — надо подумать». Мне жалко его труда. Столько страниц, подробный хронометраж. С другой стороны, для первого разговора нам хватило бы и сценарной заявки.

Мы с Димой покидаем квартиру Режиссера. Долго объяснять свое решение — работать над сценарием самому — мне не приходится. У Димы нет склонности к антиэстетике. Возможно, он и сам ожидал от своего друга чего-то иного. Мы прощаемся, и я сажусь в троллейбус. Доехав до угла Димитрова и Будапештской, выхожу, чтобы немного пройтись. Задумавшись о любви некоторых представителей искусства к отвратительному, захожу под арку дома 71 по Будапештской. Тут я провел свое детство. То еще было местечко.

5. ГРЯЗЬ

Вкакой-то степени этот двор был особенным. Все дело в винном отделе нашего гастронома. Он был единственным на весь микрорайон. Из окна я видел длинную очередь, иногда в пару витков, которая медленно вползала в магазин. Наблюдать за ней было интересно, потому что порой в ней возникали потасовки. Со второго этажа я смотрел, как человеческая многоножка движется, постоянно прирастая со стороны хвоста.

А внутри двора высились лабиринты из посеревших деревянных ящиков со ржавыми жестяными уголками. Специально отведенные для этого архитектором ниши тару не вмещали, и семейство ящиков постоянно разрасталось, заполняя двор еловыми небоскребами, каждый из которых опасно кренился и пах свои продуктом — портвейном, капустой или кефиром.

Двор был постоянно грязен, и по асфальту к люкам струились зловонные ручейки. Люди, заходившие в него сразу после покупки бормотухи, были неприятны. Они перелезали через скромный заборчик моего детского сада и свободно располагались на наших скамеечках, оставляя после себя груды винных бутылок зеленого стекла. Завсегдатаями посиделок были и рослые братья-близнецы из нашего дома. Выглядели они, по тогдашним меркам, весьма модно. Черные, с проседью, волосы до плеч, усы подковой и джинсовые клеши. Правда, увидеть их вместе почти не удавалось. Пока один сосал портвейн из горлышка, второй сидел в тюрьме. А потом они менялись местами.

Иногда мои дворовые дружки, хихикая, приглашали меня полюбоваться на какого-нибудь пьянчугу, уснувшего в высокой траве со спущенными штанами. Самым привлекательным свойством нашего двора была его особая алкогольная эргономичность. Цикл протекал в идеальных условиях. Снаружи находился винный отдел, из которого можно было проследовать внутрь, к детским площадкам с удобной уличной мебелью. После — сдать бутылки в пункте приема стеклотары в подвале и снова отправиться в винный. Утром поклонников Бахуса ожидал находящийся тут же пивной ларек и возможность завязать полезные знакомства прямо в очереди, а потом, оросив разбавленными «жигулями» новую дружбу, снова отправиться в пункт А. Волшебный круг замыкался, и опухшие гедонисты крутились на своей карусели забвения, пока милицейский козелок не возвращал их на время в скучный прямолинейный мир.

Хотя и в нем порой находилось место для сказки. Тогда под Новый год на экранах черно-белых телевизоров наравне с «Обыкновенным чудом» в экранизации Захарова мерцала еще одна история любви. Простой медик, напившийся в бане, получал в награду за свое беспутство волшебную пани, способную за пять минут экранного времени обойти весь ленинградский центр. Прекрасный миф о Лукашине мог убаюкать совесть любого выпивохи, наглядно показывая, как святая непосредственность алкоголика побеждает пошлый рационализм сытого ипполита в собственном авто.

А потом мы покинули Будапештскую и переехали на Купчинскую. Грязь исчезла. Под окнами цвела сирень, вокруг детской площадки росли тополя. В доме не было ни магазина, ни приемного пункта. Единственным намеком на неблагополучие была крупная надпись масляной краской на трансформаторной будке: «Носаль — гроза двора». Но позднее оказалось, что Носаль, который чуть не повесил свою бабку, надышавшись «Момента», давно сидел в дурдоме.

Грязь вернулась позже, когда сбылась моя мечта: я обзавелся собственной рок-группой и начал выступать в клубах. В публичных помещениях хозяева старались соблюдать порядок, но в примерках дела обстояли по-другому. Стены, до черноты исписанные названиями групп и примитивными изображениями гениталий. Прожженная окурками обивка стульев и кособокие столики, липкие от пива. Это были тайные гнездовья музыкантов, куда они отправляются после токования на сцене, чтобы полакомиться алкоголем.

Как правило, примерка выполняет роль чулана, в который стаскивают все, что не годится для глаз

достопочтенной публики: от мертвой аппаратуры до отключившихся посетителей. Хотя далеко не каждое тело ждал приветливый линолеум потайной комнаты. Она открывала свои объятия только самым близким друзьям клуба и наиболее почтенным музыкантам. И прилипший к щеке окурочек, как след от поцелуя красотки, не стоит торопиться смывать.

И все-таки я так и не смог полюбить грязь. Она совершенно не кажется мне поэтичной.

6. КУЛЬТУРА

Когда есть конкретная задача, сценарий писать, в общем-то, не сложно. Когда дело доходит до свободного творчества, то от обилия возможностей становится как-то не по себе. А что я вообще хочу сообщить миру? «Привет! Я существую»? Маловато для четырех с половиной минут.

Помимо студенческих этюдов, предназначенных для сцены, у меня за плечами — две постановочные съемки. Первая — видеоклип на песню I like to scream, простенький комический хоррор, снятый на собственные деньги Scary B.O.O.M. Вторая — настоящий рекламный ролик, появившийся на свет как промежуточное звено целого ряда действий, направленных на достижение куда более высокой цели — издание первого русского сайкобилли-видеосборника Psychoburg.

Чтобы получить необходимую сумму для покупки коробок и видеокассет, я измыслил следующую схему. Хозяевам рок-магазина «Культура» на Московском проспекте, Косте и Лене, я предложил снять рекламный ролик в обмен на скромный денежный вклад в историю петербургского сайко. О предоставлении камеры, оператора и монтажки я договорился со своими друзьями — Жуковым и Максаковым, которые выпускали на «22-м канале» передачу «Музыкальные джунгли». Им я посулил нарисовать за собственный счет задник для их передачи. Все согласилось, и я приступил к работе.

Идея родилась быстро, актер согласился сразу. Им стал Илья Обумов по прозвищу Покойник — старый друг и просто колоритный крупный парень, готовый к авантюрам разного рода. В назначенный срок мы с ним приехали на «Приморскую» и двинулись к многоэтажке на курьих ножках. В ней, на техническом 22-м этаже с низкими потолками, расположился «22-й канал», который круглосуточно крутил разнообразные музыкальные клипы — от дорожных западных до петербургских самоделок. Я усадил Покойника на табуретку в студии

и включил в розетку электробритву. Максаков устроил на плече камеру формата Betacam. Поехали! Я брил покойницкую голову, Владик снимал, а сам Покойник скрежетал зубами от боли, потому что бритва была плохо смазана, плохо настроена и нещадно драла волосы, выжимая из глаз Ильи настоящие слезы. Спустя тридцать минут съемка была окончена. Новоявленный скинхед убежал в туалет мыть голову «Фэйри» а мы отправились в монтажку — сгонять материал. Саундтрек я принес на кассете. Это была песня Ministry Stigmata, которую я самостоятельно перемонтировал дома на двухкассетном магнитофоне. Теперь в ней нет вокальных частей, и она значительно укорочена.

Максаков сел за монтажный пульт, я сбоку и чуть сзади, как и положено. Но вскоре стало ясно, что Владик далеко не такой крутой телевизионщик, каким кажется, когда артистично затягивается сигаретой в курилке и травит профессиональные байки. Он часто выходил, чтобы справиться о технических тонкостях у начальника «22-го», и очень скоро рассерженный директор, больше похожий на преуспевающего бандита, чем на творческого работника, сам, не снимая пальто, сел за пульт и принялся крутить просмотровую ручку.

— Так? — не поворачивая головы, спрашивал он у меня, и по тону мне было ясно, что ему совсем неохота заниматься нашими глупостями. — Что теперь?

— Вот, — протянул я ему дискету, — логотип.

Волшебным образом логотип рок-магазина «Культура» оказался на экране. Мрачные гулкие удары, записанные Йоргенсенем со товарищи, знаменуют окончание ролика, славящего петербургский магазин. Директор нажал кнопку, и я в первый раз просмотрел свое творение.

«Рара-дадам» — заревела злая перегруженная гитара.

«ЭТО» — появились на черном экране желтые буквы.

В кадре — Покойник, моя рука, электробритва и волосы, падающие с его головы. Видно, что у Ильи мучительно сжаты губы, но под звуки индастриел ясно, что перед нами — настоящий громила, который только и ждет, когда сможет выйти на улицу, чтобы перевернуть ближайшую машину и поджечь дом престарелых.

Футболки. Футболки. Перстни с черепами. Высокие ботинки. Перстни с черепами.

«Рара-дадам» — монотонная гитара безразлична к человеческому страданию.

«ТВОЯ» — желтые буквы зажглись во тьме.

Волос на голове все меньше. Громила оскалил зубы — ему хочется свежей крови.

Рюкзак. Рюкзак. Футболки с черепами. Высокие ботинки. Рюкзак с черепами.

«КУЛЬТУРА» — читаем мы выбритые на голове изувера буквы.

Тьма.

Желтые рваные буквы — логотип магазина. Адрес.

«Это все?» — Директор в малиновом пиджаке наконец повернулся ко мне.

«Да».

«Если позвонит Коля, — закричал кому-то директор, выбираясь из-за пульта, — скажите, что я поехал за деньгами. Если Петр Александрович — скажите, что деньги еще не пришли».

Записав ролик на взхаэсную кассету, я вручил ее владельцам «Культуры», а сам приступил к завершающему этапу комбинации.

В «Гостином дворе» я приобрел отрез черной хлопчатобумажной материи и большую банку цинковых белил. Разложив кое-как будущий задник на полу своей комнаты, я начал рисовать. Сначала мелом — набросок, потом красками. Смешав белила с цветной гуашью, я изобразил переплетенные лианы: вместо листьев у них были гитарные грифы и штекеры, вместо бутонов — конги. Изображение музыкальных джунглей происходило медленно. Надо было ждать, пока краска засохнет, отматывать новый кусок полотна и только тогда — продолжать. Спустя несколько дней я завершил работу. Аккуратно сложив заметно потяжелевшую ткань, я отправился на «22-й». Прием работы закончился неожиданно. Глядя на прищипленную к стене студии ткань, мои друзья нахмурили брови. Задник не годится. Он слишком контрастный, и ведущая программы Маша будет на нем пропадать. Мои психоделические выверты с грифами и конгами их тоже не обрадовали.

Да и на небе тучи, а тучи, тучи,

А тучи, как люди, как люди они одиноки.

Но все-таки тучи не так жестоки.

Из-за приоткрывшейся двери аппаратной до меня долетели звуки нового хита «Иванушек», и вместе с ними пришло горькое озарение. Надо было сначала утвердить эскиз! Почему я решил, что их порадуют мои рисунки? Потому, что мы вместе учились в институте? Глупость. Теперь в моих руках оказалась измазанная белилами тряпка, на которую я истратил последние деньги. Вне телестудии за нее не дадут и бутылки пива.

Я вышел из ногастого дома и пошел вдоль Смоленки. Ветер с Финского залива толкал меня в спину — «Проваливай!». Я шел, мрачно прикидывая,

куда можно деть негодное полотнище. Шанс был. Но только один.

Помимо «Музыкальных джунглей» в нашем городе была еще одна программа, посвященная рок-музыке. «Лестница в небо» Димы Журавлева на «36-м канале». Пару раз я ее видел. Дима с рыжими волосами до плеч сидел перед камерой на фоне невзрачного задника, ставил клипы и рассказывал о новостях сцены, делая упор на «Короля и шута», которым он приходился администратором. На следующий день я решил ехать к нему.

В помещении «36-го», занимавшего обширную квартиру на первом этаже старого дома, пахло гречневой кашей с мясом — обычным обедом сотрудников канала. Я разложил свой черный психоделический парус и рассказал заранее заготовленную легенду, чтобы не выглядеть совсем уж неудачником. По моей версии, на «22-м» решили сделать передачу про музыку, а потом раздумали. И подготовленный реквизит оказался ненужным.

Диме задник понравился. Ему уже до смерти надоело сидеть на фоне пустой стены. Подошедший лысоватый оператор тоже внес оптимистичную ноту. «Кстати, — произнес он, поглаживая бороду, — в свете приборов эти лианы будут здорово светиться». «Федя, — обратились они вместе к мужчине в белом плаще, — смотри, какой нам задник принесли». «М-да, — сказал Федя, — и сколько он стоит?» Я назвал сумму. Мужчина поморщился. «Федор, — вступился Журавлев, — у меня нет задника нормального. У любого солидного канала их десятки, а у нас ни одного нет. Надо брать». Директор полез в карман, достал бумажник и вынул деньги. «А подешевле?» — спросил он у меня, но я сделал скорбное лицо и развел руками. Федор вздохнул и выдал мне пару бумажек. Я тоже вздохнул в знак солидарности.

Шагая по Ординарной обратно к «Петроградской», я улыбался, чувствуя себя ловким пройдохой. Вырученных денег хватит не только на новое полотнище для «Музыкальных джунглей», но и на шаверму с «Балтикой» у метро.

7. «ТИТАНИК»

Время идет, а подходящая история не сочиняется. Я придумал пару вариантов, но для одного мне требуются очень хорошие и взрослые актеры, а для второго — компьютерная графика и дорогостоящие декорации. Ни того ни другого, даже обладая величественным бюджетом в тысячу долларов, я себе позволить не могу. Процесс создания клипа начинает буксовать. Мне помогает вагон поезда Москва — Пе-

тербург. Я возвращаюсь домой после нескольких дней, проведенных у сестры. Ночи еще довольно холодные, а отопление уже отключили. Пытаясь заснуть, я впадаю в странное состояние. Видения становятся реалистичными и достоверными, как в глубоком сне, однако я могу ими управлять. Я в кинотеатре. Работает большой проектор, его луч освещает экран над заполненным залом. Посетители смотрят черно-белый фильм о гибели гигантского корабля. Чего не хватает в истории про «Титаник»? Его спасения. Как это можно сделать? Просто переключить проектор в обратную сторону. Так и поступает невысокий полный механик, когда до катастрофы остается лишь несколько секунд. Пролетая над залом, я увидел и зрителей, каждый из которых по-своему реагирует на неожиданную концовку. Вот парень в черном пиджаке с бледным, как у вампира, лицом. Надменная красавица с бабеттой на голове, невозмутимый неформал с красным ирокезом и его подружка. Наконец-то. Остается собрать конструктор из призраков и записать историю на бумаге. Я крепче кутаюсь в колючее одеяло, прижимаюсь спиной к перегородке и наконец-то погружаюсь на дно.

Распределение ролей не заняло много времени. Киномехаником будет Миша Морозов, профессиональный переводчик, оказавший неоценимую помощь в подготовке к записи наших английских текстов. Он человек корпулентный, а про полных людей известно, что они обладают природной органичностью. Вес придает их движениям плавность, не дает зажиматься или суетиться. Но Миша не похож на веселого пекаря. Его лицо, окруженное курчавой бородой, легко представить на средневековом европейском портрете — зажиточный горожанин, увлекающийся науками, задумчиво смотрит на зрителя. Поэзия его облика (кстати, Миша — действительно поэт) — как раз то, что нужно для создания образа механика, в котором проснулся творец. К сожалению, Миша совсем не мал ростом, но нужный ракурс исправит положение.

Илья Покойник — звезда рекламного ролика магазина «Культура», обязательно сыграет одного из зрителей — жлоба в куртке милитари, похожего на Капитана из фильма о кораблекрушении, который идет на экране. Ну и, естественно, самого Капитана.

На роль неформальской парочки прекрасно подойдут Фил, контрабасист группы «Почерс», и Лена, их вокалистка. Они — идеальный дуэт на сцене и хорошие друзья в жизни.

На роль парня с вампирически-бледным лицом я мысленно утверждаю Роджера — бывшего тусовщика и, вдобавок, студента моей же кафедры.

Из-за ночных клубных бдений лицо его часто выглядит благородно-изможденным. Аристократическую жилку он умудрился проявить еще в клубе «Там-там», легендарной петербургской рок-кляке, появившись там в идеально белом пиджаке. Увидев сверкающего чистотой Роджера с набриллированным коком и высокомерным выражением лица, потертые там-тамовцы роняли изо рта сигареты и долго провожали его взглядом.

Не хватало только надменной красавицы, однако и она скоро нашлась. Роджер посоветовал обратить внимание на Свету Шерстобитову, с курса на год младше. Встретившись с ней, я про себя отмечаю, что это как раз та девушка, которую я мысленно отметил, присутствуя на одном из кафедральных капустников. Света стройна, мила и полна энтузиазма.

Вот и все. Сама группа Scary B.O.O.M. появится в кадре лишь мельком, в качестве музыкантов, играющих на гибнущем судне. Мне хочется снять маленькое кино, рассказать забавную историю. Нашей музыки за кадром вполне достаточно. Телевидение завалено клипами, герои которых, сердито нахмурив брови, суют в объектив то головы, то руки, старательно подражая ниггерской распальцовке. Хватит.

8. «АВРОРА»

Осталось определиться с натурой. Подходящий для съемок корабль в городе всего один. Стоящий на вечном приколе крейсер «Аврора», музейный, военный и исторический объект, символ города. Получить разрешение на съемку будет наверняка непросто. В меня вселяет надежду лишь то, что прецеденты имеются. После выхода популярного сборника «Митковские песни», для которого наши рок-звезды и художники записали известные морские песни с бойким современным аккомпанементом, они отправились на «Аврору» и сняли что-то вроде простенького фильма, побродив по палубам корабля под звуки собственной фонограммы. Получилось скучновато, но, наверное, никто и не ставил перед собой грандиозных творческих задач.

Было и еще кое-что, позволявшее мне рассчитывать на удачу. Особая связь с крейсером, заключавшаяся в том, что именно на его палубе я был принят в пионеры. Наш класс был разбит на три смены приема. Наиболее достойные попали в первую и отправились к памятнику блокадным ленинградцам. Откровенные нарушители и отстающие были задвинуты в третью, а я с представителями не идеального, но вполне надежного со-

ветского юношества оказался в респектабельной второй. И надо сказать, что с местом приема нам повезло больше всех. Единственным, что подпортило мое торжество, было то, что моя одноклассница случайно сломала стебель моей гвоздики, которую я должен был возложить к орудию, давшему исторический выстрел. На черно-белом фото в семейном альбоме я стою с напряженным выражением лица и держу цветок двумя руками, чтобы он не развалился.

Погожим майским днем я бесстрашно перешагиваю ограждение и, поднявшись по трапу, предстаю перед дежурным, которому рассказываю о цели своего визита. Меня проводят в командирскую каюту. И тут я начинаю врать. Моя легенда проста. Я студент института культуры, снимаю фильм о городе. Несколько планов хотелось бы снять с «Авроры» и на корабле. Лгать мне не совестно, потому что я понимаю — хуже от этого никому не станет. А вот польза будет несомненной. Мало того, что в российскую экономику вольется тысяча самурайских долларов, так еще и вклад в современную культуру сделаем. Командир корабля, невысокий худощавый мужчина лет пятидесяти, выслушивает меня внимательно, но без особого интереса. «Знаешь что, — говорит он, задумавшись, — у нас теперь есть коммерческий отдел, вот они такими вопросами и занимаются. Ты заходи на следующей неделе, а я пока с ними свяжусь».

«Это жестокие слова, мистер Холмс», — хочется сказать мне в ответ. Я представляю ушлых людей, с которыми мне придется столкнуться, и настроение стремительно падает. На такую роскошь, как аренда крейсера начала века, денег у меня нет. С Димой Сахаровым мы уже прикинули, сколько уйдет на технику и оплату персонала. Прилично. К этому нужно добавить транспортные расходы и минимальное питание (ну уж хотя бы пиво) для актеров. Словосочетание «коммерческий отдел» расстроило меня дальше некуда. В тот момент я полагал, что эпопея с «Авророй» закончилась, не начавшись, и не мог представить, с какой стороны придет спасение. Но оно пришло, закономерно и неожиданно одновременно, выждав предварительно ни много ни мало — сто лет.

9. «КУЛЕК»

Моя ложь о мнимом студенчестве не была совсем уж отчаянной. Институт культуры, именуемый в народе «Кульком», я окончил три года назад. Друзья с младших курсов все еще продолжали учебу, и я всегда приходил на их капустники, а иногда и участвовал в них. В общем,

я вполне ощущал себя частью кафедры — ветераном, не снимающим руку с пульса.

Мое поступление в «Крупку» (еще одно прозвище, происходящее от фамилии Надежды Константиновны), было неожиданным и резким поворотом в моей жизни. Изначально я твердо придерживался художественной линии. Вначале была изостудия при дворце пионеров имени Жданова. Потом — детская художественная школа № 1 на Фонтанке. Далее — подготовительные курсы в «Мухе» и, наконец, вступительные экзамены. Оценки за композицию и живопись еще оставляли надежду на поступление, а вот рисунок все погубил. Во-первых, я еще не до конца изжил чужеродную для этого института манеру — наносить тяжеловесные тени, все сильнее зачерняя их у дальней части гипса. В «Мухе» было принято изображать приближенную часть четко и контрастно, а удаленную — как бы растворять в пространстве. Во-вторых, вместо капителя на подиуме я обнаружил старуху-натурщицу. Это окончательно выбило меня из колеи, потому что живое лицо я не рисовал никогда. Старушечка вышла у меня невыразительной и, с перепугу, непропорционально маленькой на листе, что было очевидным и совершенным позором.

Сумма баллов оказалась недостаточной. Я приуныл, хотя и не сильно. Истории о поступлении в «Муху» с третьей, четвертой и даже пятой попытки были общеизвестны. Там действительно требовался высокий уровень, а также ценилась платная подготовка у кого-нибудь из тамошних преподавателей.

Возвратившись домой на щите, я отправился к школе, в наш вечерний клуб, обитавший на крыльце 318-й. По дороге я встретил своего одноклассника Максакова. «Ну что, поступил?» — спросил он. «Естественно, — соврал я не задумываясь, — в университет, на философский». «А я на болгарскую филологию», — ответил Владик, также честно и спокойно, как я ему, глядя мне в глаза.

По окончании первого лета свободного плаванья было решено отправить меня на учебу в лицей «Купчино» и параллельно — на занятия по рисунку. Лицейстам предстояло стать вдохновенными краснодеревщиками, лицейцам — грациозными штукатурщицами. За тамошние гипсы и натурморты я получал пять, нисколько не утруждаясь, а вот у мухинского преподавателя — согбенного старика с длинным тонким носом, напоминающего вырезанного из коряги лесовика с детской площадки, мне пришлось непросто.

Его крохотная мастерская, забитая мольбертами и учениками, находилась в чердачном по-

мещении старого дома на площади Грибоедова. Начали мы с Вольтера. «Вот посмотрите, какой у него нос, — говорил лесовик, — наверное, он в год кабана родился». Астрологической теме он уделял особое внимание. Где-то у него был особый гороскоп, из которого он зачитывал по секриту отрывки лишь самым возлюбленным ученикам. Я в их число не входил. Учитывая, как мне хотелось в то время получше разузнать о своем предназначении, я злился неимоверно. Вторым пунктиком лесовика была нетерпимость к любому звуку. Он выключал радио и прохаживался между мольбертами под шорох карандашей и резинок. Его приближению предшествовала волна хорошо выдержанного перегара. Мой рисунок прогрессировал — становился легче и убедительней. Глаз уверенно подмечал грани и плоскости. В то же время я томился от гнета тишины и ненавидел своего учителя с ног до головы. Обрезанные валенки, свитер, кулацкую душегрейку и зоркие глазки за стеклами, слегка потеющими от крепкого выдоха.

А в лицее творилась какая-то бестолковщина. Полгода мы скребли стекляшками старый паркет из актового зала (хороши краснодеревщики!), а потом изготавливали затирки для наших штукатурщиц. Наконец мне, как одному из лучших, было позволено приступить к изготовлению небольшой табуреточки. Я весело проводил время с новыми друзьями и прогуливал занятия. В перерывах между прогулками мы собирались на крыльце для перекура. Порой нас угощал сигаретами бандит Коля, строивший, с благословения дирекции лицея, сауну в подвале. Он был бы похож на добродушного деревенского тракториста, если бы не ясные голубые глаза — слишком холодные для землешца. Коля не скупился на курево и подолгу трепался с нашими штукатурными подругами. Закончилось это вполне закономерно, когда одна из них, Маша Ростомеева, объявилась пред лицом своих сестер в слезах и, захлебываясь, объявила, что Коля со товарищи изнасиловал ее в той самой недостроенной сауне.

Неожиданно перегар учителя рисования сложился с Колиной подлостью, как две идеально подогнанные детали. Мне уже не нужен был мистический гороскоп лесовика, чтобы понять — я еду не в ту сторону. Лицейское безделье начинало меня пугать. Напряженное молчание у мольбертов ужасало не меньше. Я дернул стоп-кран и вечером, на кухне, объявил родителям о полном прекращении наступления на художественную высоту. Мое заявление было встречено мужественно, хотя и тревожно. И что же я теперь собираюсь делать? «А ничего, — ответил я, — буду все

свое время отдавать музыке». Такой вариант был решительно отвергнут: музыка музыкой, а образование образованием. И не надо это противопоставлять.

В моих руках снова оказалась брошюрка с описанием ленинградских вузов. Я принялся за музыкальные училища и с горечью обнаружил, что абитуриентов без начальной подготовки там вовсе не ждут. Это мне показалось несправедливым. А песни собственного сочинения? А «Кремена» с мастеровыми звучками? А мечты о славе и идеальный вкус? Это что, не считается? Выходило, что нет.

Эстрадное отделение института культуры имени Крупской также оказалось для меня неприступным. Хореография, библиотечный — спасибо, не надо. Режиссура театрализованных форм массового досуга — мм... возможно. В конце концов, «институт культуры и отдыха», как его иронично именовали в городе, не предполагал чрезмерного напряжения сил. Буду больше репетировать с группой и стану звездой.

Весной я прибыл на день открытых дверей и, поплутав по лабиринту лесенок и коридоров, вошел в огромный, пахнущий сырой штукатуркой актовый зал с рядами багровых сидений. Тут уже ждали заведующих кафедрами два десятка будущих студентов. Сначала появился завкафедрой менеджмента, вызвавший у меня снисходительную улыбку. Звание «менеджер» подходило ему ровно так же, как «лицеист» — столяру-пэтушнику. Это был пожилой мужчина с привольно выпятившимся животом, в костюме родом из семидесятых, коротким клоунским галстуком с широким узлом и коричневой накладкой, набекрень насаженной поверх седых остатков собственных волос.

А потом появился наш, и я с удовольствием заметил, что будущие менеджеры посмотрели на него с легкой завистью. Мужчина лет сорока со спортивной стрижкой, в кожаной куртке, покручивая на пальце ключи от собственного автомобиля, вышел перед нами и вальяжно облокотился на сцену. Из-под ворота рубашки у него виднелась золотая цепь. Глаза его почти скрывали затененные очки — «капли», хотя и сквозь них было заметно, что смотрит он слегка насмешливо. Крутой. Изначально это слово не требовало дополнения.

А я люблю военных, красивых, здоровенных.
Еще люблю крутых и всяких деловых —

пела группа «Комбинация». Слово «крутой» обозначало общественный статус независимо от про-

фессии. Можно было разливать паленую водку в подвале или выезжать с паяльником на сеанс делового массажа к партнерам. Можно было завладеть престижной кафедрой. Все это не имело значения. Если твое дело должным образом отражалось на внешнем виде, то окружающие сразу же смекали, что к чему.

В общем, наш Аскольд Аркадьевич оказался именно таким: крутым и деловым. Поправив горбачевским движением свои «капли», он поведал нам о том, что кафедра набирает второй курс, что специализация наша — это не стадионы и площади, а элитарные мероприятия для иностранцев. «Ну а если кто петрушкой желает перед толпой скакать, то это пожалуйста, к Петрову на массовые праздники, — заключил он, — а если хочется свой кусок хлеба с маслом и... с икрой, то добро пожаловать к нам». После эффектной коды он отправился к выходу. Я вообразил, как абитуриенты встают, выстраиваются и, поджав передние лапки, гуськом бегут за звоном его ключиков. К поколению дворников и сторожей я не принадлежал и не планировал укреплять свою репутацию самоотверженным поглощением портвейна с неизбежным лечением и воцерковлением в конце. Справедливо рассудив, что добрая порция сладкой жизни ничуть не повредит карьере музыканта, я мысленно пристроился к остальным. Выбор был сделан.

Экзамены прошли гладко, особенно та часть, которая касалась специальности. Спеть песню (я выбрал «Аукцион» — «Книгу учета жизни»), рассказать прозу (Хармс), сочинить и поставить этюд по ключевым словам и пословице. Все это нужно было реализовать сейчас же, используя в качестве актеров своих соратников по абитуре. Это был вызов, но не усидчивости и кропотливости, а напору и фантазии. И это меня абсолютно устраивало. Вместе со мной поступал Максаков, оказавшийся таким же липовым филологом, как я философом. Всеобщая вечеринка новорожденной группы номер 145, в сталинском доме на проспекте Metallistov, ознаменовала победное окончание экзаменов. Блики вечернего солнца на кувшине с оранжевым «инвайтом», брызги крови на моей футболке от разбитых о струны пальцев, безостановочная перепасовка островами — в несколько ярких мазков была готова картина студенческого счастья, которое обещало длиться четырьмя годами.

Осенью, по окончании уборочных трудов на полях колпинского колхоза имени Тельмана, мы приступили к занятиям. В своих сценических работах мы ориентировались, как ни странно, на экранные образцы. Главными кумирами у нас почита-

лись Комаров, Барский и Делиев из «Маски-шоу» и Лесли Нильсен — герой абсурдных американских комедий вроде «Аэроплана» и «Голого пистолета». Мы, как могли, копировали их приемы, часто приводя преподавателей в ступор каскадом бессмыслиц, понятных исключительно нам самим. Хорошие театральные постановки были редки и дороги, поэтому все наше творческое внимание и обожание было направлено к новинкам кино.

Прошло время, и этот интерес утвердился на кафедре официально, в качестве отдельного курса по истории кинематографа. Вел его Борис Самсонович Пенхасович, пожалуй, самый пожилой преподаватель на кафедре, судя по тому, что воевал он не только в Великую Отечественную, но и в финскую. Он был невысокого роста, но крепок, а быстрые движения выдавали в нем холерика. Седые волосы он зачесывал на косой пробор и имел усы — однако не моржовой щеткой, как у Руцкого, а тонкой изящной полоской, в стиле героев старого американского кино.

Борис Самсонович входил в аудиторию, усаживался и доставал свои записи — пожелтевшие горизонтальные карточки, нарезанные из листа писчей бумаги. Свой рассказ он повел, естественно, от самых истоков — «Выхода рабочих с фабрики», «Политого поливальщика», «Стеньки Разина». «Максим Горький, — рассказывал он, — впервые посетив кинематограф, был встревожен. А не появятся ли в скором времени кинокартины с заголовками вроде «Елена выходит из ванной»?» Мы понимающе закивали — да, да, фильмы такого содержания нам встречались. Если тема становилась особенно интересной, правый миниатюрный ботиночек Бориса Самсоновича начинал отбивать под столом восторженную чечетку. Один раз он продемонстрировал нам черно-белую фотографию, где он, импозантный темноволосый мужчина — вылитый Кларк Гейбл, сидит за столом какого-то собрания рядом с Тарковским. Мы хором

протянули одобрительное «о». Борис Самсонович выглядел куда солиднее автора «Сталкера». Свою любовь к прекрасному полу Пенхасович выражал в дарении нашим девушкам конфеток за удачный ответ и очень часто заканчивал занятие раздачей билетов в Дом кино. Туда мы приходили смотреть и новинки, и немые фильмы, обнаружив, к своему удивлению, что актеры прошлого ничуть не наигрывали, в отличие от тех, кто пародировал их стиль позднее. Иногда, чтобы представить свой фильм, на сцену поднимались режиссеры. Заявившись на показ картины «Ленинградские ковбои едут в Америку», мы с интересом наблюдали, как к микрофону подошел одетый по моде брежневского застоя мужчина в сером свитере. Через переводчика он сообщил: «Гении кино — это Пудовкин, Вертов... мой фильм не имеет к этому никакого отношения. Так что тем, кому по-настоящему дорого искусство кино, рекомендую присоединиться ко мне в баре». Аки Каурисмяки слегка качнуло, и он отправился за кулисы под гром аплодисментов.

Однажды Борис Самсонович, усевшись за стол и разложив карточки для лекции, самым обыденным тоном заявил: «Ну вот... сегодня утром умерла моя жена...» Мы охнули. Он немного посмотрел в сторону, как бы что-то припоминая, потом перевел взгляд на записи и снова поднял на нас покрасневшие глаза. «Сегодня мы поговорим о...» Его слов я уже не слышал. Я сидел и представлял, как в опустевшей и тихой, по-стариковски пахнувшей лекарствами квартире Борис Самсонович собирает свои карточки, надевает пальто и вставляет ноги в свои маленькие ботиночки, чтоб идти к нам на лекцию. Сердце разрывалось от жалости. На лицах друзей я видел то же чувство. А Борис Самсонович закончил занятие, раздал полагающиеся конфетки и билеты и вышел из аудитории. Это, пожалуй, был один из самых важных его уроков — мужества и верности своему делу.

Продолжение следует.

Алла МАРЧЕНКО

Продолжение. Начало в № 10, 11, 12 за 2016 год

Из книги «ТАКОЕ ДЛИННОЕ ДЕТСТВО, или Проделки Клио»

1942

Апрель-август

Три девицы под окном пряли поздно вечерком

Здешние холода налетают как ветер. Зато весны растепливаются с растяжкой. Ахмет у самой избы сугробы разгреб. Усаживаюсь на прикрылечный бывший пенёк. Все с той же книгой. Женька с вороной. Общаются. Ворона по-татарски «карга». Мама ее почти приручила, подкармливает, сгребая на досточку недоеденное. Гороховые ошметья. Кусочки лапши. Карга сердится — не наелась. Норовит долбануть ее в руку. Клювом. Братца почему-то не трогает. На меня каркает. И крылья растопыряет.

Солнце заваливается за крышу. Все. Биткен, то есть «конец» по-здешнему. Обеденный перерыв и послеобеденный сон. Печенье картошины в пушистой золе. Кружки с молоком на крайчике плиты. Еще тепловатые.

Наконец весне надоедает лениться-потягиваться... Дни длинные. Вечера короткие. Все, что можно выудить из не очень-то разговорчивой моей мамы и про Рим, и про Китай, и про Наполеона, — мои «почему» уже выудили. Курсирую (отцовское слово) между горкой из толстых и длинных бревен и все тем же бывшим пнем. И моя книжка со мной, хотя не прочитаны до почти наизусть лишь несколько непонятных страниц с рисунками, похожими на чертежи. Не читаю, конечно, однако нарочно держу раскрытой. Чтобы

они не подумали, сижу, мол, здесь потому, что слежу. Как шпион. Они — это соседи Миникамал, с которыми ни она, ни мы по-прежнему не знаем.

Снежное накрывало — сверху ледяная короста, с изнанки мокреть, под мокретью вода талая — все тоньшеет и тоньшеет. Земля, нахлебавшись, меняет окраску. С утра по бурому зеленоватые черточки, к вечеру черточки превращаются в пятнышки, пятнышки в прозелень, прозелень в зелень.

На крыльце соседского дома появляется старуха с веревками. Веревки чистые, беловатые. Свернутые в кольцо. За старухой с веревками выскакивает девица с палками. На вершине каждой палки рогулька. Натягивают веревки — от угла избы к сараюшке. Крыша у сараюшки плоская. Выбегают еще две девицы. У каждой в охапке ярко-цветная домотканина. Старуха возвращается в дом, девицы остаются. Развешивают принесенное — ковры, коврики, дорожки и просто ткань; в провиснувших низко местах подставляют палки-шесты с рогульками. Сами нарядные. Ростом разные, а косы, по спине, почти одинаковые: ярко-черные и блестящие. И длинные-длинные. Оглядываются на меня. Улыбаются. Где ж я все это видела? Ой, неужели в оставленной в Туймазы книжке? Про храброго витязя Козы-Корпеча и его невесту, красавицу Баян-Слу?

Сначала девицы, все три, кажутся похожими на Баян-Слу. Из-за кос и наряда. За такие проч-

С помощью Интернета детгизовское издание казахского «Сказания о Козы-Корпече и Баян-Слу» в замечательном переводе Георгия Твeрeтина (1941) в конце концов нашлось, но качество изображения оказалось таким скверным, что пришлось воспользоваться изданием 1928 года. Текст тот же, но название еще авторское — не Сказание, а Песнь (Георгий Твeрeтин умер от тифа в Петрограде в 1922 году)

ные и длинные косы почему же не ухватиться? Чтобы из бездонного колодца выбраться. Вот Баян-Слу их и обрезала. Схватила острый-преострый меч — и чик-чирик. Злодей, погубивший Козы-Корпече, заорал от страха и провалился в бездну...

Мамин недовольный голос звучит внутри уха: сколько раз тебе говорила — глазеть на живых людей неприлично! Можно подумать, что я не знаю. Знаю, а со своего наблюдательного пункта все равно не сдвинусь, пока не разгляжу лица девиц и не догадаюсь, которая из сестричек самая похожая на Баян-Слу.

Не помню, что сначала, а что потом: толстый кусок пирога с толченой черемухой или ведро со старой картошкой. Да это и не важно, важнее живая картинка. По счастью, почти сохранная. Самое начало весны. Не слишком раннее, уже согревшееся утро. Зайдя за угол дома, останавливаюсь, удивленная происходящим в соседском дворе. Три девицы вытаскивают из сара-

юшки незнакомое мне устройство и волоком тянут его в поле. Поле я называю черным (среди ярко-зеленого) небольшой прямоугольник пустой и негладкой земли. Появляется и старуха. Пригнувшись, дверца-то низкая, влезает в сарай. Оглядываясь на дочерей. И там непонятное: распутывают какие-то запутавшиеся ремни. Старуха выносит из сараюшки и ставит на землю ведра, в ведрах картошки. Подоткнув юбку, распрямляется и, увидев меня, машет. Зовет руками — иди, мол, сюда. Бегу, не веря внезапной удаче. Удача вместо одинокого дня! Женьку же, как и вчера, мама увела с собой на работу. Теперь у коровника вся деревенская малышня собирается. Скотный начальник для вида ругается, а парное молоко все равно и им дает. Не только телятам.

Старуха хватает большие ведра. Я — малое. Идем медленно. Старуха впереди, я за ней. Не бегом, а вышагивая под шагалку, только что, на ходу придуманную: у картошки вылупились розжки.

Девицы, прицепив половину ремней к вытасченной из сараюшки штурковине, пробуют и сами туда же, в упряжь засунуться. Не все три — две: средняя и самая младшая. Старшая

ухватывается за что-то похожее на руль трехколесного велосипедика. Одна сзади правит и давит-держит, передние тянут-потянут. Кривоватая рыхлятина превращается в прямую красивую черную борозду. Добравшись до крайчика, останавливаются. Отдыхиваются, не распрягаясь. Старуха со старшей дочкой возятся со штурковиной...

— Что это было? Как называется?

Мама неожиданно охотно: дескать, в гражданку мужики-дезертиры тоже впрягались. На себе пахали. Лошади или покрадены, или от голода сохли.

— Где?

— Да там, у Прасаловичей. Где наша Ирина с мужем работали. Смолоду, как повенчались. Верстах в сорока от Орши.

— Это когда же... А сегодня зачем? Почему? А что за штуку тащили?

Мама раздумчиво:

— Соха, наверное. Самодельная вроде.

Но я опять не соблюдаю распорядок. До разговора с мамой у печки длинный-длинный весенний день!

Дотянув самодельную земледелку до дальнего края второй борозды, девицы быстренько распрягаются и убегают в дом. Старшая ненадолго задерживается, складывая упряжь. Сложив, тоже уходит. Вот тут-то мы и принимаемся за работу. Мы — это старуха и я. Мы сажаем картошку! Хозяйка какой-то особой, не простой палкой делает ямку в самой середочке борозды, а я укладываю в ямку картошину. Вверх рожками и той стороной, где рожки потолще да покрепче. Делать это самой хозяйке несподручно, спина не сгибается. А мне сгибаться не нужно. Присаживаюсь на корточки и стараюсь. Только б не скособочить рожки-росточки! Смысл того, о чем «Большая Подельница» говорит, доходит не сразу. А говорит она не то чтоб по-русски. По-татарски, конечно. Да и течение речи пусть и плавное, слишком уж быстрое. И все-таки, вслушавшись, выуживаю из речевого потока почти понятные слова. Ситуацию проясняющие. Девки, мол, как только мы свое дело кончим, остальное вручную доделают. А ты и завтра к нам приходи...

Про то, что за «помочь» соседи подарят мне лично ведро старой картошки, поставив его на прикрывочный пень, несколько раз рассказывала мама. Потом, после войны. И отцу, и гостям, и братьям. Картошки, мол, были не сортовые, столовые. Или очень уж крупные, с шишками, или чересчур мелкие. А вот про пирог с толченой черемухой запомнила. Зато я его не забыла.

Поставив миску с еще тепловатым куском пирога на приступочку, младшая из сестер, зачерпнув из бочки снеговой воды, поливает мне на руки, руки, ой, грязные... Наконец-то вижу ее вблизи. Ну конечно, младшая всех красивее. Старшая тоже была бы красавицей. Если б не оспины.

А может, и я бы запомнила о не похожем на бьялиш печеве, если б не главное событие того лета — поездка (путешествие!) в дальний лес за поспевшей черемухой. Лошади две. Телеги две. На одной связка пустых корзин и три огромные молочные фляги¹. Здесь же и мое место: ворох свежего сена и старый, с одним рукавом, полубок. На другую телегу усаживаются сестры

и их товарки. Платки, легкие, шелковые, завязаны плотно, видны только глаза. «Комар носа не подточит». Из Чишмы комары улетучились — август. В лесу же по-прежнему злобствуют. Даже при солнце...

Едем деревней. У крайней избы притормаживаем. Одна из товаровок спрыгивает. Прибегает собака, кому-то знакомая. Бежит рядом. Солнце наконец просыпается, я же, наоборот, задремаю.

Останавливаемся на краю распадка, густо поросшего черемуховым молодняком. Старшая из сестриц спускается к родничку, собака за ней. Приносит кувшин воды. И горсточку ягод. Угощает. Ягоды мелкие и невкусные — суховатые. Опять едем. Собака запрыгивает в телегу. Ну вот, наконец-то приехали. Девицы расхватывают корзины — и в лес. Один из возниц остается при лошадах, другой достает топорик и тоже уходит. Вскоре уходит и второй. Собака то прибегает, то убегает. Вроде как проверяет, сторожу ли я их имущество. Сторожу, сторожу, успокойся, вот только стараюсь держаться на солнечной стороне полянки, там комарья поменьше. Голоса сборщиц то громче, то глуше. Далеко... Ближе... Совсем близко... А вот и они. Возницы переставляют фляги. С телеги на землю. Корзины наполнены с верхом. Ягоды крупные, кисточками, почти как смородина. Осторожно пересыпают добычу во фляги. Опустошив корзины, снова исчезают в лесу. И так весь день: приходят, пересыпают, убегают. Солнце начинает снижаться. Защелкнув полные фляги, мужики поднимают их на телегу. Пристегивают ремнями. Разворачивают свернутую конвертиком одеялку. Достают лепешки. Остальные опять заворачивают. Половинку протягивают мне. Тепловатая. Пахнет бараниной. Вкусно. Кричат. Зовут. Сердятся. Явившись, сборщицы ягод не обижаются. Пристраивают к флягам принесенные корзины. Мужики выводят обоз на дорогу. Мы следом, пешком. Усевшись, девицы снова распеленывают лепешки. Опять протягивают мне половину.

Пока не стемнело, распутав ненужную больше комариную марлю, смотрю. Смотрю-смотрю... Глазами жадными цапая!!! Хотя зацепиться вроде бы не за что. Степь да простор. Простор да степь.

Останавливаемся у поворота к отшибу. Они стоят рядом — моя мама и старуха соседская.

Утро. Мама с Женькой и Эльвирой отправляются в сельский совет. Туда своими ногами. Обрато их кто-то подбрасывает. А в соседнем доме аврал (папкино слово). Разложив по крыше сарайки жестяные листы, старшие девы перебирают, пере-

¹ Как я теперь понимаю, заготовка черемухи производилась по договору с местным потребсоюзом, членами которого соседи, видимо, и состояли. При чем с давних пор. Отсель и неожиданно приехавшие лошади, и молочные фляги. Через кооперацию наверняка сбывали и свое тканье. То есть и это делали почти легально, давней инициативой Ленина узаконенным способом.

Ткацкие фабрики существуют сами по себе, а ткачество как искусство само по себе. Фотография красавицы-мастерицы из архива газеты «Дружба». Башкортостан, начало 90-х годов

Ручной ткацкий станок. Музей народного быта. Башкортостан. Современное фото

сыпая из корзины в корзины, вчерашний ягодный сбор. По одной передают младшей. Моя Баян-Слу рассыпает черемуху по горячим от солнца железкам. Прикручивает от воробьев и вороны пугалку. Сама спускается, мне помогает забраться. Протягивает еще одну пугалку. Палку с цветными веревочками. Воробьи разлетаются. Зато карга на чеку. Ждет-пождет, что я зазеваюсь. Да я-то я не зеваю. Кричу: кыш! Машу палкой! Кыш... Кыш...

Солнце закатывается за нашу избу. Меня с крыши девицы спускают, а сами, пересыпав подсохшие кисточки в плоские и мелковатые, но большие корзинки, уносят их в дом. Назавтра сушение повторяется. А дня через три ягоды уже не рассыпают — досушивают прямо корзинах. Время от времени Баян-Слу их по очереди встряхивает.

Днем еще жарко, к вечеру холодает. Ничего не поделаешь. Август. Мама на ферму уже не всегда ходит. Грустная. Во-первых, уехали Ивантеевы. Все. И Эльвира, и тетка со своим противным племянничком. Внезапно. Договорившись с жильцами из Туймазы. Сначала до Уфы, а там как

получится. Во-вторых, родители Миникамал привезли больную Нурию. У нее какой-то нехороший понос. Нурию привезли, а Ахмета забрали. Им, стареньким, для помочи руки мужские нужны. Детские, но мужские. Да и нам собираться пора. Дождемся весточки от отца, получим аттестатные деньги и тронемся. Куда тронемся? Как называется?

Мама (неохотно):

— В районе сказали, что это рабочий поселок. И школа там действующая. А ты, доча, сходила бы лучше к соседям. Может, сухой черемухи продадут. Может, отвар понос у Нурии остановит...

Стучу. Открывает средняя из сестер. Объясняю. Не понимает. Зовет мать. Опять объясняю. Хозяйка, странное дело, вроде как понимает, мол, гость будешь. Вхожу и обалдеваю, и, разумеется, и вообразить не могу, что лет через тридцать почти что такой же ткацкий станочек еще раз увижу. Не в натуре, конечно, в виде игрушечной копии! Копия копией, а рабочая! Дочь до сих пор вспоминает. И вкусно пахнущий деревянный станочек, и моточки яркой, пушистой, тонюсенькой, идеально ровной шерсти. Там же, в «Детском мире» продававшейся. Красные, желтые, синие, белые. Маленькие, как мулине. Я из них даже шарфик себе соткала. И дочка тоже. Для обезьянки. «Детский мир» на Дзержинке только-только открылся, и ежели все этажи обойти, что-нибудь неожиданное, не пластмассовое попадется.

Но это игрушка. На старой моей картинке он и в натуре, и в антураже. Горница нарядная, слегка смахивающая на провинциальный музей народного ткачества. Во всяком случае, в проекции воспоминаний. Половину музейного пространства занимает деревянный, стародавней выделки и устройства ткацкий станок. В работе холст. Ужин той же, что и домотканина, из которой кроились штанишки для Миникамал. А вот полосочки (вдоль) разноцветные. За станком, не отвлекаясь на мой приход, Старшая. Я, столбиком, в центре. В кулаке — мятая денежка. Средняя протягивает мне большую кружку, плотно набитую сухими черными ягодами, и я, спохватившись, раскрываю кулак. Старуха, улыбаясь, снимает с моей ладони, потной от напряжения, денежную бумажку и что-то говорит дочери. А та жестами объясняет: кружку, мол, непременно вернуть. Прощаюсь, не отрывая глаз от станка и ткачих.

Утро. Пасмурно. Не теплый бисерный дождик. Открывает, как и вчера, Средняя. Калоши, де-

скать, следует снять. Проводит в комнату, усаживает на стул, придвинув к работающему станку. Будь я помоложе и порасторопней, съездила бы в модную ныне Этнодеревню. Наверняка там не только углевые утюги имеются, но и станки ткацкие. А потом и делала бы вид, что запомнила, как все это делается. Увы, не запомнила — не до того было. У меня на глазах происходило нечто похожее на чудо. А чуду надлежит оставаться чудом.

Что касается игрушечного подобия... Пришлось, как помнится, прочитав инструкцию, вытаскивать Муравьева из его комнаты. Муравьев, хотя и не сразу, в устройстве станочка разобрался.

Опять свернула-вильнула вместе с тропой! Возвращаясь в Чишму 1942 года. Август подходит к концу. Мама давно написала отъездные письма — и отцу, и в Лопасню, дяде Сереже. Вернее, не письма, а последние почтовые карточки с одним и тем же рисунком: «Родина-мать зовет!» (ни конвертов, ни почтовой бумаги у нас давно нет). Написала, но не отправляет. В сельсовете не знают почтового адреса нового места. Того, где, как заверили в райисполкоме, действует настоящая русская школа. Чуть ли не семилетка. Наконец появляется Халиль. С адресом и нужной бумагой с печатью. Мама вписывает в открытки наш новый почтовый адрес. И отдает почту, как и все в деревне, Халилю. Она озабоченная, но не печальная. А вот Халиль сердитый. Выговаривает. То маме, то Миникамал.

Вечером. Перед сном.

— Ма, почему?

Мама, доштопывая дырки на чулках и рейтузах, миглом восстанавливает до внятного объема очередное мое *почему*:

— Почему сердится? Куда уезжаем — не нравится.

Идет коза рогатая...

На кого (конкретно) сердился Халиль — на мамину доверчивость, на районное ли партначальство или на себя самого, не сумевшего объяснить толком, почему сердится, непонятно. Зато уж про то, что не зря сердится, не только мама, но и я ситуацию сообразила. Еще до того, как Умница остановилась у здешнего «начальственного» места. Поселок, куда нас направили на житье и учение, был брошенным. Практически мертвым. Окна кособоких домишек забиты калечными досками,

в бывших огородах заросли сорняков. Время ранне-осеннее, теплынь на излете, и нигде ни души.

Удостоверившись, что остатки начальства на месте, «при исполнении», Халиль, выгрузив наши вещички, уезжает. Мы с Женькой бросаемся за ним — не останавливается, не оглядывается.

Мама берет Женьку за руку и вместе с начальником (худющий, маленький, хлипкий, то ли недоросток, то ли подросток) уходит. Я сторожем при вещах. Никакой возможности выяснить, как же мы здесь очутились, у меня, естественно, нет. И не будет. Ни тогда, ни потом. Мама, чего за нею не помню, недели, видимо, на полторы вроде как отключилась. Нет, нет, все шло как обычно. Жилье быстро нашлось. И плита, и печка оказались сохранными. Дровишки за ночь подсыхали в запечье. Ведро с картошкой то пустело, то наполнялось. Мы даже отыскивали здание школы, конечно, начальной, и, конечно, запертое на амбарный замок. По причине отсутствия учащихся. Правда, в том же строении, как объяснила соседка, продолжала квартировать (так и сказала — квартировать) учительница. Объясняя, смотрела она на нас жалостно, на маму особенно. А когда уходили, вдогонку крикнула. В район-де Прасковья ушла. За зарплатой. Вернется, к тебе забежит. Может, девчонку чему поучит.

Забежать неуловимая Прасковья так и не забежала. Ни завтра, ни послезавтра, а вот дня через три мы ее все же застали. Учить согласилась. Да только урока через четыре наотрез отказалась. А мне сказала: про то, чему здешних учила, ты и так знаешь. А табличку умножения выучи. На зубок. Слышь? Пусть мать проследит.

Денежку за уроки Прасковья взяла жадно, но без чая не отпустила. И сахарных льдинок в блюдечко накопола. За чаем и историю мертвого места кое-как с пятого на десятое изложила. В прежнее, мол, доколхозные времена здесь староверы построились. Они и школу срубили. Жили-были и вдруг пропали. Исчезли — и след простыл. А года за два, а может, и за три до 41-го сельхозремонтники поселились. Не насовсем. Временно. Пока машинно-тракторную станцию построят. Малышны у них уйма, вот школу и подновили. Сельхозремонт, как войну объявили, свернули. Ремонтников — кого в армию, кого по заводам. Жизнь сразу и замерла. Одно старичье. Я-то при школе по-прежнему числюсь, а вдруг опять что-нибудь учредят. Жилья-то вон сколько. Какое-никакое, а жилье.

Как долго мы здесь задержались? Месяца на два? Или подольше? Видимо, все-таки до середины, а может, и начала ноября. Во всяком случае,

дядька Ефим, младший из маминых братьев, неожиданно-негаданно заявившийся, был уже в полушубке, как и привезший его Халиль. У Ефима Филиппыча полушубок новешенький, белый, а на Халиле все тот же, поношенный. Они о чем-то с трудом договариваются. Дядька достает из офицерской, на ремешке, сумки какие-то бумаги. Мама стоит опустив руки. Лицо... Ой, какое лицо! Светится! У меня на коленях кастрюля с прилипшей к донцу, размоченной и распаренной пшеницей. Отскребать трудно — под мышками чирьи. Самые болючие на шее, за ухом. Наконец Халиль, на этот раз радостный, уезжает. Дальнейшее не то что стирается, а запутывается. Причем не только в моей, но и в маминой памяти. Относительно четки только начало и самый конец.

День первый. Точнее, почти вечер.

Уже не экономя подсохшие поленья, мама сильно растапливает плиту. Дядька, стянув через голову гимнастерку, умывается. Фыркает и сморкается. А мы с Женькой пируем, слизывая намазанную на хлеб тушенку. Печка пылает. Получив на десерт по куску рафинада, усаживается на кровать. А они за тем же столом-табуреткой. Брат да сестра. Как и мы. Сначала по чарочке, вернее, по глотку из фляжки.

Снова хлопает входная, с улицы, дверь. На пороге незнакомый мужик. Злобный и черный, как черт. Матерится. Дядька вскакивает и, отщелкнув замочки на чемоданчике, достает бутылку. И еще что-то. Мужик надевает другое лицо. Услужливое.

День второй.

Вещи собраны. Мы одеты. Дядька, поглядывая на часы, меняется с Халилем полушубками. Исчезают. Оба. Мама уже в пальто. Ждем. Входит малознакомая владелица полумертвого дома. Живет она вроде как у сестры, в другом месте. Мама отдает ей ключи и кастрюлю. Кастрюлю она не берет, хотя мама до блеска ее отчистила. Не нужна, дескать. А вам пригодится.

Опять сидим. Я дергаюсь. Мама спокойная. У нее на коленях завернутая в газету и оставленная Ефимом бутылка. Заметив бутылку, женщина сгребает сразу все наши пожитки. Укладывает. Усаживает поудобнее Женьку. Получив бутылку, подсаживает и маму.

Люди начала тридцатых годов прошлого века перемещались с удивительной легкостью. Из одной родственной точки в другую. Неужели только потому, что никак не могли насытиться быстротой и доступностью железной езды? Вряд ли... Вопрос как нависал, так и нависает. Праздно и безответ-

но. Нет ответа и на смежно-соседнее недоумение. Письма с фронта, и наоборот, как правило, не пропадают в пути — почему? Впрочем, в Шаповаловском кругу родственная связь поддерживалась не столько службизмом почтовых служб, сколько остойчивостью дома по адресу Лопасня, 1-й станционный поселок, 9, и суховатой обязательностью его хозяина.

Всех разметала война. Ефим на фронте. Тетикатин любимый племянник Женя Шумейко тоже. Маруся в блокаде. Галя в Башкирии. Ирина под немцем. Лиза вместе с паровозоремонтным под Саратовом. А он, Сергей, тут как тут. Линии связи рвутся, а он их связывает.

Ранили дядьку Ефима не то чтобы тяжело, а все же с последствиями. В прифронтовом госпитале перевязали. В ближайшем подлечили. Долечиваться отправили в далекий тыл. Лечили быстро, долечивали долго, переводя из одного госпиталя в другой. Оказавшись в Уфе, списался он наконец с Лопасней. А когда узнал от брата Сергея мамин адрес, удивился. Туймазы, Салкын-Чишма? Да это же рядышком! По пути на фронт и завернул мимоездом. Да нас-то по тому адресу и след простыл. В Чишме однако заволновались, разыскали Халиля. С ним-то дядька Ефим и договорился: и нас отыскать, и из мертвого места в жилое и живое определить. Не за так, конечно. Денег не надо, а вот обменяться полушубками — самое то. Концы-то не близкие. Сначала в мертвый поселок. Назавтра пораньше в район. Послезавтра на станцию, к поезду, в Туймазы. И все «на рысях».

Полушубок дядюшкин ой замечательный. Зато и Халиль не подвел. Ни разу не опоздал, да еще и сумел на местных хмырей управу найти! Выдали, черти, прожиточную бумагу. Разрешение на законное перемещение семьи инженер-капитана третьего ранга Марченко Максима Сафроновича в русскоговорящее Большое Село. Дабы старшая его дочь смогла наконец-то учиться в полноценной четырехклассной школе.

Школа здесь и впрямь замечательная. Пятистенка досоветской земской постройки. В такой, по ее рассказам, когда-то «наставничала» и моя мама. Вот только учительница одна на все четыре класса. Второго, молодого и новенького, призвали в действующую армию. И о школе, и о других примечательностях Большого Русского Села (то ли Степановки, то ли Алексеевки) расскажу чуть позднее. Начну же с признания в очередном глупстве, к счастью, похожем, почти последнем.

Русское село, где наконец-то согласились принять еще одно «выковырянное» семейство, отыс-

Пересмотрела сотни фотографий Больших Коз. Некоторые прямо-таки просятся в сказки всех времен и народов. Однако на мою Козу самой похожей оказалась Коза-башкирка

калось, напоминаю, лишь к ноябрю 1942 года. Да и жилье оказалось не очень-то пригодным для зимования: садовая сторожка. Хозяин хибары, молодой еще старик, с весны до осени стороживший колхозный сад, на холода перебирался к замужней дочери. К себе, в сторожку, заглядывал раза два в день. Подоить да напоить рогатую свою Козу, привязанную на цепь в сенцах.

Пока сильных морозов не было, в школу я бегала в ботинках с галошами, но как только морозы грянули, мама достала из чемодана прошлогодние валенки. Провожая меня в школу, она из-за Козы обязательно выходила в сенцы, а тут замешкалась. Завидев меня без охраны, чудище вздыбилось и, набычившись, ринулось. Я заорала, Коза метнулась и опрокинула ведро с водой прямо мне под ноги. На ночь, натопив печку, промокшие валенки поставили сушить, а утром обнаружили: на подошвах большущие, насквозь прожженные дыры. Сторож обувку взял, пообещал на досуге к концу каникул подшить (ежели найдется чем). А мама слово дала: когда поедет в район и получит деньги по отцовскому аттестату, обязательно купит мне самую толстую книгу.

Единственной книгой, продававшейся в районном сельпо, была «История Древнего мира», учебник то ли для пятого, то ли шестого класса.

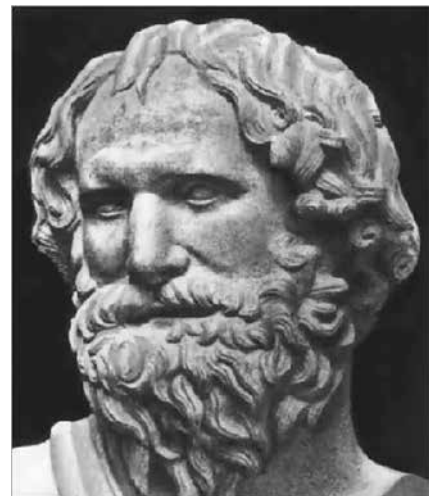
В каникулы школьники, включая первоклашек и городских неумех, выгребали из коровника навоз. Деревенские вывозили его в поля, а я все читала и читала, благо Женьку, как и все недеревенские, мама уводила с собой. И все-таки только читать про Древнюю Грецию было скучновато. Единственное развлечение — дойка Козы. Но это поздним утром или к вечеру. И вдруг сегодня, вот радость-то, хозяин и днем пришел! Может, и раньше

он *среди бела дня* к Козе иногда заглядывал, но я-то в школе была. Зато на этот раз туточки, и я наконец-то могу хорошенько его рассмотреть. Кудряво-бородатый, в огромном кожухе, хромой, ногу ему покалечили еще на Гражданке. Вошел и сразу же начал возиться в сенцах, громыхая сваленными в угол железками. (Кроме рогатой Козы и яблоневого сучья, в размер здешней печки мелко нарубленного и аккуратно сложенного, в сторожке хранится и его «струмент».) Вскользнув из-под одеяла, на цыпочках, крадучись, подбираюсь к щелястой двери, чтобы понаблюдать за ним. Точнее, за ними. Потому что как только мой глаз находит подходящую для наблюдения дверную щель, Коза тяжело, по-стариковски, поднявшись и натянув цепь, разворачивает и бороду, и рога так прицельно, что страшные ее зенки — желтые, дикие, — не ища, *запеленговывают мой окуляр*. Затаив дыхание, переступаю то влево, то вправо, но так же осторожно меняет положение и Коза. Почему она так пристально смотрит, прямо глаз не спускает? А может, и ей скучно? И все-таки чуточку боязно. А вдруг цепь сорвется, крюк-то ржавый? Озябнув, возвращаюсь в кровать, в одеяльную платку, и опять отправляюсь в древний мир...

Гумилев-сын хвастал: к девяти годам прочел чуть не все отцовские (исторические) книги и все понял. Я, каюсь, многого не поняла. Читала, выживая в тексте не исторические факты, а лица и положения, оживить которые помогал (одевая в плоть) куций и бедный жизненный опыт. Циклопа, к примеру, представляла похожим на водолаза, сильно когда-то меня напугавшего. А попробуй не испугайся, когда из моря, прямо перед твоим носом, высовывается круглая железная голова с круглым и тоже огромным глазом! Встреча эта с Циклопом случилась, видимо, в декабре 37-го, когда мама была еще в роддоме с новорожденным Женькой, а в детсаду очередная инфекция. Вот отец и берет меня с собой. Одна из подводок его дивизиона — в бухте, на ремонте, водолазы проверяют ее подводную часть. Меня, конечно же, засмеяли. А Циклоп, разоблачившись, превратился в веселого и ловкого парня, и когда команда отправилась на обед — щи хлебать да котлеты рубать, — взял да отчебучил тот еще номер. Засунув меня под мышку, потащил, рыча не по-человечески, внутрь подлодки «Малютки», а там, раскачав, забросил в подвесную койку, похожую на гамак...

Первые струйки козьего молока, ударяясь о дно железного ковшика, звенят по-особенному. Не по-коровьи. Не грубо и вкусно, а тонко. Будто

кто-то невидимый оттягивает струну какого-то стародавнего музыкального инструмента. Оставив «Историю...», снова подкрадываюсь к двери. Без ушанки, присев на корточки, сторож выдаивает Козу. Кудряво-дремучие его волосы, как и обычно, когда он возится с железками, повязаны тоненьким кожаным ремешком. Обросшая столь же дремучей шерстью, Козлица блаженствует. Голова хозяина страшно похожа на что-то знакомое. На кого же? Ну да, конечно, на голову самого красивого старика на картинке из «Истории Древнего мира» — великого Архимеда!

Время вроде не движется, а все равно приближается к Новому году. Ни настоящие елки, ни сосны здесь не растут. Но елочку все-таки можно же сделать? Из прутиков, например, которые и искать-то не надо. Архимед и их не выбрасывает, а, связав как метелки, складывает у нашей, а не входной двери. Мама эти метелочки на растопку берет. Раньше и меня иногда посылала, козья цепь сюда не дотягивается. Сложив добычу у самой печки, жду, чтобы отогрелась и разморозились. Раскладываю рядком. И выбрав подходящие, собираю в букет. Вполне похожий, на мой взгляд, на маленькую лысую елочку. Нахожу и подходящую глубокую и широкую щель на подоконнике. Лысенькая влезает туда с трудом, но влезает, а я сразу же, отыскав на самом дне чемодана два листика твердой белой бумаги, а в маминной сумочке тюбик с красной губной помадой и крохотные маникюрные ножнички, принимаюсь за изготовление украшений. Но сначала все-таки еще раз перерываю содержимое чемодана. А вдруг? И не напрасно роюсь! В самом-самом углу нахожу большую малиновую стеклянную бусину. (Видимо, именно в этом чемоданчике до войны хранилось имущество Деда Мороза: хлопушки, бусы, гирлянды, коробка с Папаниным и папанинцами на льдине...) Напялив малиновую находку на макушку лысенькой елочки, радуюсь. Осталось самое простое и когда-то самое неинтересное — картонаж, то есть почти плоские картонные фигурки разных зверей. Но это-то и оказывается самым трудным. Хуже всех (непохожее) получились вырезанные из полуватмана собаки. Получше — мишки на севере, а лучше всего крокодилы. Все красные и все на ниточках. Но если отойти к двери и чуточку прищуриться, смотрится мое изделие очень даже красиво. Особенно в ранних зимних сумерках. Но ни мама, ни братик, вернувшись, его даже не замечают. А утром Женка, едва проснувшись, выдернул бедную мою елочку из трещины на под-

Архимед долго был для меня главным героем античного мира. Пока наша учительница истории Любовь Ивановна Острогорская не упомянула, что гениальный математик и геометр стыдился своих инженерных изобретений и вообще всего, что требует ремесленного ручного труда

оконнике, а мама на следующий день нечаянно сожгла в печке...

Наконец каникулы кончаются. Возвращаются и отданные в починку валенки. Подшитые шире и удобнее неподшитых. Теперь в них свободно влезает татарский носок. Носок с пришитой толстой подошвой мама почему-то называет татарским. Другой сменной обуви у меня нет. К тому же подшитые валенки не опрокидываются. Не валятся на бок. Ведь те, что сваливаются, а не стоят прямо, мальчишки на перемене гоняют как мяч. Правда, хотя и играют, а не портят. Боятся Деда. Дед в школе человек заглавный: истопник, дворник, уборщик, воспитатель и даже лекарь.

С месяц я наслаждаюсь. Чем? Как чем? Все говорят по-русски! Орут по-русски. Дразнятся тоже. Голова от русского гула чуточку кружится. Вообще-то у Ксенофоновны не поорешь. (По имени-отчеству ни Дед, ни школьники учительницу за глаза не называют — длинно, язык сломаешь.) Особенно когда в одном помещении сидят

сразу два класса: второй и четвертый. Нравится мне учиться? Не знаю. С устным счетом *посредственно*, хотя и считаю вечерами в уме. Отнять — прибавить ведра, яблоки, рубли, коров. Таблица умножения в чемодане. В кармашке на внутренней стороне крышки. Пятью пять, семью семь... Достаяю — прячу. Урок чистописания отменен. Жалко. Буквы у меня некрасивые. Если пишешь в уме — не заметно. Правда, вскоре после каникул Дед раздает чистописательные тетрадки. Всем по одной. Но не для чистописания, а для всего. Других больше нет и не будет. Ни в школе. Ни в районе. Как выглядят буквы у одноклассников, за спинами не разглядеть. А вот у соседнего мальчика как в прописи. У него стройно, у меня хромоножно. Что я про него знаю? Только то, что моя мама и его мама немножко знакомы и что живут, как и мы, в Заовражье. В школе его называют по-разному: кто Владик, кто Вадик. А он, как ни оклики, не откликается. Он же букву «л» не совсем четко выговаривает. Но как ни оклики, улыбается. Хотя и молча. А после уроков сразу же убегает.

Голодать мы не голодаем. Хозяин снабжает нас верной едой (луком, картошкой и сушеным компотом). Подкармливает и соседка. Кислым снятым молоком. Сметана — себе и своим, сыворотка — кошке, кисляк — то нам, то жиличке. Иногда, если останется, продает и настоящее молоко. Мама у соседки засиживается. Даже договорились вместе испечь хлеб. Точнее, хлебы. Напополам, вскладчину. Мука наша (эвакуированная). Все остальное соседкино: печка, дрова, закваска, квашня.

В избу ни меня, ни Женьку не приглашают. Во двор тоже. Уходим к себе в сторожку. Осторожно, не пролить бы, наливаю в кружку кисляк. Картошки в плохонькой нашей печке совсем холодные. День Хлеба, а все сикось-накось. Прибегает мама, вынимает из большого чемодана тонкое полотенце, сует мне чистую торбочку, и мы убегаем.

Хлебы красуются на столе. Шесть больших и красиво круглых. А один маленький. Кривой и надломанный. Стою у двери. В валенках. Не раздеваясь. Мама забирает свою долю. Сложив попками, закутывает в полотенце и опускает в торбочку. Соседка отламывает от уже разломанного каравая большой кусок. Это наша детская доля. От кривобокого излишка. Домой с хлебами мы не идем, а поспешаем. Мама, не замедляясь, предупреждает: «С Женечкой поделишься по-братски». Обижаюсь. Она что, боится, что я побольше от детской доли себе отломаю? Отдаю Женьке весь

На фотографии, сделанной зимой 1941 года, — ученики пятого класса русской семилетки, расположенной в административном центре одного из районов Башкирии. В отличие от сельских четырехлеток, здесь (как и всюду в поселках городского типа), в одном помещении занимается один класс. А вот парты длинные, на четверых, как и в нашей земской постройке

хлебный кусок. Но мама этого не замечает. Илицо у нее незнакомое. Завернув как следует каравай и сунув его обратно, в торбочку, спрашивает:

— Помнишь, где Владик-Вадик живет? Ему и буханку отдашь. Не вынимая. В разъяснения не вступаю, велено, дескать.

— Почему?

— Завтра поговорим. А сейчас ноги в руки — и коlobком. *Катись коlobком* — это отец обо мне. Ежели под ногами путаюсь и о чем говорят слушаю. Давно, еще в Севастополе. Если мама такое вспомнила, значит, опять от него нет писем.

Владик-Вадик встречает меня молча. Молча, двумя руками, прихватывает сунутую ему сумку. Кубарем скатываюсь с крыльца, падаю в снег, поднявшись, кричу: «Это для вас! Гостинец!»

Фотография 1941 года. Башкирия. Районная семилетка. Внеклассные занятия. Из книги «Такое долгое детство, или Прodelки Клио»

Утро. В классе от солнца просторно. И очень-очень светло. Рассаживаемся как всегда. Парты (или что-то партообразное, вроде длинной скамьи, не помню) последняя, а я с краю. Как всегда. И все как всегда. Нет, не совсем. Уроки кончены. Дед собирает тетради. Уносить их с собою не полагается. Владик-Вадик берет мой карандаш, чернильный, сильно сточившийся, укладывает в свой пенал. Объясняет: у нас, мол, дома хорошая точилка имеется. Карандаш принесу завтра. Острый.

Оттепель... Ростепель... Одна из больших ленинградских девочек, дождавшись Ксенофоновны, идет за ней следом во внутренний коридор, а когда возвращается, держит в руках книгу. Ни о чем не спрашивая, сильно и сразу распахиваю ту же дверь. Как осмелилась? Вот так и осмелилась. И мне, говорю. Мне — тоже.

— Что и тебе? Книгу?

Книги здесь не в шкафу. В сундуке. Сундук распахнут. Сбиваясь с голоса, пробую объясниться, давясь словами и вроде как заикаясь. Ксенофоновна молчит. В панике хватаю толстый, сверху лежащий том и прижимаю к груди. А ну, отними! Из-за книжного изобилия после почти годовой голодухи случилось со мной той весной и некоторое несварение мозгов, «индигестия» по-ученому. «Чук и Гек». «Дети подземелья». «Белый пудель». «Кондуит и Швамбрания». «Детство Темы». «Детство Никиты». «Белеет парус одинокий». Пересказываю Ксенофоновне содержание прочитанного. Новую книжку проглядываю сразу же, на ходу. Школа на другой стороне оврага, в центре села, за насыпью и прудом и подобием клуба. У клуба шпанья-пацанья, ух их сколько. Зато у нас, в Заовражье, тихо. И пусто. В колхозном саду пока несъедобно, а купание еще не началось. Зато как начнется, кишмя кишат, охотно информируют меня одноклассницы. Купальщиков — что мальков в банке.

Пруд-то и вправду не очень большой. Малышня спускается с солнечной стороны, там, где и бабы белье полощут. Три бревна у мостков еще прочно стоят, четвертое ходуном рядышком ходит. Мальчишки, нырнув с насыпи, подплывают саженьками и отгоняют его на середину. Там и дурчатся. Подурачатся и опять на место пригонят.

И Аннинский Лев, и Чупринин Сергей сокрушаются (в мемуарах). Дескать, в отличие от перекормленных книгами профессорских деток, они, бедолаги, возрастали на совдеповских суррогатах (вроде как жмыхах).

Обложка и иллюстрация к чудом изданному в 1929 году «Белому пуделю» Куприна, которого, как известно, как и всех эмигрантов, не издавали. Мелочь, конечно, но дело-то в том, что Куприн вернулся в СССР (1938) в основном затем, чтобы его книги стали пусть и не издавать, но хотя бы вернули в библиотеки

И я им верю, потому что не сомневаюсь: сундук с первоклассными детгизовскими изданиями предвоенной поры — нечто исключительное. И где? В глухом околоуральском селе? Рассматривая сейчас в лупу памяти этот громадный книжный сундук, пытаюсь определить хотя бы социальный статус того, кто выбирал-выписывал (выбивал) все эти правильные лучшие книги. А также лечил, подклеивал, собственноручно переплетал испорченные. Да, да, переплетал, что, кстати, делал и Муравьев, когда подбирал на свалке выброшенное из костромских книгохранилищ дореволюционное «хламье». Маму, помнится, прежде всего поразил именно искусно сделанный переплет, когда я ввалилась в сторожку с «Сердцами трех». (В Москве она этого Джека Лондона дочитать не успела.) Однако сам факт существования библиотеки в сундуке ее почему-то не озадачил. В отличие от меня сегодняшней, разумеется. Ну ладно, жил-был один чужак. Может, из бывших, может, из сосланных. Закавыка в другом: книги-то были читанными, а то и зачитанными. Такой вот зачитанной оказалась и история «Пятнадцатилетнего капитана». Впрочем, первая встреча с Жюлем Верном случится не так уж скоро, в разгар лета. А пока холодная не улыбкающая весна, конец марта 1943 года, и у книжки под мышкой другое имя: «Белый пудель».

Мама, явно недовольная мной, задвигает вьюшку.

— Пока сама не остынет, кастрюлю в печке не трогай. Да и меня не ждите. Сами ешьте. Сами ложитесь.

Женечке, если не болен, ничего, кроме ни- когда не кончающейся истории про колобка, на сон грядущий не требуется. Надо только не за- бывать, в какой овраг или лес колобок вчера ве- чером закатился и каких там насекомых встретил. Не успеешь придумать, что они там делают и чем кормятся, а он уже спит...

Кочережка у нас легкая и коротенькая. Как раз по мне. Да и сидеть перед печкой, даже уже прогоревшей, теперь удобней. Архимед намедни (его слово) два чурбака прикатил. Низенький для меня. Повыше для мамы.

Возвращается мама поздно. К разговорам пе- ред печкой не расположенная. Натянув старый ни- чейный свитер, вторые носки и рейтузы, укладыва- юсь. Спим мы так: я у стены, мама с краю. Женька в середине. В перинке как в кокон. Мамино оде- ялко розовое. Мое серое. Оба — байковые, ста- ренькие. Мы их в Ульяновске *приобрели*. У Доры в конторе. Из больницы и пионерлагеря списанные.

Просыпаюсь. Мамы опять нет. И печка холод- ная. Встаю. Надеваю валенки и шубейку. Мама входит с охапкой яблоневого сучья. По одному подкладывает в печку те, что потолще.

— Ма?

— Ну да. Уехали.

— Почему?

— Потому что беда у них. Отец Владика без вести пропал. У Тони ни родных, ни знакомых. Все под немцем остались. Денег теперь тоже нет. И не будет. Ни по аттестату, ни как вдове по- гибшего красного командира. Она с нами вместе в район ездила. Всем и муку хлебную, и деньги. Тоне — бумажку с печатью. Надо ей поскорее на завод устраиваться. Хорошо, что профессия под- ходящая. Инженерская.

Мама легонько обнимает меня и даже чмокает куда-то в висок.

Сад здесь большой и, по словам мамы, правиль- ный. С умом устроенный. В лучшем месте Zalo- женный. От ветров защищенном. Ветра, налетаю- щие на село с другой стороны, запутываются в дремучей густоте заросшего древесным самоса- дом оврага. Сад и овраг, по дну которого проте- кает сильный ручей, не пересыхающий до сухоты даже в июльский зной, не единственное тенистое место. В самой середине села, через дорогу от школы, есть еще и прозрачный на свет березняк. Вроде как заповедная Роща. Здесь нарезают бан- ные веники, а по весне сцеживают березовый сок. Да и зимой не безлюдно. Не то что у нас в Заов- ражье. Даже теперь, когда снег сошел и бабья команда под предводительством Архимеда чистит

и обихаживает захиревшие за зиму яблони. Глав- ный гуд-колоброд — от оставленной за воротами малышни. Визжат, толкаются. А я опять в нянь- ках. А ну как кувыркнутся в овраг?

Среди откликов на смерть Гюнтера Грасса одна- жды ночью прочла: «Книги очень рано стали для него чем-то вроде дырки в заборе, через кото- рую можно было прошмыгнуть в иные миры».

Утром перечитываю и сообразить не могу: у меня-то иначе, а почему? Забор был? Был. И ка- кой! А дырка? И дырка имела. И не одна. Мно- жество. А щелей сколько? И все-таки иначе, но почему? Сначала, уже на Щукинской, в Городке (значит, в конце августа 1940-го), отправилась на антресоли «Библиотечка детского сада». Вся и сразу. От Айболита и Мойдодыра до киплинг-ов- ского Слоненка. Заодно с толстой пачкой сказок народов мира. В переносном значении, разуме- ется. Своих изданий дошкольной серии у нас не было. За исключением приносимых отцом из га- зетных киосков «Мурзилка», книжек-малышек да лично мною купленного на ВДНХ «Почемучки». Даже когда-то подаренного маминой подругой дореволюционного, с ятями издания пушкинских сказок среди привезенных из Севастополя ве- щей почему-то не оказалось. Может, и его, ко- гда я скарлатиной болела, так продезинфициро- вали, что отец в печке специально сжег. Чтобы я не расстраивалась. Если выживу, конечно. Тогда от скарлатины многие умирали. Что же пришло взамен? Увы, скучно-унылые классные и внеклас- сные необходимости. Усилий и усидчивости они не требовали. Читать я умела давно, но почему-то томительно-медленно, чем и огорчала маму. Кажется, она что-то нехорошее подозревала. То ли лень, то ли хитрованство. Впрочем, с переездом в Военный Городок, рассердившись на мои фокус- покус-капризы, пообещала, что в августе, когда вернусь из Лопасни, запишет в клубную библиоте- ку. Детский отдел бедный, но формуляр заведут. Словом, если бы не война... Впрочем, неизвестно, продлили «ужасы войны» детство детей войны или, как и считается, отменили?¹

Разговор об этом у нас уже шел. Не знаю, многих ли он убедил. Но я-то по-прежнему стою на своем. Не спорю, эвакуация и впрямь раздви- нула границы детского мира, доступного и обо- зрению, и удивлению. А значит, и вещества жиз- ни. Но мир при этом почему-то не расширился,

¹ Вот характерный зачин детских воспоминаний о жизни в войну: «Мы дети войны, детство которых закончилось 22 июня 1941 года».

а сузился, и книга силою вещей превратилась в дырку в глухом заборе. Впрочем, не всякая. Иные миры (возвращаясь к метафоре Гюнтера Грасса), словно меченые бильярдные шары, разбегаются по зеленому игровому полю. Влево откатываются те, что ни капельки не похожи на мой (наш) собственный мир. Справа, сбежавшись, теснятся, то шарахаясь, то тычась друг в друга, по-иному слаженные вселенные. Да из чего-то изначально не знакомого произведенные, но при этом почему-то понятные. Почему понятные, непонятно, и тем не менее... Допустим, детгизовский вариант «Детей подземелья» (фрагмент из автобиографической повести Короленко «В дурном обществе»). Казалось бы, чужая, давно прошедшая, миновавшая жизнь, к тому же описанная с избытком неизвестных подробностей? А я вот читаю и почему-то не чувствую ее ни чужой, ни прошедшей. У девочки из подземелья заплаканное личико и слабенькие ножки Нурии, какой я впервые ее увидела. А бездомные обитатели заброшенного замка? Они такие же — и несчастные, и отчаянные, — как беспризорные мальчики из кинофильма «Путевка в жизнь», который еще накануне войны в Лопасне шел. То же самое в «Белом пуделе». Крым, описанный в плохонькой с виду книжечке, ничем не напоминает ни мой Севастополь 30-х годов, ни его окрестности. Море, бродячие музыканты, завитые розами дачи, капризный маленький сыночек — вынь да положь! Ничего прямого похожего я уж точно не видела, а вот читаю и вижу! У дедушки Мартына Лодыжкина и лицо, и борода, и рубаха почти как у моего собственного деда Сафрона, а злая и вредная дачница — вылитая Дора Шурыгина, московская наша соседка. Да и Владик, сделав неожиданно, на перемене, на спор и подначку, сальто, становится похожим на акробата Сергея. Ни на одну знакомую мне собаку не похож только сам Белый пудель. Но я на него особого внимания и не обращаю. Собачек пуделиной породы полным-полно в заброшенных на антресоли книжках...

Книжное сие отступление наверняка длинновато, а это явно не украшает текст. Но так как о книгах, выламывающих дыры в глухих заборах советского детства, не раз и не два зайдет речь, сокращать отступление не желаю. Это во-первых. Во-вторых, пора наконец признаться и повиниться в равнодушии к увлекательно-завлекательным жанрам (детективы, триллеры, фэнтези и т. д.). Извинение только одно: в моем случае оно изначально. И изначально, и непреодолимо, как и пожизненная приверженность чувству правды и предощущению истины. Не убеждение, не прин-

цип, не воспитанный или даже врожденный вкус, а именно чувство. Свойство, чего уж там, обременительное, приязнь и друзей, и коллег, и знакомых не предполагающее. Впрочем, ранней весной 1943 года об этом я, разумеется, не догадываюсь и объяснить ни маме, ни Ксенофонтоне, почему не понравились «Алые паруса», не умею. К счастью, в ситуацию они «не вникают». Грин возвращается в сундук, а дважды читанный «Белый пудель» опять у меня. Под подушкой. Вот только рассматривать сбереженную здесь южную жизнь некогда. На мне, после школы, опять малышня. Местные, правда, ловкие, к обрыву в овраг не подходят. Остальные или кулемы, или баловни, или безобразники. Хорошо хоть Женька не убегает, рядом копается. Жуков из-под бревна выковыривает. Сидеть на бревне удобно. Вроде как на завалинке. Архимед срубил с него верхнюю, покатуя часть. Ворота в сад заперты изнутри. На щеколду. То дождь взбрызнет, как в парикмахерской, из пуль-вери-за-тора, то опять солнце. Земля наконец оттаяла не только в саду, на припеке, но и там, где наша помойка. Лопату несет мама, остальное я. Отходов сегодня всего ничего. Очистки, скорлупки от Женькиного яйца в мешочек, середки и косточки от сухофруктов. Луковую шелуху и попки от лука мама сжигает.

Мне трудно, мне почти невозможно задать этот вопрос, но я его все-таки задаю:

— И что же теперь с ними будет? Владика, что ли, не в школу, а в ФЗУ отдадут?

Мама, застигнутая врасплох:

— Не знаю. Тоня сказала, что писать никому не будет. Нарочно не будет. Может, и фамилию по метрике переписшет. А ФЗУ что? Фабрично-заводское училище. Такое, ну, вроде такого, и в Горках было. В старые годы. При Академии. Там же, в Горках, и отец твой учился. На полном содержании, бесплатно. Как сын крестьянина-бедняка и внук николаевского солдата, защитника Севастополя.

Закроватная стенка сегодня почему-то почти теплая, а постель по-прежнему ледяная. Просовываю руку под Женькино «гнездышко» и поворачиваюсь лицом к стене.

Прежняя, татарская зима было длинной-предлинной, а эта, русская, пронеслась как метель. Спросите, а как же долгожданная хорошая русская школа? Так я же, увы, фактически ничему узкошкольному не научивалась. Ксенофонтонна, устыдившись, что не взяла (из-за таблицы умножения) в третий класс, вызывала к доске только тогда, когда надо было прочесть вслух с листа какой-ни-

будь текст из старенькой хрестоматии. Зато уж в книжках из сундука никогда не отказывала. Ни мне, ни маме. Итак, вторая военная зима была быстроногой. А вот весна поначалу словно в прятки играла. Посветит не грея, озябнет и спрячется. Что за деревья росли в нашем Овраге, мама не знала. И почему так поздно просыпаются — тоже. Все древесные почки в березовой рощице тихомолком проклюнулись. И пришкольное дерево на самой макушке позеленело, а куст у входа в колхозное правление даже в листочках, правда, только с одной, с солнечной стороны. Один Овраг в гонке наперегонки не участвует. Даже лозняк, оцепивший пруд, хотя и переменял чуток расцветку прутьев, овесеньеваться не собирается. Полуденное солнце, разогрев водяное зеркало, до самого заката окатывает его влажным теплом, а почки не набухают...

Утро. Мама, поднявшись на цыпочках, скребется в окно. Выходи, дескать. Накинув на спящего

Женьку свое и мамино одеялки, проскакиваю мимо Козы. Мама, болтая, как девчонка ногами, сидит на краю Оврага как на высоковатом берегу нежно зеленеющей древесной Реки. И шум у нее водяной, хотя и зеленый, и голос — влажный...

Вот так же внезапно и сразу забелел и зарозовел сад. Но нас это не веселило. Архимеду пора переселяться в сторожку, а нам перебраться некуда. Даже на лето, до осенних морозов. Почти все здешние эвакуированные — ленинградцы, а Блокада, несмотря на прорыв и победу под Сталинградом, все еще длится. Какими путями доходила до Ксенофоновны хроника военных событий, даже не предполагаю, но перед началом занятий раз или два в неделю происходил краткий урок политграмоты. Весьма, как помнится, специфический. Дед приносил из кладовки и прицеплял к доске наклеенную на марлю географическую карту СССР. Имена освобожденных Красной армией городов, повторив трижды хором, надлежало запомнить. Как и место их нахождения на карте.

Продолжение следует.

Георгий ПРЯХИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Вот тут-то мы вам и покажем, дорогие читатели, как работает писатель настоящий, введенный в русскую литературу еще Чингизом Айтматовым. Речь идет о Георгии Пряхине, публикацию романа которого мы завершили в декабре прошлого года. Казалось бы, завершили... Но подлинный инженер человеческих душ зачастую не в состоянии расстаться с творением собственным — творение это его мучает, заставляет снова и снова браться за перо. Может быть, в такой незавершенности и есть смысл писа-

тельского бытия, непрерываемость поиска как художественного жеста, так и единственно возможного сокровенного слова. Георгий Пряхин по-прежнему в этом поиске. Итоги ли таких исканий перед нами или писательская тропа поведет вновь к неизведанному, неожиданному даже, — время покажет. А пока отрывок из письма Евгения Стародуба, жителя города Ельца: «Роман Георгия Пряхина, мне кажется, требует продолжения... Такого осмысления современности ни у кого не встречал больше...» Согласимся с елецким жителем и дадим слово самому Георгию Пряхину.

Продолжение. Роман публиковался в № 5–11 за 2015 год

MORITURI TE SALUTANT!

РОМАН

Рисунки Марины Медведевой

УХОДИМ. УХОДИМ. УХОДИМ...

Вообще-то, этой главой хотел закончить все свое повествование. Но обстоятельства складываются так, что я решил поторопиться. Неизменная подруга, спутница-разлучница человечества с косой — той, что не до пяты, а аж до самых корешков, — так раззуделась костлявым своим плечом, что того и гляди — не успеешь. Срежет ненароком, как и не бывало.

А мне хочется успеть написать и о них. О невозвратно потерянных своих. Число попаданий, или пропаданий, в последнее время так участилось, как то, наверное, и бывает по мере приближения к линии фронта. А она, увы, не за горами: мне и

самому идет шестьдесят девятый год... А среди потерянных, к вящему несчастью, есть и такие, о ком, кроме меня, и вспомнить-то практически некому.

Впрочем, та, что с косой, как я только что понял, способна принимать и совсем неожиданные обличия.

Под утро того, совсем недавнего дня, когда мой, по большому счету предпоследний друг своими ногами пошел на, в общем-то, почти пустяковую по нынешним временам операцию, мне приснился очень тягостный сон, после которого до самой ночи, а если точнее, до следующего

утра что-то угрюмо давило на сердце. Как будто и вправду придавили камнем что-то еще живое.

А сон такой.

Сидим мы, несколько близких мне людей. Не посиделки, не застолье. Бог знает зачем собрались вместе, и каждый, я во всяком случае точно, не в своей тарелке. Какое-то тягостное и молчаливое сидение, причем на голой деревянной лавке и за голым и ободранно пустым столом. Все вроде действительно знакомые или смутно знакомые и только один — совершенно, неприятно чужой. Он вовсе не старикашка. Средних лет, даже помоложе всех нас. И вовсе не костляв — поджар. И даже элегантен, если бы не одно но. Да, бледен, но не так уж бледнее каждого из нас, сидевших вокруг него. Но волосы... Невероятно ухоженная прическа — такие чубы когда-то звались наплоенными. Выложена на узкой голове и над в меру высоким лбом, как искусно и бережно выкладывают, выдавливают крем на торте. И при этом блее любого крема, блее любой бумаги, даже верже. И совершенно безжизненные. Если дотронуться, седина захрустит, как бумага. Такое ощущение, что они, волосы, из папье-маше. Скорее всего, абсолютно полого внутри. Волосы и притягивают взгляд, и вместе с тем доставляют ему, взгляду, прямо-таки физиологический дискомфорт. Да и все мы не в своей тарелке именно потому, что между нами затесался этот тип. Этот безмолвный, отрешенный, равнодушный ко всему и ко всем нам чужак в светло-сером, ладно, по фигуре скроенном цивильном костюме сегоднешнего клерка средней руки. Не помню, к кому же из нас конкретно он ближе всего и сидел. Может быть, и к Володе. Тому, кому и предстояла злосчастная операция...

Идучи в операционную, друг мой, к слову, даже позвонил мне. Обратился с просьбой, связанной с его детьми и женой. Я, зная, что двумя неделями раньше ему уже делали здесь же точно такую операцию — стентирование — на другом сосуде и что она тогда прошла вполне рутинно и благополучно, в спешке — собирался на работу — и непросто буднично пообещал, что просьбу его постараюсь выполнить. И бросил на прощание:

— Ладно, с Богом...

Совершенно не распознав сна.

Знал бы, что с этим самым Богом он встретится уже сегодня, ровно в шестнадцать часов.

— Ты не звони мне, — тихо сказал на прощание мой друг. — Я же буду в реанимации и трубку взять не смогу... Потом сам позвоню.

— Хорошо, — ответил я.

Но именно в шестнадцать я ему все-таки позвонил.

Он действительно не взял трубку.

Перезвонил ему поздно вечером. Опять длинные гудки. Может, спит? Или отключил телефон, чтобы не беспокоить соседей по палате? А может, все еще в реанимации?

Позвонил ему и в восемь утра. То же самое. Может, обход?

А на сердце что-то давило. Физиологический дискомфорт так и не проходил.

В десять утра мне позвонила его жена, теперь уже — вдова.

Камень с сердца сразу отвалился. Я сразу его, встрепетавшееся, почувствовал. Голое, ободранное, оно прямо-таки разрослось, забило окровавленными крыльями в тесноте моей грудной клетки.

Так вон кто затесался между нами!

Смерть неожиданна, потому что многообразна, — писал когда-то Марсель Пруст.

И неузнаваема, потому что многооблична, — добавил бы я сейчас...

Мои друзья и мои же потери...

* * *

Началось это давным-давно, еще в раннем детстве.

Родных бабок я в живых уже не застал. В живых застал, самым кончиком сознания, только родную прабабку. Но жила она не с нами, в другом селении, видел ее изредка, да и то уже парализованную, за занавесочкой, потому и смотреть на нее боялся, избегал. Да никто и не пояснял мне, малому, лет пяти, что эта во всем моем тогдашнем и тамошнем окружении — единственная родная. Не считая, конечно, матери; да я в том, чужом, селении и бывал, как правило, без ма-тушки. Никому из взрослых и в голову не приходило что-либо мне, путавшемуся в ногах, объяснять. И время к тому же суровое, послевоенное, сиротское. Я бы сказал — безродное: по количеству вдов, сирот и просто брошенных и забытых. Как мертвых, так и живых. Лишь много-много позже, не просто взрослым, а почти пожилым уже человеком, я вдруг однажды, на досуге, дотумкал: а ведь та, изредка, краешком глаза и сознания, почти что в младенчестве виденная мною «лежачая» — и потому еще, наверное, словно в игольное ушко продетая, бесплотная, почти что бестелесная (и цвета суровой нитки) старуха — моя родная!

И вздохнул — так плохо я ее в свое время рассматривал и запомнил...

Двоюродных же бабок несколько. И больше всего меня привечали две из них: бабушка Меланья, что жила в нашей же Николе, только в другом, не овечьем, а садовом, зеленом ее кутке, и бабушка Мария — она-то как раз и проживала в том самом, чужом, пойменном и виноградном, отличающемся от нашего, как различаются, наверное, ад и рай, селе, куда меня привозили иногда отъезжая, соков поднабраться, да и просто чтоб хоть на время от меня отдохнуть.

У бабушки же Марии имелась родственница, по-моему, невестка, Федора, у которой подрастал сынок, мой ровесник. У него было литературное имя: Валек, что я тоже понял значительно позже, когда прочитал, кажется, «Детей подземелья» Владимира Короленко: так, по-моему, звали там цыганского мальчика. Пан Тыбурций и сын его Валек...

Мой сверстник тоже похож на цыганенка. Пошел, видимо, в мать. Наши, Рудневы, белотелье, сдобные. Федора же — с узкими «цыганскими» щиколотками, со смоляными, вощеными, как будто их для усмирения еще и нефтью смазали, во-

лосами, с огромными, черными же, но при этом очень быстрыми, подвижными глазами, в которых даже белки казались двумя сперва облупленными, но потом еще и испеченными яйцами, столько в них, белках, темных родимых пятнышек. Порывистая, говорливая, легкая в ходу и в работе.

И мальчик тоже легкий, шустрый, чернявенький, его тоже только что как будто бы если и не из печки вынули, то из трубы уж точно. Я подружился с ним. Зимой на каникулах мы вместе барахтались в снегу, катались взапуски на самодельных санях и лыжах, которые дед, бабки Марии муж, колхозный плотник, тоже смастерил нам из гнутых ребер разошедшей бочки.

А весной приехал — мальчика нету. Вообще нету. Нигде. На белом свете — нету. Умер. Воспаление легких. И снесли его, махонького, невестомого, с длинненьким и еще не окостеневшим носом, на тот самый косогор, с которого мы и сваливались с ним зимой на санях и лыжах. Я не мог взять в разум — как это: совсем нету? И я его уже никогда-никогда не увижу?! Сняли с белого света, как чья-то невидимая, властная рука снима-

ет с телеграфного провода только что сидевшую там и что-то передававшую нам сверху птицу.

Я онемел от ужаса.

Но главный, совсем уже всеобъемлющий ужас подоспел ко мне к вечеру.

Вечером, узнавши о моем приезде и наскоро управившись со скотиной, к моей двоюродной бабушке прибежала Федора. Мы как раз ужинали. Сбросив наспех ватную стеганую фуфайку с подвернутыми и зализанными теленком рукавами, обшлагами, Федора молча прошла к столу и села прямо напротив меня. И, опять же молча, в упор, уставилась на меня. Бабушка налила и подвинула к ней тарелку, подала ложку и хлеб, но Федора сидела как заговоренная. Даже к куску не притронулась. Смотрела и смотрела — на меня.

Я тоже, оторвавшись от еды, взглянул на нее.

Это была совсем другая, чужая тетка.

Выбившиеся из-под полушалка волосы лишились нефтяной своей вощености, сухие, ломкие, перегоревшие. Глаза мало что провалились, дна не достать, но — странно остановившиеся. Горят, не мигая, бездымно и сухо, как горит в печи черныш, до самого скелета проспавший степной курай. Я заметил, что и бабушка стала относиться к ней как-то иначе, по-новому, не так, как раньше, не по-свойски, не свысока, без родственного насмешливого задора, а так, как относятся к увечным. Или — к тронутым. Даже меня, защищая от ее воспаленных глаз, мал-мал отодвинула от невестки. На всякий случай. Пыталась заговорить с нею на какие-то отвлеченные темы, но та ее не слышала.

Кусок мне в рот не полез.

Мне говорили, что я очень похож на ее Валька. Такой же чернявый и носатенький. Теперь мне, мешкотно застывшему за столом, под висячей керосиновой лампой, не только разом вспомнилось это — чему я раньше не придавал никакого значения, — но, кажется, вмиг стал понятен и этот, тронутый, взгляд.

Почему не ты?! — это, мне кажется, страстно вопрошали и ее глаза, и вся ее фигурка с резко, как у враз выпевшего курая, выпнувшимся скелетом.

Почему не я?

Она теперь приходила каждый день и подолгу, молча и требовательно глядела на меня. Бабушка Маня, взявши меня за плечи, потихоньку подталкивая коленом под задницу, уводила от нее в сторонку. Но Федора через какое-то время вновь оказывалась, как зеркало, что в известный час подносят к чужим перегоревшим устам, передо мной. Нитка — за иглой.

Мне кажется, меня даже увезли в тот раз до мой раньше срока.

Той же весной Федору бросил муж.

Жизнь (или смерть) открыла счет, и счет этот не раз предъявлялся лично мне...

С тех, почти незапамятных лет, и закрутилось.

* * *

Смерч смерти бешено вращается вокруг каждого из нас, то, как отдаленная гроза, ходит дальними кругами, то приближается к самому горлу. Пытаешься в панике ухватиться, а только обламываешь, как в полынье, опору под руками. В четырнадцать лет я уже потерял мать, которой и было-то от роду всего сорок пять. С течением времени ускоряется, похоже, не только жизнь, но и смерч тоже. Я бы не сказал, что он слеп. Клокочущая воронка его иногда мне кажется очень уж прицельным стволом, крайняя плоть которого тоже расплющилась «розой» от сумасшедшей частоты стрельбы.

Мне доводилось, и не раз, хоронить сразу по два гроба близких мне людей.

Выпадало хоронить десятки и даже сотни. Вовек не забуду, как в Ленинкане перед каждым домом, словно перед пристанью, с уже обрубленными канатами, уже готовыми к отплытию, свежестругаными челнами стояли гробы, гробы, гробы... А в Спитаке, где не было уже не то что ни одного дома, а и ни одной уцелевшей стенки, погибших, раздавленных сносили на стадион, потому что только здесь не было руин, камней. Стадион ведь не что иное, как слегка облагороженный пустырь. Ни один стадион мира не знал таких воплей и такого молчания, как спитакский спортивный пустырь в декабре 1988-го. Как поименовать тот матч, что разворачивался на этой скорбной арене на моих глазах и с моим посильным участием?

Нет, не жизни и смерти.

Страха смерти и желания — умереть.

Особенно — когда матери узнавали под простынями и пододеяльниками малых своих.

А самый страшный плач — безмолвие, потому что многих и многих в Спитаке и оплакивать было некому.

Некоторых гробов я не видел. Мой интернатский дружок, сын библиотekarши, и сам под завязку набитый книгами и фантазиями, поступил тем не менее в Орджоникидзево военное училище и подорвался на учениях. Причем подорвался, закрывая своих же сокурсников, — похоже, это был едва ли не первый их выезд «в поле» с боевыми зарядами. За что и был удостоен, посмертно, ордена Красной Звезды. Гроб, конечно же,

был, но я не знаю, что же положили в него: орден к тому времени еще не подоспел. О Сашиной гибели я узнал задним числом и в первый миг просто остолбенел. Невозможно было представить неживым, а тем более разнесенным в клочья этого насквозь живого, пульсирующего, прыскающего от избытка какой-то полоумной доброжелательности — по ночам в интернате таскал нам, вечно голодным, в спальню из кухни хлеб, хотя сам к нему потом и не притрагивался и в дележке участия не принимал, — и фантазий книгочея. И еще невероятнее представить его мать, которую я знал, потому что однажды гостил у них в деревенском доме, махонькую и молчаливую, как птичка, которая поет, и то коротко, только при выходе солнца. Одних книги научают говорливости, других замыкают в молчании. Теперь библиотека для нее вообще станет склепом... Есть такие монахины — молчалницы.

Хоронил друзей и даже подруг — кого-то провозжали с почетным караулом, со стрельбой и речами, а двое — Тамара Войнова, с которой начинал когда-то в Ставрополе в «Молодом ленинце», и армейский мой дружок Валерка Иванов, — свезены молча, неоплаканными, как безродные и блаженные, за церковные оградки. Тамара погибла при «Норд-Осте», ее и опознавать было некому, до меня дозвонились задним числом, я оказался далеко, пришлось мне просить моего старшего зятя Диму, который тоже хорошо знал ее. Вконец обнищавший же в «новые времена», хотя в старые был высокооплачиваемым и высокостребованным химиком-аппаратчиком (есть просто аппаратчики, как правило, бестолковые и бесполезные, а есть весьма толковые и полезные — химики-аппаратчики), полупарализованный после инсульта и отбившийся от семьи, Валерка под занавес прибил к какой-то баптистской секте; она и призрела его по кончине при своей полуполюгальной молельне где-то в крымском городке с нерусским, с сегодняшнего дня грустно известным именем Армянск.

Тамара же лежит на границе Московской и Смоленской областей при большом, настоящем храме — такая запоздавшая почесть была воздана проворонившими «Норд-Ост» властями тем, чьи тела остались «неостребованными».

Подождали-подождали, да и развезли — поближе к Господу Богу.

Так что есть среди моих покойных друзей и двое безусловно «божьих людей», одна из которых, боюсь, даже умирала отчаянной атеисткой. Аня Могилат — я когда-то уговаривал ее сменить

фамилию, но она сказала, что от отцов не отказываются. (Отец ее, к слову говоря, был помощником председателя партконтроля, «стального», но со вполне человеческими нервами, Арвида Пельше.) О ее смерти я узнал очень поздно и даже на могиле ее пока не побывал.

Хоронил и тех, кому и умирать нельзя было, так много долгов оставалось у них на грешной нашей земле. И тех, кто никому на свете не должен — скорее им должны — и кто уже по своему положению непременно должен был выйти в должители, так усердно опекала их властная наша кремлевская медицина. Тот же Гена Селезнев, мой друг и редактор по «Комсомольской правде», которого впоследствии не испортили и самые высокие должности в государстве, но которого до сроков свела в могилу то ли все та же кремлевская медицина, то ли просто судьба.

Гена Селезнев, умирая, будучи уже в бессловесной коме, все же сумел коснеющей рукой, изменившимся до неузнаваемости почерком на клочке бумаги, как на полях сознания, начертать: «Всембольшойпривет». Почему-то слитно — так, слитно, выходит стон. Всем — стало быть, и мне.

И вот только что похоронил человека, который и так давно уже жил не на земле, а в лучшем случае — на небесах.

Жил не на земле, высоко над нею, а теперь ему продолжать, вечно, глубоко — в ней.

* * *

Спервоначально увидел его почерк. Несуразно разлапистый и ветвистый. Его буквы как будто сидели на невидимом заборе, расхристанно свесив не то ноги, не то ветви. Так поздней осенью на какой-нибудь южной стенке, сокрытой доселе сперва зеленой мглой, а потом мглой цвета ветреного заката, вдруг прорисовываются, вылезают, как при варикозе, бесстыдно и беспорядочно, корявые, ржавые вены.

Мне приходилось преобразовывать его мазню — это даже не курица лапой, а вилами по воде — в четкие и даже в меру духоподъемные тексты.

Я вынужден был не только переделывать, но еще и самолично перепечатывать их на машинке, чтобы снести потом по начальству дальше.

Районная газета всегда испытывала недостаток в «сигналах с мест», а тут письма приходили из самого что ни на есть «спода», и писала их не какая-нибудь неугомонная пенсионерка, учительница или библиотекарша, их писал тракторист.

Этот «спод» величался тогда «передним краем», и письма писал, стало быть, самый крайний.

Тракторист! — может, потому и буквы его вылезали, как жалкие, заморозками траченные всходы.

Мне надлежало придать им соответствие моменту (что не помешало текущей тогда семилетке закончиться очередным провалом) — так его дикий, вьющийся, действительно подзаборный виноград моими скромными стараниями превращался в патуку.

Но вот что странно. Малый писал, сигнализировал так, будто точно знал, что нужно моему немудреному начальству.

Взмет зяби.

Уборка урожая — в том числе, без шуток, винограда, поскольку обретался крайний в нашей виноградно-знаменитой Прасковее: это тот случай, когда «край» и «рай» почти рифмуются.

Зарисовка об ударнике коммунистического труда — в те времена любая работа величалась трудом, а любой труд подразумевался коммунистическим, хотя за него, в отличие от нынешнего, капиталистического, еще платили деньги.

Тракторист, подлец, так и озаглавливал свое письмо: «Заметка», «Зарисовка»...

Не просто крайний, а еще и продвинутый!

Топорные же произведения усиливались подписью: «Владимир Фролов, тракторист».

Тут все не говорило, а вещало: и Владимир, и Фролов, и, особенно, — «тракторист».

Самому мне едва исполнилось семнадцать. Я мечтал о «большой журналистской карьере» — по-моему, именно тогда вышел герасимовский фильм «Журналист», в котором все восхищались желеобразной провинциалкой Теличкиной, а я — исключительно главным героем, а конкретнее тем, как он сумел из заурядных спецкоров сразу перескочить аж в Париж: лишь много позже, уже сам отправляя писучую, или не совсем, свойскую, или, чаще, «соседскую» щелкоперую братию по Нью-Йоркам — Парижам, я соображаю, что это было совершенно невозможно и даже немислимо — и больше всего не любил протирать штаны в редакции. В том числе и за обрубками, наподобие трактористовых, которые мне приходилось в меру собственного, прямо скажем, небогатого тогдашнего разума, подстрегивать и подслонявливать. Поэтому при первом же удобном случае старался выбираться куда-нибудь «в район» — тем более что уже пописывал и в краевую молодежную газету (где над моими заскорузлыми «заметками» тоже, наверное, корячился какой-нибудь тамошний, теперь уже краевой, си-

дячий карьерист) — именно с краевой молодежкой по младости лет и связывал надежды на «выезд», которые мне, увы, так и не удалось осуществить в своей жизни; выезд теперь остался только один, и то вылет, теперь уже на самые высокие и самые иноземные «верха». Добирался чаще всего на попутках, иногда же меня забрасывали «на места» либо на редакционном газике, либо на мотоцикле, который тоже имелся в распоряжении районки, но приписан почему-то не к сельскому отделу, по которому числился и я, а к промышленному, хотя вся «промышленность» кучковалась почти исключительно в самом райцентре, в трех шагах от редакции. К тому времени я уже сдал в военкомате экзамен на мотоциклиста, но «промышленник», одессит Леша Никифоров, чья фамилия была почти что как «Фролов», но внешность ей совершенно не соответствовала, тщательно оберегал свой «Иж» от моих поползновений.

Так в очередной раз оказавшись в пригородной нашей Прасковее, я попросил секретаря парткома совхоза — в более серьезные кабинеты районки моего масштаба обычно не допускались — познакомить меня с «трактористом Фроловым».

Оказывается, его тут знали как местную достопримечательность.

— О, — улыбнулся парторг, — мы с тобой как раз едем в четвертое отделение, в Катасон. Там его и увидишь.

В местечке с еврейским именем Катасон резали виноград: парторг знал, куда возить районных публицистов ленинской школы.

Под виноградными кустами, вытянувшимися по салмаку длинными шпалерами, сидели на корточках, как будто не резали, а доили, молоденькие женщины в косынках, повязанных сзади наподобие нынешних бандан, но с оголенными, загорелыми и вполне зрелыми полными плечами, сами уже подлежащие немедленной срезке. Парторг нарочито бодро здоровался с ними, они отвечали ему насмешливыми взглядами, обращенными, правда, не столько на партбосса, сколько на меня, юного, тощего и еще способного, в отличие от обыкновенной жерди, вишнево краснеть.

Спеть.

В междурядьях сновал игрушечный тракторишко с нацепленной спереди железной тележкой, похожий на крепко беременную козявку. Женщины весело опрокидывали, выпрастывали в телегу ведра с виноградом и кричали кому-то невидимому за спинкой сиденья:

— Запиши!

Парторг махнул рукой, и тракторишко, вихляя, попятился задом к нам. Газанул, тормознул, и с

его сидушки прыгнул такой же игрушечный, как и трактор, человек. Маленький, тщедушный, но весь очень складненький и соразмерный, в том числе и своему облезлому насекомому, и тесным этим, заляпанным сладкими виноградными кляксами, как межстрочья тетрадки в линейку, междурядьям: в садах, рослых и буйных, тролли, наверное, полномерны, а вот в огородах и виноградниках, видимо, такие вот. Мини. Складненькие, тощенькие, ласково обструганные со всех сторон.

Есть солдаты семилетки и даже солдатики, роскошные, обоюдовыпуклые, почти брюлловские (такие и в райском саду вкусят запретного, греховного плода сперва с самого Адама и только потом с райского дерева). А есть и такие вот — солдатики. Не оловянные, правда, а скорее деревянные. Фанерные. Даже не рубанком-фуганком сработанные, а лобзиком выпиленные.

— Здравствуйте, — виновато протянул замурзанную и, наверное, сладкую от засохшей виноградной крови руку.

Ладонь тоже маленькая, по хозяину скрупулезно выточенная — ты как будто бы поймал не саму птичку, а только ее трепещущий хвостик.

Позже я узнаю, почему он протягивал руку так, словно просил — не то подаяния, не то прощения. Оказывается, несколькими днями раньше ему было велено отвезти в Георгиевск, на базар, совхозные помидоры и трех торговек, тоже, наверное, брюлловских, а то и рубенсовских статей. От Прасковей до Георгиевска километров сорок, представляю, сколько же шкандыбали они до места назначения. Но — не доползли. На каком-то косогоре, возле моста через речку Куму, на одном из передних колес (лапок) у гужевого насекомого навернулась цапфа — взял свое, видимо, спаренный вес торговек и помидоров, — и тракторишко клюнул с размаху носом. Помидоры покатались в Куму, бабы же, кубарем, съехали на помидорах. Но до речки, слава богу, не добрались. Не достигли, разметало по косогору.

Юбки у баб заворотились аж до самых макушек, обнажив такие ядреные, многопудовые, хоть и цвета, фисташкового, сельповских рейтуз, двудольные тыквы, что мимо проезжающая шоферня мало что истошно засигналила, но еще и из кабинок поспешно вываливаться стала.

Бабы б, приходя в себя, может, и полежали бы еще, как призовые особи на Всесоюзной выставке сельхоздостижений, на всеобщем обозрении, да Володя, сам еще белый, как полотно, уже обходительно обходил их, временно обездвиженных, по одной, старательно обдергивая на каждой как ее наружное, верхнее, так и ейное исподнее.

— Побить меня хотели, но одна промахнулась, а другие уже и не стали, — рассказывал он мне, годы и годы спустя, печально улыбаясь.

Само собой: попробуй комара на стенке кулаком прихлопнуть — наверняка промажешь.

Белый, как полотно, — это не со страха за самого себя. Клянусь честью: этот самоходный человек почему-то никогда и никого не боялся. Таких фаталистов, как он, я в жизни больше никогда не встречал.

Я тоже пожал совершенно нетрудовую пясть странного тракториста и в тот же миг понял: этого надо выручать.

Выдергивать из семилетки.

Не ровен час, растает. Такая кроха, щепоть полупрозрачной материи в таком не соответствующем ей горниле.

Путь из трактористов в районные стрекулисты, при моем посредничестве, оказался не таким долгим и трудным. Потому как вскоре выяснилось, что Володя раньше несколько месяцев уже работал у себя на родине, на Тамбовщине, в Инжавинской районке. Отсюда и несколько подозрительная для тракториста осведомленность в жанрах: «заметка» и т. д. и даже характерные для газетчиков знаки абзаца на выданных из школьной тетрадки листках. Профессиональных журналистов в районках тогда практически не было. Я застал времена, когда в районных газетах сплошь и рядом работали вчерашние десятиклассники, а вчерашние десятиклассники совершенно свободно высказывали замуж аж за редакторов районков. Вчерашних фронтовиков. Редакторы пятидесятих-шестидесятых, во всяком случае в глубинке, были смелее своих предшественников аж на целую войну, а десятиклассники всех времен — это особенная разновидность человечества, смелее них только сама Ева.

Еще и в силу этого феноменального соития районные газеты моей юности писали не о жизни, которая была, а о жизни, которой и быть не могло.

Так она, если судить по районкам, да и не только по ним, была прекрасна.

По-над жизнью.

Как и сегодня.

Только сегодня такое письмо — особо азартной, а не только старательной гладью вышивает

телевидение, поскольку глаз вообще доверчивее ума, — жестко, как подстрочником, продиктовано деньгами. Тогда же оно, помимо прочего, выливалось, как выливают страх, запоздалыми слезами прошедшей войны.

Ставшими уже почти что слезами счастья.

* * *

Я не пишу его жизнеописание. Я просто пытаюсь сказать, что такие люди по-хорошему умирать вообще не должны бы.

Хотя бы раньше таких, как я.

И тому есть несколько действительно веских резонов.

Этот человек никому не отказал ни в единой просьбе. Он вообще был не способен отказывать и отказываться.

Через комнатку в московской малосемейке, которую он когда-то с великими трудами заполучил, прошли его и мои (это практически одно и то же) друзья и родственники, которым как-то надо было зацепиться в Первопрестольной. И вовсе не потому, что я, будучи некогда в серьезных чинах, помог ему с этой «жилплощадью», на которой и жить-то могло только такое эфемерное существо, соразмерное комнатке, как он сам. Жили годами! — он приводил сюда людей точно так, как другие из жалости приводят домой бездомных собак или кошек: их почему-то вообще жалеют больше, чем собственно людей.

Он безропотно женился на чужих женах — по просьбе их первоначальных и вполне законных мужей. Причем исключительно по любви — к человечеству. Поскольку первоначальным мужьям и их семьям, потому как они беженцы из наших ныне сопредельных стран, а некогда просто советских провинций, дабы зацепиться-таки хоть где-то в России, надо было кем-то из супругов сперва «прописаться» в каком-либо из ее, России, прародин, углов. А какая же прописка без «расписки»? Вот и оседали они, наши с ним общие (чаще, правда, все-таки переданные ему мною) друзья, направленные некогда нашей общей тогдашней властью в школы или больницы, а то и просто на отдаленные стройки коммунизма (в СССР, в отличие от других империй, коммунизм почему-то на национальных окраинах начинался раньше, чем в метрополии), а теперь с треском изгнанные окраинными титульными нациями вон, не где-нибудь, а прямоком в Москве.

Потому что такой чудак, способный абсолютно — подчеркиваю! — бескорыстно расписаться, чтобы прописать, был у нас на былых имперских

просторах один-единственный и «проживал», как проживает огонек в лампадке, в Москве.

Никакими услугами чужих жен он не пользовался, да и они и в самом деле у него, на его лампадной жилплощади, только «проживали», а жили, плотно и непосредственно, со своими мужьями. Как правило, на съемных квартирах. Будучи, правда, законно разведенными и состоящими в подзаконном браке с Володей. Некоторые из разведенных мужей на годы и годы забывали благоверных на чужих квадратных сантиметрах. Именно так в свое время вызволили мы из Абхазии нашего общего друга Колю Кошелева, который, будучи изначально очень взыскательным — и абхазами, и грузинами, и, конечно же, русскими, — детским сухумским врачом, после, в годы грузино-абхазской войны, лечил по старинке, по-свойски и побеждающих, и побеждаемых, за что, когда победители таки окончательно определились, и поплатился жестоко.

Вызволить-то вызволили, да только годы спустя поехал все-таки Коля наш в обратный путь, к месту своего первоначального, после Второго Московского меда, медицинского распределения.

В глиняном, глиною же запечатанном кувшинчике, но не вином даже, а холодным пеплом.

Этот хоттабычевский кувшинчик и есть теперь его единственное персональное, постоянное жилье. Куда, помыкавшись годы и годы, так и переселился он в одночасье со съемной — все-таки съемной! — московской квартиры.

Москва почти по-матерински принимает абитуриентов, но к выпускникам своим строга, как мачеха.

А несколько лет назад забрела в малосемейку — если пересчитать всех, прошедших через нее за десятки лет, то семейка-то как раз получится ого-го! — нищенка. С младенцем на руках. Русская. Бывшая детдомовка. Не знаю, что уж тут сыграло решающую роль: то, что русская, молодая, что детдомовка, — Володе тоже памятно его тамбовское детдомовское прошлое, — или нищенка оказалась столь талантлива в просьбах своих, но из малосемейки она уже не исчезла. Задержалась, обернувшись сперва законной женой, а теперь вот уже и законной вдовой.

Слова нашла!

Правда, сейчас мне кажется, что самой действенной оказалась просьба, что в словах и не нуждалась. Та, которую вычитал, выглядел безотказный малосемейный хозяин в младенческих полуголых глазах.

Нищенка-то русская, а малышка ее оказалась при ближайшем рассмотрении русской лишь на

половину: попутный — беспутный отец, как выяснилось позже, принадлежал к узбекской нации.

Может, и глаза потому бессловесные, но такие, как у Магдалины, безотказно горячие?

Нищенка обернулась женой, крохотная безотцовщина — законной, «усыновленной» дочерью.

А до того, к слову сказать, ни та ни другая российского гражданства тоже не имели. И вообще никакого.

Не только мать, но и узбечка получили фамилию — Фролова. Да тут неожиданно народилась и еще одна, теперь уже натуральная Фролова, белобрысая и ясноглазая — ее как будто бы и не из нищенки вынули, выпростили, а, аки русскую душу, из самого былого, малосемейного.

Скажите, да разве мог Господь после этого забрать, «забрить» его? А он и забрал и забрил-таки, едва младшая пошла в первый класс. (Это при том, что отцу стукнуло семьдесят!) Не потому ли и забрал? — чтоб перед глазами был.

Забрал, хотя у них — с Господом — очень личные отношения.

Более набожного человека, чем Володя, я в своей жизни не знал.

Как и более спорящего со Всевышним.

* * *

Воцерковлен он с малолетства. Одна из его теток вообще еще в девичестве ушла в монастырь и прожила там до глубокой старости. Мать, которую я тоже знал, также была весьма богобоязненна. Худенькая, дробенькая — есть целые, цельные люди, а есть и дробь от них, — почти прозрачная, в беленьком ситчике, домиком повязанном на голове, она напоминала мне и мою собственную мать. Напоминала, хотя матушка моя при общей своей невеликости все же была сильной, резвой и даже резкой — в повседневных своих трудах. Как бывают рабочими пчелы, а вот небесными, воздушными — мотыльки. Моя была бабой, а Володина — бабочкой. И все равно я смотрел на нее и видел матушку собственную. Может, потому что именно такой она и должна была стать в старости: Володиной матери, когда я с ней познакомился, было уже за семьдесят, моя же умерла в сорок пять, старухой я ее и не повидал. Но скорее по другой причине. Я-то знал, хоть и был еще мальчиком, что это руки-ноги у мамы резкие и резвые, а душа-то у нее все равно робкая, застенчивая, пугливая, на что в роду нашем есть свои стародавние причины. Я смотрел на Володину матушку, робко улавливавшую за столом малейшие дуновения нашего с ним разговора, и видел — родную душу

собственной матери. Точно так, как из Володи, доселе несокрушимо бездетного — может, еще и потому, что жены были хоть и законными, но чужими, — на старости лет неожиданно-негаданно выплывала, выпорхнула вдруг, как его же младенческая душа, девочка-свечечка (чертами очень похожая на его мать), так и для меня в его матери увиделась, слюдяными крылышками дрогнула не сама моя мать, а ожившая вдруг ее душа.

В принципе нимб стоит над каждым из нас, вне степени святости или святотатства. Но не каждому дано его увидеть. Я же в данном случае увидел — робко мерцающий издали нимб моей матери в совершенно чужой и непохожей на нее старушке.

Володю смаличку ввели в церковь. (Меня всегда восхищало, что кошке, например, в церковь нельзя, а вот осляти, даже если он уже и не везет на себе божественного младенца, — всегда пожалуйста.) Отца он не знал: первый, законный муж матери погиб на фронте, а пришла она его, вдовой, от другого, случайного мужчины, по легенде даже поволжского немца по фамилии Инструменталь. (Добыть комнатенку мне удалось, самовольно приписав Володю к героическому фронтовику, который на самом деле погиб в сорок первом, не успев ничего, никого посеять в юной своей супружнице.) Немец ушел, не дождавшись плода, причем ушел к другой вдове, у которой в положенные сроки тоже родилось — теперь девочка, — видимо, инструмент оказался действительно безотказный и в тот, сорок третий-четвертый год, более чем востребованный.

Инструменталь, думаю, остался жив и насущно производителен и потому, что немцев, даже поволжских, на фронт старались не брать, и еще главнее — потому как был, говорят, непревзойденный бухгалтер. В лихолетья бухгалтеры вообще самая бронированная нация: чем дешевле деньги, тем в большей цене кудесники дебет-кредита.

Еще и в силу этой брошенности семья, катастрофически неполная, настоящая, не бюрократическая малосемейка, прильнула к Богу: нет отца с малой, нашли с прописной. Тетя же, надо сказать, ушла в монастырь еще в тридцатые, в самое что ни на есть атеистическое время. Попав в детский дом, оловянный крестик Володя ни на звездочку, ни на красный галстук, ни даже на комсомольский значок не поменял и от церкви так и не отказался до конца своих дней. Его духовником все эти годы оставался местный батюшка: в девяносто он отошел от дел и вскоре почил в бозе при Троице-Сергиевой лавре. Это он прочил когда-то Володе

архиерейское будущее. И он же, когда юноша все же пошел по светско-советскому пути (на экономический факультет МГУ, который окончил в свое время с красным дипломом), напроорочил, что подопечный его еще понесет за сие кару.

Возможно, помня сие, Володя ни дня и не работал экономистом и к ученым издевательствам над страной в девяностых и присно никакого отношения не имел. Работал в то время дворником у Любимова на Таганке, у Хренникова в Доме композиторов.

Дворник с красным дипломом экономиста во времена, когда «экономная» стала просто полит-экономией! — да таких надо в Красную книгу, а не на погост!

* * *

В последние десятилетия мы с ним жили довольно тесно — я ведь тоже стал почти что дворником — я помогал ему, он помогал мне. И я доподлинно знаю, что он свято, до изнурения держал посты; ночуя у меня на даче, ходил на все службы (включая заутрени) в старинную, семнадцатого века, церковь, ныне подворье Новодевичьего, что лежит километрах в трех от меня. Исповедовался, приносил просфоры.

Порою оказывался на службах один: деревеньки окрест вымерли, а дачники приобщаются либо по праздникам, в нетвердой трезвости, либо пригоняя — в лучшие, чем сейчас, времена, — новообретенные машины: «освятить».

Читал у меня священные тексты, чаще вслух. Отпевал, по моей просьбе, тех, кого отпевать было некому, а точнее — не на что.

Да, чуть не забыл: дворник дворником, но он умудрился подворничать и при издательском отделе Московской патриархии во времена, когда отделом этим командовал тогда ныне покойный митрополит Питирим.

Удивительно, но глубокая и даже истовая религиозность в нем сочеталась и с элементами богоборчества. Что, впрочем, присуще отдельным подвижникам веры, в том числе и выдающимся, особенно среди русских людей, склонных не только к самокопанию, но и к копанию в Самом. И даже — под Самого.

Спорил он, правда, чаще не с текстами, а с практикой. Проще говоря, с действительностью. Если она движется по высшему промыслу, то почему же в ней столько жестокости?

И отваживался упрекать в этом Господа Бога и даже ставить под сомнение его существование. (А по-моему, к Последнему неприменимо и само

это понятие — существования; ничего сущего, объективного тут и быть не может!)

Я слабо возражал ему: мол, божественное во все не равнозначно нравственному. Уже хотя бы потому, что не поддается никаким человеческим измерениям, иначе было бы не божественным, а человеческим. Божественное не обязано подлаживаться к нам, идет своими незаповеданными ходами и очень часто — вразрез с нашими представлениями о добре и зле. Это мы — сущие, а Оно по существу (!) — пустота, холодная, отстраненная, отрешенно делающая грозное свое дело, лишь иногда, случайно, пересекающаяся или попадаю-

щая в резонанс с нашими нравственными категориями.

К слугам и, особенно, к служкам божьим относился куда снисходительнее, чем к самому Вседержителю. На мои кое-какие инвективы, сиюминутные, на их счет отвечал старинными словами Иисуса:

— Судите их не по их делам, а по их словам...

Слуг защищал — Сыном.

Ну да, на слова-то мы все горазды, даже не совсем слуги.

Засыпали далеко за полночь. Наутро, спозаранок, он бежал мелкой мышинной побежкой три

километра в церковь — видимо, отмаливать вчерашнее, а я дрых почти что праведником.

Между прочим, та самая монахиня в их роду, о которой я уже упоминал, предчувствуя кончину, ушла из монастыря и умирала в их же деревенской избе. А умирая, возвестила сгрудившимся вокруг односельчанам — как же, почти своя святая представляется! — что Бога — нету!

Так и прохрипела.

Односельчане переглянулись и молча, но дружно решили: бабка спятила.

И похоронить-таки похоронили за церковной оградой.

Может, и ересь тоже у них в роду?

* * *

Впрочем, отправляясь на операцию, Володя захватил с собой иконку. А уходя уже «на стол», позвонил, как я уже упоминал, мне — житейская его просьба была связана с малолетними детками.

С этой же иконкою мы его и положили. В гроб, чтоб потом, перед последним спуском, все же изъять ее из его окостеневших пальцев: в могилу иконки уже не опускают.

Я, прощаясь, смотрел на него и увидел очевидное преобразование.

Суровое преобразование: возможно, он все продолжал спор, и не только со мной?

При жизни черты его были мелкие, очень пропорциональные, аккуратные, соразмерные общему почти птичьему сложению. Можно было ожидать, что они просто заостряются и помельчают еще больше. Вовсе нет! Стали крупнее, рельефнее — подобной строгости, суровости, аскезы я не видал на его лице за все полвека нашей дружбы. Тяжелый лоб высунулся из-под седых прядей, мощные надбровья, плотно сжатые губы — да Володя ли это? На людях вечно тихий, робкий и почти безгласный? Что-то толстовское проглянуло, вылезло в нем. Но не то, что было в его, Толстого, умиротворяющих, примиряющих все и вся последних экзерсисах, а то, что сказалось в старости в самом его матером облике.

«Волчье» — говорили об этом его позднем лице современники. Так и в тамбовском моем уроженце, в посмертном его обличье при общей хрупкости остального, серым костюмчиком скрытого, выпер «тамбовский волк».

Который известно кому, то есть мне, грешному, товарищу.

Сурово, сурово предстанут они друг перед другом. И еще неизвестно, кто перед кем будет держать ответ: двух малых сих, безответных и

беззащитных, оставил Владимир здесь, за спиной, в бедности и земной юдоли.

Да, сообразил, Толстого я, разумеется, не видал. А вот Володиного дядьку, Василия, знал неплохо. Шебутной, размашистый старикан, не было на свете ничего сущего, что бы он не мог сделать или — переделать. Правда, все — резко, с размаху, наскорях, не фуганком, а топором. Не надфилем, а терпугом. Отважный до сумасбродства, до одури, особенно после известного чего. Ветеран корейской войны — оказывается, наши подвизались там не только в небе, но и на земле. Рассказывал, как ворвались однажды в банк (прямо по ленинской формуле: почта, телеграф, банк), и он, дядя Вася, оказался по колено в деньгах.

Прямо сугробы, вороха их намело по полам и углам.

— Надо бечь дальше, а я двинуться не могу: сую их за пазуху, в карманы, в мотню, а зачем, и сам не знаю. Они ж не наши, Ленина на них нету, а я как ополоумел...

Ну да, поставь любого русского мужика посреди такого несметья деньжищ, даже без Ленина (ничего другого он прочитать не мог, а вот отсутствие Ильича заприметил сразу), и враз ополоумеет и куда более трезвый и положительный, чем дядя Вася.

А деньги ему так пригодились. Дядя Вася мог, конечно, и подзальить, но под рюмочку однажды признался, что где-то там, аж на полуострове его шальной и шалавой молодости, растет да, наверное, уже и старится, и его русско-корейское семя. Было, было кому дяде Васе сунуть за пазуху, совсем не столь холостую, как у него самого, эти самые воны или как их там, даже без Ленина. В той войне, как и во всякой другой, наши елозили, выходит, не только по небесам, не только по земле, но и по кой-чему куда более притягательному, безопасному и покладистому.

Давние-давние черты дяди Васи, прокаленные, обожженные, как обжигают даже не горшки, а кирпичи — и такого же, кирпичного, цвета и даже геометрии схожей — и чужой войною и собственной старостью, по-волчьи твердые и суровые, узнал я в друге моем Володе на скромном и смертном его одре. Когда солнечным, бабьего лета, днем прощались мы с ним на окраине огромного подмосковного кладбища с жутковатым, крематорским наименованием «Перепечино» среди неглубоких и наспех вырытых экскаватором могил.

Гробы к которым подвозили, подавали с почти что регулярностью московской подземки.

Фамилия у дяди Васи Мильцын. Он тоже происходил из екатерининских немцев — на корейскую, что последовала почти что впритык к германо-японской, уже брали и их...

Насчет корейского романа дядя Вася мог, конечно, и травануть. А вот другой, последний, куда достовернее. В старости работал истопником в одном дряхленьком замоскворецком особнячке в районе Пятницкой. Располагалась там какая-то фирмешка типа «Гербалайф», которой командовала тоже значительно пожилая (подразумеваю особняк, а не дядю Васю), но весьма дородная, даже не цельная, а цельнолитая мать-командирша. Не знаю, как уж высмотрела она в подвале, да еще и в замурзанном кочегарском ватнике, дядю Васю, но у них действительно завязался роман, довольно бурный и громогласный — вечерние отголоски его пронзали «Гербалайф» на все три этажа, аж до самого потолка. Так в последние свои годы дядя Вася в меру ветеранских сил снабжал — снизу — теплом сразу две московские архитектурные достопримечательности: одну каменную, а другую — вовсе нет.

* * *

Уходим. Уходим. Уходим... Пока писал этот кусок, пришло известие из Ставрополя. Умер еще один друг моей молодости: Николай Марьевский. Аристократ если и не журналистики в целом, то как минимум нашей когдатошней молодежной редакции. О нем я часто писал в своих книгах и больше всего в этой, в предыдущих ее главах. Один из тех, кто тоже бескорыстно выводил меня когда-то если и не в люди, то просто — в другую жизнь.

Царствие небесное, вечный покой, как, завершая молитву, очень естественно, тихо и скорбно произносил над очередной открытой могилой Володя Фролов...

Теряю их физически, натурально. За всю свою скудельную жизнь не припомню никого из друзей и даже подруг, кто бы предал меня, сдал, отвернулся, забыл окончательно и бесповоротно. Это я бывал и бываю подчас не совсем состоятелен, необязателен в дружбах и привязанностях; они же, друзья мои, даже уходят — лицом ко мне.

Царствие им небесное. Вечный покой.

Р. С. Не только с иконкой уходил Володя на стол, но и с тремя тысячами в кармане. Когда делали первую операцию, я ему передал «на всякий случай» пять тысяч рублей. Врачу понравилось, хотя денежка, конечно же, плевая. И перед второй

операцией он, врач, намекнул моему дружку: ну, ты и на сей раз приди не с пустыми руками... Володя позвонил мне: мол, у меня наскреблось только три тысячи. Я же был в какой-то очередной запарке и грубо буркнул:

— Скажи ему: как только ты живым слезешь со стола, я либо сам привезу пятерку, либо с братом пришлю...

И положил трубку.

Увы, живым его со стола уже не сняли.

Мне до сих пор не по себе. Может, вовремя сунь я эту «пятихатку», и наше бесплатная оказалась бы милосерднее к моему безвестному другу?

А так получается, что почти что накликал. Осторожнее будьте к друзьям со словами — судить, самих себя, впоследствии и впрямь придется не только по делам, но и по словам тоже.

Уходим... Куда?

Да в никуда.

Но чуточная надежда все-таки есть. Теплится.

Тот же Коля Марьевский как-то рассказывал мне. Он даже пробовал написать об этом, но на письме, по-моему, у него получалось хуже, чем на словах. Я попытаюсь пересказать. Возможно, у меня тоже получится неадекватно. Но Коли-то уже нет. И ежели я этого не расскажу, то уже не расскажет и не опишет никто. Ни в какой степени адекватности. Именно адекватности, а не достоверности. Ибо факт, любой, — это еще вовсе не правда. Правда всегда объемнее факта и чувственнее его.

Лет шести, спасаясь от немцев, Коля вместе с матерью и кем-то младшим (боюсь ошибиться: братом? сестрою?) шел-бежал из Дебальцева, что под Донецком и что сейчас так — снова! — трагически известно, куда глаза глядят. Впрочем, глаза и глазенки в данном случае смотрели вполне определенно: подале от немчуры. И так, определяемая почти неуправляемой (инстинктом? роком?) и все мелеющей и мелеющей после каждого чернокрестового налета волной беженцев (Господи, как вчуже странно, точнее отстраненно, звучало для нас это слово где-то в семидесятых и как въяве, осязаемо и грозно звучит сегодня!), легла дорога, карта легла, что путь определила — на Ставрополье. Они с матерью (впрочем, он, шестилетний, тут вообще был щепкой, которой злобно играли и волна, и судьба) и не стремились туда. Стремись, выскальзывали, выдавливались поклеточно исключительно из-под войны, из-под ее губительного, всеподавляющего и кровавого катка, а получилось сюда, на Ставрополье. Аж до Невинномыска, минуя тот же большой Ростов, который

под войною оказался, поскольку промышленный центр, куда более плотно и страшно, чем степное, реденькое, незавидное Ставрополье. Мать впрягалась в повозку, в которой находился, умещался весь их наспех спасенный, спасаемый и даже без налетов скудеющий и скудеющий птичий скарб. На скарбе, с каждым десятком километров опускаясь все ниже и ниже, качалась люлочка с ребеночком (сестричка? братец?), что сам мерцал уже, как призрачный язычок в замирающей лампадке. Коля брел, окровавливая босые, сбитые ножонки и ухватясь то за бортик тележки, то за материну юбку. Ночевали в степи — самым сытым и был ребеночек, оклуночек, который еще пользовался иссыхающей материнской грудью — в оврагах и балках, чтоб, значит, аэропланы не заметили... После, уже в старости, по карте, Николай высчитал, вымерил: 800 километров с гаком! Впроголодь, пешком да ползком.

Каждый кустик ночевать пустит. И каждый куsocек найдет куточек.

«Ребенка видать в пеленках...» — тоже старинная русская поговорка.

Да, ели что бог пошлет, что добры люди попутно бросят, да то, что умели выменять на домашнее жалкое барахлишко: потому и оседал возок, как верблюжий голодный горб в пустыне. С себя продать-обменять уже было нечего: даже пеленки превратились в лохмотья.

Но мать — довела. Донесла, дотащила, достремилла — через три месяца! — как доносит до

гнезда та же птица неразумное и нелетающее еще, бескрылое свое до гнезда. До более или менее безопасного, отбитого у войны, местечка на земле: до Невинки.

И, признавался мне Коля в старости, более счастливого, чем тот, страдный, крестный путь, он в жизни своей не знал.

Голодный, холодный, иссекаемый дождем и свинцом, но — с живой еще матерью! Рука в руке. За юбку, за повозку, но — рука в руке.

С матерью! Мне кажется, мнится и теплится: он и сейчас, повстречав ее где-то на Млечном теперь уже Пути, так же вот и бредет — рука в руке.

Она, матушка родненькая, рано или поздно и приведет его в небесный их Невинномысск, что уже в 41-м и впрямь казался раем для дебальцевских.

Николай говорил, правда, не «Дебальцево», а почему-то — «Дыбальцево». Видимо, украинская диффузия. Она полякам сродственна.

Дебальцево. Из которого вновь наверняка — ухватившись за материнскую юбку — выходит сегодня белокрысыый малыш, вполне возможно, по имени Коля, в свой новый и страдный (как страшно все в жизни повторяется!) крестный путь.

Который когда-то, перед смертью, сам он и сочтет, возможно, самым счастливым в своей, надеюсь, долгой жизни.

Уходим? Приходим?

Меняем пути — с маленькой буквы на прописную. С земного — на Млечный.

Возможно, последует продолжение.

Евгений ЧИРИКОВ

Продолжение. Начало в № 12 за 2016 год

«Юность»

Роман

II

Зоя. Только три буквы, а когда их поставишь вместе, они делают чудеса... «Как прекрасен и богат русский язык!» — думал я, красиво выписывая это имя на листе бумаги, приготовленной для составления хронологии по истории всех времен и народов... Рано утром, едва раскрыв глаза, я распахивал окно в сад и шептал: «Здравствуй, Зоя!» Поздно ночью, когда затихал город и в мягкой тишине весенней на крыльях теплого ветерка над ним носились обрывки садовой музыки, я вглядывался в звездное небо и шептал: «Спокойной ночи, Зоя!»

Каждое утро, отправляясь на экзамен, я заходил в сад и проходил мимо той скамьи, на которой сидела Зоя. И возвращаясь с экзамена, я не мог не зайти туда и не посидеть на этой милой скамеечке. И все я ждал, не промелькнет ли в зелени стройная фигура девушки... Редкие проходящие женщины заставляли меня вздрагивать и пугаться... Опять не она! Пропала... Ах, белый голубь, куда ты улетишь?..

Однажды, когда я, почти уже отчаявшись увидеть белого голубя, уныло бродил по саду с «Историей средних веков» Иловайского, навстречу мне показалась шумливая стайка гимназисток с аккуратно завязанными в ремни книгами. Как стая птиц: без умолку щебечут, смеются и звенят радостными голосами... Зоя! Она!.. Она!.. Будь что будет...

— Здравствуйте!

Поднял шляпу и протянул руку. Покраснела, немного растерялась, но руки не отвергла, спросила:

— Кончили?

— Почти... Одна история и — созрею...

Гимназистки пропустили нас вперед и, идя позади, тихо посмеивались и переговаривались между собою. Зоя шла, опустив голову, и односложно отвечала на мои вопросы о том, где она будет жить летом, что ей больше нравится: сирень или черемуха, как ее величают.

— Зоя Сергеевна, я так долго ждал.

— Чего?

— Встречи...

— С кем?

— И вы спрашиваете!..

Догадалась, вспыхнула и, обернувшись, заговорила с подругой... Теперь я шел, понуриив голову, и тщетно искал выхода из безвыходного положения. Всего лучше было бы откланяться и отойти. Но какая-то сила, властная и непоборимая, мешала мне сделать это. И я шел, как привязанный на веревочку, рядом и напрягал все умственные способности, чтобы сгладить неприятное впечатление от своей неудачи. Понемногу и как-то незаметно отстали все другие, и мы с Зоей очутились вдвоем. Долго мы шли молча, словно просто попутчики, но вот в моих ушах зазвенел смех:

— Я дома... До свидания!

Она протянула мне руку и скрылась в калитке. Я тяжело вздохнул, снял шляпу и отер со лба холодный пот безвыходности. Оглядел с головы до ног дом, где жила Зоя, прочитал номер, фамилию домохозяина, заглянул во двор... Там, за палисадником, — одноэтажный приземистый флигель в три окна... Так вот где скрывается мой белый голубь с толстой золотой косой!..

Дома учил хронологию и зудил «средние века», а мысль упиралась и настойчиво возвращалась в тот век, в который я встретил Зою.

«Итак, — говорил я, — скажите мне, чем замечателен Пипин Короткий?» Но вместо Пипина Короткого выплывал образ стройной белой девушки, и я растерянно мычал:

— Пипин... Пипин... Короткий... Почему Короткий?.. Скажите, Зоя Сергеевна, чем замечателен Пипин Короткий?.. Ах, черт бы тебя, Пипин, взял!.. Барбаросса... Карл Смелый... Карл Лысый... Карл Святой... Нет Карла Святого — Святой Людовик!.. А Людовик Лысый был? Кажется — был, а впрочем... Голова болит. Пойду в сад, а потом уж — Пипин...

Я бросил историю и шел в сад мимо дома № 15. Это было не совсем по пути, но зато сильно увеличивало шансы на встречу с Зоей. А я изныл, ожидая этой встречи. Проходя мимо дома, я замедлял шаг и мимоходом бросал взгляд в калитку. В саду сидел все на той же лавочке и ждал, словно мне было обещано свидание. Но вот однажды, когда истощилось мое терпение, я снова рискнул на отчаянный шаг: с восьми часов утра я встал на дежурство к воротам дома № 15. Теперь свидание обещено: она пойдет в гимназию через эту калитку...

Стою на другой стороне и томлюсь. Поглядываю на часы... «Однако не торопится».

— Ах ты... сонливая!..

Вышла. Так неожиданно, словно выпустили птицу из клетки... Сменяю торопливость солидным крупным шагом делового человека, перебираюсь на другую сторону и иду по следу. Покашливаю.

— Зоя Сергеевна!

— А, вы!..

— Я! Могу пройти с вами?

— Конечно.

— Дайте понести мне ваши книги.

— Мне не тяжело.

— Дайте, пожалуйста!

— Если вам так хочется...

— Очень хочется!..

Получил книги и понес их как святыню... Золотая коса. Синие глаза. Почему, когда смотришь на вас, то забываешь о всех Карлах, Пипинах и о всех Людовиках, сколько бы их ни было на свете?..

— У вас золотые волосы...

Зоя гордо встряхнула головой и чуть-чуть улыбнулась.

— Я теперь часто вижу вас во сне.

— Один раз и я вас видела...

— Неужели? Как я счастлив!..

— Я о вас не думала... Не знаю, почему... приснились...

— Я постоянно думаю о вас...

— Слышите, как пахнет апельсинами?

— Кто-то играет увертюру из «Кармен»...

Утро было прекрасно; из раскрытых окон неслись то гаммы, то обрывки знакомых пьес; пахло апельсином, сиренью, травой, медом... Люди шли какие-то свежие и радостные, бодрые, и все улыбались. И я, люди, счастлив: мне улыбается Зоя! Теперь она в коричневом платье, а все-таки кажется мне светлой, белой, как белый голубь с коричневыми подпалинами... Отчего?.. На ней — белый фартучек.

Как скоро: уже дошли до гимназии.

— Ну, давайте книги!

Не хочется отдавать книги. Милые книги: их перелистывают Зоины руки.

— Ну, скорей! Опоздаю на молитву...

— Как я хотел бы помолиться вместе с вами...

— Какой вы богомольный!..

О, как она мне улыбнулась! Если бы вы знали, как она мне улыбнулась! Закружилась голова от этой улыбки: поцеловал книги и отдал.

— Возьмите! — сказал я и вздохнул.

Пошла, обернулась, на мгновение задержалась в дверях.

— Зоя Сергеевна! Когда увидимся?

Не слышала...

III

...Уж если повалит счастье, так со всех сторон свалились с плеч все Пипины, Карлы и Людовики... А вечером занимаюсь с Зоей по алгебре... Не понимает решения уравнений со многими неизвестными. А это так просто... Есть два способа... Звали сегодня на пирушку товарищи (ведь все мы сегодня созрели!), да уж, верно, после алгебры... Взял алгебру и так любовно развернул ее, словно сто лет ждал этого случая. Трепетно ищу уравнения!.. Вот они, голубчики! Так... Икс, игрек, дзет... Пишу икс, а с бумаги смотрит на меня друг и брат...

— Обедать!

— Некогда.

— Разве ты не совсем созрел?

— Окончательно созрел. Бесповоротно.

— Так на кой черт тебе эти иксы с игреками?

— Простая любознательность.

— Простынет суп.

— Ну и черт с ним! Икс равен игрек плюс дзет минус абе, деленному на... на... на...

...Простыл суп. Черт с ним, с супом: через два часа — урок по алгебре... Что же, я не лишен педагогических способностей. Но какая ученица! всю жизнь можно просидеть за алгеброй и не почувствовать к ней ненависти. В ожидании урока я деловым шагом меряю комнату и гордо говорю:

— Квадратные уравнения со многими неизвестными решаются двумя способами. А именно...

И представляю себе слушающую ученицу, объясняю, как именно они решаются...

— Не так, Зоя! Не так, голубчик.

— С кем ты разговариваешь?

— Так... сам с собой...

— Не спятил ли от зрелости-то?

Солнышко спряталось за крышами. Протянулись долговязые тени по лужку двора. Уплыл куда-то резкий шум улиц... Только со двора неслется задорный крик ребятишек, азартно сражающихся в бабки: звонко стучат кости и плитки, а потом — взрыв криков, смеха и брани... Нет сил ждать. Лучше пойти потихоньку, прогуляться... Не беда, если придешь немного раньше... Зоя живет самостоятельно: на квартире. Кому какое дело! Для собственного ободрения громко кашлянул и, набросив на голову, по возможности небрежнее, шляпу, с папиросой в зубах для наглядного показания своих прав «созревшего», отправляюсь на урок с алгеброй в одной руке и с корявой палкой — в другой. Прохожу мимо дома № 15 — раз, другой, третий, заглядываю в калитку и решаюсь переступить ее и войти во двор. Немилосердно бьется сердце. Почему? Ведь я не вор, не преступник... Я иду с добрым намерением — помочь в алгебре... Почему влажен лоб и руки? Неряха: не догадался вымыть рук. Чу! — это ее голосок. Сделал серьезнейшее лицо и двинулся вперед.

— Ну, вот и я. Здравствуйте, Зоя Сергеевна!..

Смутилась, вспыхнула румянцем и сказала:

— Страшно что-то. Вы — строгий?

— Я? Строг, но справедлив.

— Я — бестолковая... Предупреждаю...

— А вот увидим...

— Хотите, будем заниматься в палисаднике? Там есть столик...

— Прекрасно! Это очень хорошо...

— Ну, тогда идем...

Палисадник маленький, но густой со старыми березами и акациями. Уголочек большого сада.

Стол — под навесом переплетшихся ветвей. Немного сумрачно. Видно окошко Зоинной комнаты, с белой занавеской, с букетом лиловой сирени на подоконнике... Уселись друг против друга, раскрыли алгебру.

— Итак, уравнения со многими неизвестными...

Говорю как профессор: гладко, без запинок, с уверенностью. Не смотрю на ученицу, а так, больше чувствую, что она, облокотясь на локти, смотрит на меня и внимательно слушает... Переходим к решению задач:

— Берем сперва с тремя неизвестными: икс, игрек и дзет.

Тут уж ничего не поделаешь: надо сесть рядом. Зоя подсела ко мне и опустила головку над иксами и игреками... Что со мной? Почему прыгают неизвестные величины? Я весь во власти обволакивающей меня паутины, невидимо исходящей от белой девушки... Это не чувственность. Нет, это что-то чистое-чистое, как лучи солнца, долго прятавшегося в тучах ненастья и вдруг выглянувшего и облившего и тело, и душу сверкающей лаской и предчувствиями какой-то новой радости... Мое солнце! Оно так близко. Иногда его горячее дыхание струится на щеку, и тогда совсем исчезают на бумаге иксы и игреки... Вот рука, с тонкими, длинными пальчиками, ложится на бумагу:

— Почему икс равен игреку плюс 562 минус игрек квадрат, деленному на...

Боже мой! Почему? Ничего не понимаю...

— Как почему? Очень просто...

Начинаю писать что-то многоэтажное и путаюсь в кружевах иксов, игреков, дзетов, в плюсах, минусах, квадратах... А упавшая с плеча коса золотится на столе под самыми иксами... Пытаюсь выпутаться из получившейся вермишели из неизвестных и чувствую, что гибну.

— Я — бестолковая... — шепчет Зоя, с обидой, почти со слезами в голосе!..

— Попробуем обратиться к другому способу... Маленький перерыв...

— Устали?

— Немного.

— Бедненькая!

Рука бессильно лежит на бумаге. Голова откинулась к стволу старой березы. Синие глаза смежились. А на лице — виноватая улыбка страдающего самолюбия. Бесконечно жаль! Проклятые иксы и игреки! Я коснулся бессильной руки, она вздрогнула пальчиками. Раскрылись синие глаза, ласково сверкнули мне и прикрылись тонкой ручкой...

— Слышите: в саду уже играет музыка! — печально сказал девичий голосок.

Алгебра раскрыта, с укоризной смотрят с бу-
маги иксы и игреки, а из сада доносится музыка.

— Из «Кармен»... Тореадор...

Зоя грустно подпекает:

— «Тореадор, смеле-э-йе... Тореадор...»

— Ну, давайте по другому способу... — неожиданно оборвала она пение и вздохнула: — Вы умный, а я...

— Иксы еще ничего не доказывают. В ваших глазах...

Что-то хотел сказать глубокое и поощрительное, но не вышло: запутался в красноречии. Сели опять рядом и приступили к другому способу. Легкий способ! Быстро поняли и оба засмеялись от удовольствия...

— Вот видите: а говорили, что бестолковая!

— Вы прекрасно объясняете. Спасибо!

В саду играли еще «Тореадора», и когда милая ученица протянула мне руку в знак благодарности, я приложил ее к губам и обжегся...

Зоя закрылась рукою и, погрозив пальчиком, ласково прошептала:

— Не надо!

— Хотите, Зоя, вернемся к первому способу?

— Завтра. А сегодня... Что-то мне хочется послушать музыку.

— Прекрасно!

Она вскинула на меня синие глаза и вдруг потупилась... Словно сказала: «Победитель ты, Галлеянин!»

— В сад?

— Да. Я — сейчас... Переоденусь...

Убежала. Хожу по дорожке вокруг двух старых берез, и ликует моя душа, и хочется на весь мир засмеяться от счастья...

— «Тореадор, смелей-е, Тореадор, Тореадор! Помни, что...»

— Я готова.

Милая! Как к ней идет голубенькая вуалетка! Цветок с родных полей. Взял бы тебя на родину, привез к матери и сказал:

— Мама, вот моя невеста!..

И все, в восхищенном восторге, воскликнули бы:

— Боже мой, как она красива!..

Я шел и потихоньку любовался ею. А она это чувствовала: улыбка не сходила с ее лица, и светлая гордость сияла в нем в розовых сумерках тихого вечера...

Гуляли по безлюдным аллеям, избегая встреч и докучливых вопросов. Никого нам не было нужно и нас — никому. Одни и вместе... О чем говори-

ли? О голубой вуалетке, о том, как странно, что мы встретились вот на этой самой аллее, чужие, далекие, а теперь...

— А теперь?..

— Теперь мне кажется, что мы с вами, Зоя, знакомы сто лет...

— Через сто лет нас не будет...

— А мне кажется, что мы никогда не умрем, а будем жить вечно... На этой лавочке, где вы, Зоя, тогда сидели, я часто потом сидел и думал: есть судьба, которая управляет человеком... Ей, судьбе, зачем-то понадобилось столкнуть нас.

— А вы недовольны?

— Благословляю!

— Да?

— А вы, Зоя, сомневаетесь? Благословляю и этот сад, и эту аллею, и тот день... И алгебру!

— Алгебру!

— Да, и алгебру...

— Дайте руку: кто-то идет, я боюсь пьяных...

Я подал ей руку и почувствовал, как Зоя прильнула ко мне плечом — благодарно и доверчиво...

— Зоя! Зоя! Если бы вы знали!

— Не надо говорить... Я знаю.

— Да?

— Да.

IV

Алгебра прошла благополучно, диплом о зрелости был в кармане, а я не уезжал на родину... Мы решили ехать по Волге вместе, а у Зои оставалась еще геометрия...

— Можно вам помочь по геометрии, а то скучно болтаться...

— Я геометрии не боюсь...

— Нельзя? Окончательно?

Я смотрел так умоляюще, что Зоя покачала головой и сказала:

— Разве... Я не совсем понимаю объем усеченной пирамиды...

— Ну вот. Отлично! Пройдем и разберемся.

— А там... и конец... Еще три дня.

— Так завтра прийти?

— Хорошо.

Два дня я мешал Зое заниматься геометрией. На третий она отказалась от моей помощи.

— С вами хуже...

— Я не буду мешать. Я сяду в уголке и буду слушать и смотреть, как вы занимаетесь.

— Нет.

— Окончательно?

— Да.

— Ну а как же завтра.

— Пойду сдавать, а послезавтра поедем...

— Перепутал... Я думал, мы едем завтра... На «самолетском»?

— Да. Уходит в семь утра...

— Значит, до парохода не увидимся?

Зоя отрицательно качнула головой и сказала, понизив голос:

— До Симбирска вместе, а там... я слезу, а вы — дальше...

И радость, и горе... вместе... Я крепко пожал руку девушки и почувствовал ее ответное пожатие...

— До свидания!

...Томительно тянется день, какой-то ненужный, лишний день в жизни, день, который не знаешь куда девать. О, с какой радостью я подарил бы его тому, кто дорожит каждым днем жизни! Возьмите его!.. Вот идет старенький чиновник и ведет за руку весело лепечущего ребенка. Очевидно, дедушка и внучек. Возьми, дедушка, мой лишний день! — ведь тебе дорог уже каждый час, отдаляющий тебя от смерти, а мне... я вычеркиваю его из своей жизни: сегодня я не вижу Зою... И завтра тоже не увижу: возьми и «завтра»! Нет, «завтра» не отдам: утро мудренее вечера...

А вечер дивный. Горят в окнах призрачные огни заката, и кажется, что это не дома, а замки, в которых пируют рыцари с красными огнями пылающих факелов... Горит на горе золотой купол собора, словно обломок солнца упал с розового неба... Музыка гремит в далеком саду и тихо струится из раскрытых окон: та — зовет на пир, а эта — к тихой, нежной грусти... Снова и грусть, и радость: скоро я буду ехать по родной Волге с любимой, с моим белым голубем, но скоро же и улетит он, белый голубь, от меня... Был в саду и облегчил свою душу воспоминаниями, походил по той дорожке и посидел на той лавочке, где встретился и сидел с Зоей. Послушал грустный вальс, который играл про мою тоску и про мое одиночество, и медленно побрел по улицам, по направлению к дому № 15... Только загляну в калитку и пройду, посмотрю на старые березы, под которыми занимался алгеброй, и скроюсь. Никто не увидит и никто не узнает...

Иду и живу одним ожиданием скорой близости к заветному дому... Вот и улица, лучшая теперь для меня улица во всем городе. А вон и дом, ворота и калитка!.. Замедляю шаги, а то пройдешь — и все кончено: неловко несколько раз заглядывал в калитку... А вдруг... Хотелось верить в чудо, в Божью помощь. Вдруг из калитки выйдет Зоя? Нет!

Пусто... Заглянул; сквозь листву берез и акаций светится в невидимом окне огонек: не спит. На белом фоне занавески шевелится темный профиль... Она: милый профиль любимого лица!.. Проклятая собака залаяла, — думает вор.

— У, дура!

Быстро вышел из калитки и пошел прочь. А собака провожает лаем.

— Да будет тебе, проклятая!

Прибавил шаг и завернул за угол.

— Ух!..

Остановился, снял шляпу и посмотрел в небо. Уже заискрились звезды. Ах, как сильно откуда-то наносит сиренью!.. А музыка в саду поет кларнетами: «Эх, ты ноченька», жалобно, словно плачет... жалеет меня, одинокого...

— «Только был один да мил-сердеченый друг...» — подтягиваю кларнетам, а они отвечают мне:

— «Да и тот забыл меня, горькую...» «Подлец» — браню «мил-сердечного друга» и горжусь силой своей любви: я никогда не разлюблю белого голубя... это — немислимо!..

Смолк город; задумчиво смотрит на него луна и все думает о людях, которые спрятались в больших каменных домах и которые одиноко бродят ночью по пустынным улицам... Медленно потухают звезды, а на кладбище поет соловей... О чем он поет мертвым!.. Быть может, соловей рассказывает им о том, что ничто не изменилось на земле с тех пор, как они зарыты, все так же любят и ненавидят, все так же смотрит на город луна с неба и серебрит купол старого собора... «Не завидуйте, мертвые! — говорит им соловей. — Все эти люди, которые сладко спят теперь в домах и которые одиноко бродят по улицам, все обречены той же участи... И когда-нибудь вот этот юноша, который так счастлив теперь, что не может спать, будет гнить в земле, а другой такой же юноша будет ходить ночью по тихим улицам и не спать от счастья». И луна думает о том же!.. И звезды!.. И тихая, кроткая весенняя ночь!..

— Куку-рекууу...

Запел петух где-то далеко. Какой час? Считаю медленно плывущие с кладбищенской церкви удары колокола. Два. Крепко спит теперь моя Зоя и не знает, что я тоскую... Пойду домой.

Бледно-зеленое небо уже вздрагивало предчувствиями близкого солнца, когда я вернулся в свою комнату. Распахнул створки окна, постоял и послушал предрассветный шепот в саду, за собором, сонное попискивание каких-то птичек, похожее на золотую арфу гудение телеграфных проволок на столбе под окном, глубоко медленно

вздыхнул и, прошептав: «хорошо на свете!», стал раздеваться... Лег, вытянул усталые ноги и, умиротворенный сознанием, что я любим, перекрестился.

— Благодарю тебя, Господи!

Закрыв глаза, улыбаюсь своему счастью и отдаюсь неясным, легким трепетам души, словно слушаю далекую, нежную музыку...

Не спал, а плавал на золототканых грезах дремотной фантазии полюбившего, любимого и юного... Сны голубые, белые, прозрачные и пугливые... Синие глаза, золотистые волосы, опущенные ресницы, улыбка на розовых, как утренняя заря, губах... Все плывет в дремотном тумане и сливается с шепотом деревьев в саду за забором, с щебетанием просыпающихся птиц и запахом умывающейся росой сирени...

— Благодарю тебя, Господи!

Заснул сладко и крепко и спал, как хорошо накормленный матерью грудной младенец. Заползла муха в раскрытый рот — разбудила...

Город шумит, поет, торопится, бранится. Трепещат на мостовой кованные железом колеса, кричат продавцы зелени, молока, мороженого, гнусаво поют стекольщики и угольщики, ругаются на дворе соседние по квартирам кухарки, кудахчет курица, дерутся воробьи, где-то звонко колотят молотками каменщики. Солнце смеется в окно...

— Эх, проспал: Зоя теперь уже на экзамене, не поймает ее у калитки!..

Умылся прямо из водопроводного крана: вода — как лед. Окатил ею голову — приятно. Словно новая голова выросла, умная и бодрящая...

Выпил у раскрытого окна стакан чаю с душистым лимоном и мягкой, вкусной булкой и начал укладываться. Разбирал учебники, одни откладывал — можно продать букинистам, — а другие бросал на пол, и они валялись там, как трупы в мертвецкой... Ах, алгебра!.. Раскрыл алгебру на квадратных уравнениях и, поцеловав иксы с игреками и дзетами, любовно уложил в чемодан... Напевал: «Прощай, милая, надолго, навсегда, уезжаю я в низовы города», рвал конспекты, хронологии, сочинения по русскому языку, тетради с экстемпоралиями...

— Ах, Пипин Короткий! Мое почтение! Как поживаете, черт бы вас подрал!

В клочки рвал «Историю средних веков» Иловайского и приговаривал:

— Вот так! Вот так! Карлы, Людвиги, Хлодвиги, Святые, Лысые, Толстые, Благочестивые!..

— Войдите!

— Вам письмо.

— Ага!

От мамы... «Милый Геня! Почему ты молчишь? Мы беспокоимся: не провалился ли ты из-за проклятого латинского или греческого...»

— Списал, мама, на четверку!..

«Ради Бога телеграфируй, здоров ли».

— Здоров, милая мамочка, и счастлив... Очень!

«Сегодня видела сон: будто ты пришел домой худой, истерзанный, и говоришь: "Прощай, мама, я умер"...»

— Жив, мама, жив! И даже очень!..

«У нас гостит твоя троюродная сестра Калерия, которую ты никогда еще не видал».

— Да нет и особенного желания, мамочка!

«Красива, но взбалмошна, бросила мужа и с ребенком прикатила к нам. Ни капельки не тоскует: поет и хохочет, как девчонка, а ей уже двадцать четыре года. Ждет тебя — хочет, зачем-то, учить латинский язык... Вообще — пустая особа, и я очень не рада этой гостье: бесцеремонна и беспардонна». — Ну и черт с ней!..

V

— Прощайте!

Все ли? Чемодан тут... Подушка с одеялом... Палка... Плед... Гитара...

— Трогай!

Мягко покатила пролетка по лужку двора и потом громко застучала по мостовой. Ну, слава Богу! Все идет прекрасно... Как приятно уезжать... С любовью смотрю на знакомые улицы, на прохожих и проезжих: так бы и раскланялся! Вон знакомый крендель над булочной. Вон «Парикмахерская», где меня стригли... Театр, почта, золотоголовый собор, сад...

— Прощай, сад! Спасибо!

Выехали из города; потянулась слобода с шумливыми мелочными лавочками, трактирами, пивными, ломовыми извозчиками, безграмотными вывесками... Вон: «Карасин, Паперосы, а также Чай и Кофей»...

— Прибавь! Прибавь! Опоздаем. Пароход уходит в восемь.

— На этот опоздаешь, на другой попадем! Их много отходит...

— Мне нельзя на другом, а надо на «Самолет».

Уже близко пристани: клубится дым пароходных труб, гудят свистки, то басом, то дискантом, обгоняют спешащие на пароходы пассажиры... Скорей! Подскакиваю на пролетке, помогаю лошади и тычу в спину извозчика...

— Тпру!

— Вишь, и не опоздали. Зря горячился, гнал... За это надо прибавить.

— Матрос, на пароход!..

Матрос забрал в руки все мое имущество, и мы торопливо зашагали по скрипучим мосткам.

— Какой пароход?

— «Гоголь».

— Свисток был?

— Два. Сейчас отваливает...

Торговцы, рассеявшиеся вдоль мостков, хватают за полы и за руки, предлагая колбасу, семгу, булки, чулки, гребешки...

— Куда мне к черту!

Гудит последний свисток, а они... Вот дурачье. Дорогу!

...Уф! Наконец-то! Теперь уж спокойно. Она где-нибудь здесь... Да вон она, у перил балкона!.. Внимательно ищет кого-то глазами, ждет и страшно волнуется... Конечно, меня. Милая, как она волнуется! Не спешу успокоить: очень уж радостно видеть, как она ждет меня. Снимают трап. Зоя перегнулась через перила. Оглушительно зашумел под колесом пар, пароход вздрогнул и стал медленно отдаляться от пристани... Что с ней? Отирает платочком слезы...

— Зоя!

Обернулась и радостно схватила за руку, а в глазах — слезы...

— Вы здесь? Когда? Как же это так... Я провонила вас...

Звонко смеется, лицо рдеет румянцем, и не знает, что еще сказать.

— Вы... плакали, что ли?

— Нет... О чем мне плакать?... Что-то попало в глаз...

— Не надо тереть...

— Вы во втором классе?

— Да. А вы?

— Я — тоже.

Улыбнулись друг другу и стали быстро ходить по балкону вокруг парохода...

— Ах, как я люблю Волгу и пароход! А день-то какой! Как стекло вода... Чайки! Давайте кормить чаек!

Мы бросали чайкам кусочки белого хлеба, и чайки на лету ловили их, ныряли в воздухе над кормой парохода и дико вскрикивали, встряхивая крыльями... Кругом налаживалась своеобразная речная жизнь: под шум хлопающих по воде колес пассажиры читали, дремали, слонялись по палубе, распивали чаи, позванивали посудой и ложечками, а некоторые уже аппетитно поедали рыбные солянки и сочные бифштексы с кровью... Бежали взапуски звонкоголосые ребятки, где-то внизу повар рубил «под польку» котлеты, и, как улей, гудел чернорабочий люд... Надоело Зое кормить чаек.

— А знаете, я сама не прочь бы покушать.

Уселись в рубке и стали совещаться, что бы заказать на завтрак... И во всем мы находили повод смеяться, радоваться, и, должно быть, наши глаза не могли скрыть того, что было в сердце: когда я в ожидании завтрака пошел к себе в каюту, чтобы придать своей шевелюре наивозможнейший поэтический вид, лакей постучал в дверь, приоткрыл ее и сказал:

— Супруга вас ждут кушать!

Это была столь приятная неожиданность, что я не стал опровергать ошибки:

— Скажите, что я сейчас приду...

— Слушаюсь.

Кушаем. Изредка взглядываем друг на друга и смущенно улыбаемся. Зоя хозяйничает, угощает... Наклоняясь друг к другу, тихо подтруниваем над пассажирами, вскакиваем смотреть на встречные пароходы, машем платками и снова бежим к столу... На нас смотрят с завистью одинокие мужчины и заглядываются на мою золотоволосую спутницу... Нахалы! Злобно бросаю на них уничтожающие взгляды, прошу Зою сесть к ним спиной. Слава Богу, поняли, болваны, что рискуют нарваться на человека, который не привык шутить. Я называю мою милую — Зоей, она меня — Геннадием... И в этом — неизъяснимая прелесть. На «вы», но без величания — и в этом есть красивая простота, и чистая близость, и бережное отношение к своему счастью... Мягко вздрагивает пароход всем корпусом, и весело позванивают на столе бокалы и рюмки. Я прикрыл лицо рукой и смотрю через промежутки пальцев на Зою... Боже мой, какая это красота! Не оторвешься. И опять всего меня обволакивает излучение этой красоты, как во время занятия алгеброй, в палисаднике. Я опьяняюсь этой красотой и тону в ней, растворяюсь...

— Геннадий! Вы о чем задумались?

Дает же Бог человеку такой голос! Сердце сжимается от этого голоса.

— Благодарю Тебя, Господи! — шепчу я и, отняв от лица руку, не могу оторвать глаз от девушки.

— Вы молитесь Богу?! А стерлядь в томате? Не хотите?

Даже о стерляди у нее выходит поэтично и удивительно мило.

— Стерлядь... Буду, буду!.. Разве можно отказываться, когда вы говорите о стерляди?..

Протяжно загудел свисток парохода: пристань... Оба вскочили из-за стола... Зоя подхватила меня под руку, а рука ее прикрыта концом накинутой на плечи толковой тафты... В дверях наскоро отодвинул шелк и на одно мгновение кос-

нулся тонкой руки губами. Не заметила, а может быть, не хотела заметить: иногда в ее глазах сверкал хитрый огонек... Стоим у перил и смотрим на суетню по берегу. Рядом стоит пожилая женщина в платочке, с сочувственной улыбкой смотрит на нас и ласково спрашивает:

— Молодожены вы, что ли?

Зоя покраснела и, отвернувшись, сморщила лоб и пристально уставилась на береговые горы, а я покачал отрицательно головой...

— Сестра? Больно уж дружны. На редкость... Теперь братья-то с сестрами как собаки с кошками, а вы... Даже приятно смотреть. У нас чтобы брат сестре когда-нибудь руку поцеловал, этого никогда не увидишь!..

Зоя убежала в рубку и, когда я вернулся туда, надула губки и не смотрела на меня... Подошел лакей с салфеткой подмышкой и спросил:

— Кофе или чай прикажете?..

— Кофе.

— А вашей супруге?

Зоя вскочила и убежала в свою каюту...

— С чего вы взяли, что это — моя супруга?

— Виноват-с!.. Я так полагал... Ошибся...

— Идите! Ничего не надо. Не пожимайте, пожалуйста, плечами!..

— Я не пожимал-с...

— Нет, пожимали! И опять пожимаете...

— Это по привычке-с.

— Очень скверная привычка.

Я сердито бросил нож и вышел из-за стола. Испортили отношения. Мерзавцы! Какое им дело: муж я, или брат, или сват...

Я ходил кругом парохода и искал Зою... Скрылась... Стоит обращать внимание на такую глупость!.. Эх! Спряталась. Рассердилась. На что? Разве я виноват?.. Ну, извини, прости, пожалею...

А время бежит. И так недолго быть вместе, а тут еще эта история... Где ее каюта? Иду и прикидываю умом, которое окно ее каюты... Вот это!.. Слегка, осторожно, боком взглянул на окно, и вдруг оно опустилось и стукнуло: закрылось решеткой... Как это понять? За что? У меня навернулись слезы, и весь я как-то разом ослабел и упал духом... Неужели все кончено? Я присел на лавочку под Зоиним окном, опустил голову и закрыл глаза. Мерно вздрагивал я вместе с пароходом, и в голове моей носились мысли о том, что нет на свете ничего прочного и вечного и что не стоит жить... Эх ты!.. А я думал, что ты действительно любишь сильно и красиво... Не любишь!

Опять ходил кругом и снова присаживался под загадкой захлопнутого окна. Не открывается. Постучать? Неудобно и обидно: я не нищий, про-

сящий подавания, а... Я не находил для себя подходящего определения... Все слова казались маленькими или пошлыми...

Опять гудит пароход, опять пристань, суетня, ругань грузчиков, торопливая команда капитана, свистки, грохот сходней, и пароход снова бежит в голубую даль водяной равнины, туда, где на высоких горах стоит белый в зелени город Симбирск... Там с парохода сойдет мой чистый белый голубь и оставит меня с моей тоской и разбитыми грезами... Не беги так быстро, пароход! Не гонись за быстротечным временем! Ты снова вернешься к этим берегам, а мое счастье унесешь, и оно не возвратится. Быстро несутся полые воды разлившейся Волги, крутятся водоворотами, пенятся мохнатой пеной под кормом и помогают пароходу догонять время... Нельзя остановить... Что же делать? Что делать?.. Господи, помоги мне!

Я ушел в свою каюту и написал на клочке бумаги: «Кто любит сильно, тот ничего не боится. Я не виноват, что не мог скрыть от шпионов своей любви. Да и зачем, любя, притворяться, что не любишь? Я должен знать: любим мы друг друга или притворяемся?» Побродив по коридорчику, я выбрал момент и втолкнул запирочку под дверь Зоиней каюты... Хожу вокруг парохода и, как преступник — приговора, жду ответа. Сел под окошечком, за которым будет произнесен приговор над моим счастьем, и спиной, через стенку каюты, ловлю каждый шорох, каждый звук там, за стенкой... Что это? Смех? Издевательство? Не может быть!.. Кровь бросилась в лицо, а потом захотелось упасть на лавку и разрыдаться. Но за спиной раздался осторожный стук и шорох отодвигаемой решетки, и я вздрогнул словно от электрического удара, но боялся обернуться.

— Милый, мне стыдно... — прошептал кто-то сзади, и снова стукнула оконная решетка...

Я быстро обернулся к окну, но было поздно. Неудержимая радость хлынула в мою душу и затопила ее до краев. Я вдруг расхохотался, сорвался с места и стал, как сумасшедший, кружиться по палубе.

— Какой я идиот! Какой идиот! Какая дубина! — вслух бранил я себя и, выбрав момент, когда вблизи никого не было, проворно перекрестился и прошептал:

— Благодарю Тебя, Господи!

И опять засверкала Волга под солнцем, и засверкала моя душа, и запрыгало сердце...

— «О, Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» — декламировал я, стоя на носу парохода под теплым встречным ветерком, трепавшим мои

волосы под широкополой шляпой, и радостно и жадно смотрел вперед, навстречу своей судьбе...

Однако время уходит... Близится вечер: под горами уже легли на воду тени... Опять загудел пароход: пристань... Как часто!

VI

«Солнце село, до Симбирска всего пять-шесть часов езды, а ты... Ведь — "ты"? да?.. А ты прячешься. Времени осталось мало, а нам так много надо сказать друг другу... Я жду и тоскую» — моя записка.

«Пусть немного стемнеет, я надену другое платье, покроюсь платочком и сяду на корме. Ты придешь. З.» — ее записка.

«Не могу ждать. Открой хотя наполовину окно каюты, а я сяду под ним. Если не откроешь — значит, мало любишь. Г.» — мое возражение.

В ответ стукнуло окошечко, и в его рамке нарисовалось пунцовое от стыда личико с опущенными ресницами... Даже уши горели под золотом волос. И смущенная улыбка чуть-чуть шевелила губы.

— Нехорошо так думать, как... вы... обо мне...

— Вы?

— Ну... ты...

И отвернулась...

— Можно к... тебе?

— Нет, нет...

— Ну, сядь хотя к окну!..

— Мне стыдно говорить «ты»... Я... люблю... но говорить так... не могу...

Милая!.. Почти плачет... Ну, Бог с тобой, будем опять на «вы»!..

— Сядьте к окну. Я прошу вас, Зоя Сергеевна!

— Хорошо. Но вы... рассердились? да?

— Да нет же, нет!

Уселись: я под окном, она — у окна. Тихо, не глядя друг на друга, переговариваемся:

— Еще несколько часов и — прощайте! Надолго...

Вздых. Молчание.

— Забудете?

— Нет. Будем переписываться...

— Я буду тосковать и жить только вашими письмами.

— Зажигают маяки...

— Как красивы эти красноватые и желтые огоньки над фиолетовой водою! А горы уже нахмурились.

— Вы, Зоя, долго пробудете в Симбирске?

— Нет, сейчас же уеду: там будут ждать лошади... Прямо с пристани в тарантас и...

Вздых. Молчание.

— Я тоже буду скучать по вас, Геннадий.

— Милая! Протяни мне руку.

— Боюсь — увидят...

— Ради Бога! Люди далеко...

Тихо дотронулась до моего плеча, и щека моя ощутила теплоту и слабое прикосновение. Я закрыл глаза и, повернув голову, коснулся руки губами.

— Идут.

Синим и розовым туманом подернулись речные дали. Ярко краснел маяк в луговой стороне. На кожухе парохода зеленеет отблеск сигнального фонаря; на мачте, высоко под небом, как звезда, лучится синеватый электрический огонек. Темной стеной бегут в темную даль прибрежные горы... Уже доносятся с них обрывки соловьиных песен. Из горных оврагов порой, вместе с влажной прохладой, прилетают пряные запахи цветущей земли... На пароходе стихло: одни поддались нежной грусти и мечтательности; другие, плотно пообедав, спали по каютам. У всех уже пропала любознательность по отношению друг к другу... Я ходил, напевал: «Что же не приходишь, мой неверный друг?» и поглядывал на светящееся занавешенное окошечко... Погасло: значит, переделась и сейчас выйдет... Обогнул нос парохода и потянул на корму. Она!.. Как молоденькая послушница из монастыря... Темненькая, скромненькая, кроткая... Кутается в шаль, прячет милое личико и подбородок, а глаза потемнели, как небо, и сверкают, как звезды. Золотистая прядь волос бьется над головой, и во всей фигуре — застенчивое ожидание...

— Как ты изменилась! Ты похожа на монашенку...

— Теперь никто не узнает...

Я сел рядом, совсем близко. Наши плечи касаются. Она еще больше спряталась под шалью. А шаль спрятала наши руки, и они жмут друг друга и говорят о том, как мы счастливы. Проходят мимо люди и не видят, что наши руки сплелись и без слов рассказывают о тайнах взаимности...

— Любишь? — спрашивает моя рука.

— Крепко! — отвечает рука девушки.

— Не забудешь?

— Никогда!

— Счастье! Радость! Как передать тебе грусть и радость моей любви?

— Молчи — я знаю...

— Зоя! Посмотри, как смотрят на нас звезды!

— Им завидно.

— Слышишь, как грустит в лесу на горах соловей?

— О чем?

— О том, что скоро-скоро мы расстанемся...

— У-уууууу! — кричит свисток парохода, и испуганно сжимаются наши сердца мыслью: «Скоро — разлука!» А в горах — это: «уууу!»...

Ночь, темная, безлунная. Только огромные звезды трепещут в темной синеве небес, мешаясь с огнями далеких встречных пароходов. Плотнее прижимаемся друг к другу, словно боимся, что Кто-то всемогущий встанет между нами...

— Поцелуй меня!

— Опомнись! Что ты говоришь?!

А сама прижалась еще ближе и нервно вздрагивает и оглядывается по сторонам. Зачем? Боятся ли, что кто-нибудь услышал неосторожное слово, или хочет и боится поцеловать? Кто скажет? Об этом знают только звезды, но они не скажут даже мне... Прошел какой-то одинокий человек и оглянулся на нас. Уходи! — не твое дело...

— Поцелуй!

— Потом... после...

— Не обманешь?

Пожала руку и шепнула:

— На прощанье! Пойдем пройтись... Тут — любопытные...

На прощанье!.. Опять защемило сердце... В загадочной зловещей темноте нагорного берега то мигали, то потухали искры огней, словно кто-то подавал условные знаки нашему врагу.

— Какая пристань?

— Симбирск! Далеко его видать: на горах он.

Мы прижались друг к другу и молчали, устремив взоры в темноту, где все чаще вспыхивали зловещие огни невидимого города.

И любил я этот город, и ненавидел... Милый, родной город, береги мое счастье! Проклятый! — ты разлучаешь нас...

— Надо собираться, — грустно сказала Зоя и глубоко так вздохнула.

— Рано еще... Погоди!.. Я помогу тебе.

— У меня все разбросано...

— Пойдем: не хочу смотреть на твой Симбирск!.. Взорвал бы твой Симбирск на воздух, а тебя увез бы с собой. Я тебя не пущу...

— Ой! Больно руку... Надо собираться. Пусти!

Она забеспокоилась о вещах, заговорила о расплате с прислугой, о каком-то письме, о лошадях, которые должны ждать ее в Симбирске. Она уже наполовину была не со мной, и это больно обижало мое чувство. «Забудешь!»

— Что вы говорите?

— Опять — «вы»!

— Надо идти... Пока до свидания...

— А ты не забудешь?

— Что?

— Что — обещала.

— Что обещала?

— Эх ты!.. Поцеловать...

— Да.

Вырвала руку и побежала в свою каюту. А я подошел к окну с намерением полюбоваться на моего голубя последние минуты.

— Нельзя: у меня все разбросано...

Окно закрылось решеткой. Я постоял перед темным окном и, отойдя к перилам, погрозили горящим в темноте светлякам-огням города:

— Проклятый!

А он не боялся и все ярче и гуще разбрасывал свои огни на высоких темных горах.

— Вот и Симбирск! — произнес кто-то в темноте с радостью в голосе.

— Ну а что же дальше? — сердито бросил я в темноту.

— Ничего! Симбирск, говорю.

— Вижу. Не слепой...

— То-то и есть! Слезать мне.

— А мне какое дело? Сделайте одолжение, я не задерживаю.

— Уж конечно, вас не спрошусь, а сам слезу... Губернатор какой!

Невидимый пассажир пошел в одну сторону, я — в другую.

— Зоя! Можно?..

— Ннн... ну уж ладно, идите...

— Давайте я затяну ремни!

Схватил чемодан, злобно уперся в него коленом и, натянув ремень изо всех сил, оборвал пряжку.

— Эх, черт!.. Пряжки! Ну да обойдемся и без нее... Готово!

— Кажется, все...

Зоя печально огляделась по сторонам, задумалась, потом посмотрела с жалобной улыбкой на меня. Вздохнула и повторила:

— Теперь все...

И опустила голову... А я поднял голову, встряхнул волосами и взял ее руку.

— Ну, скажи мне что-нибудь на прощанье!

— У-уууу! — загудел свисток...

Зоя торопливо перекрестилась.

— Я жду...

Девушка рванулась ко мне и вдруг, закрыв лицо руками, остановилась. Я привлек ее к себе и поцеловал в щеку.

— Не забудешь?

— Нет.

— Уверена в этом?

Она не ответила, только кивнула и сконфуженно взглянула мне в глаза...

На палубе беготня, за окном — шум и перекрестный говор. Пристали.

— Пора!

— Пора.

— Милая, голубок мой!.. Пора.

— Надо матроса.

— Свободен? Бери вещи!..

— Ну, будь здоров, не грусти...

— Нет, нет, я провожу тебя... Человек! Перенесите мои вещи в эту каюту: я хочу — здесь, в твоей...

Гуськом спустились вниз по винтовой лестнице и с волною народа проплыли на пристань.

— Барышня! Барышня! Я — здесь...

— А, Семен! Приехал?

— С утра жду. Давай-ка вещи-то, сам донесу...

Семен отобрал у матроса вещи и поволок их на берег. Мы шли позади молча и не знали, о чем говорить... Загудел свисток парохода, я схватил обе руки девушки и стал их покрывать жадными, торопливыми поцелуями. Она приостановилась и, освободив руку, перекрестила меня:

— Иди, милый!.. Все равно уж...

А в голосе — дрожь и близкие слезы...

— Ууу-у-у!..

— Прощай!

— Не забывай!

Расстались. Ушла и быстро исчезла в темноте... А я, вбежав на балкон парохода, долго вперялся в темноту ночи и жадно вслушивался: не звенят ли на горе колокольчики. Мешают: шумят, стучат, бранятся на пароходе и на пристани, дрожит и ворчит пароход, кто-то где-то плачет, и кто-то смеется... И в третий раз загудел пароход, и гулким эхом отозвалась ему темнота: «у-у-у»!

— Прощай! Может быть, ты тоже смотришь с горы на огни парохода и говоришь мне «прощай»! — Да, ты смотришь, я это знаю, и думаешь обо мне... И, может быть, ты, как и я, отираешь платком слезы...

Убегал пароход во мрак ночи, все дальше и дальше... А я стоял и смотрел на мигающие мне огни города, отнявшего у меня любимую девушку. Но вот огни стали прятаться, редеть и потухать. Тьма и звезды, вверху и внизу — тьма и звезды!..

— Прощай!

Продолжение следует.

Публикация Анастасии Назаровой и Марии Михайловой

Гарольд Томпсон РИЧ

Гарольд Томпсон Рич (1893—1974) — американский писатель, работавший в жанре научной фантастики. Автор книги «Отродье кометы», рассказов «Черный ящик», «Летучий город» и др. Рассказ «Затонувшая империя» был напечатан в журнале *Astounding Stories of Super-Science* за январь 1931 года.

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение», учится в магистратуре Российского государственного гуманитарного университета.

ЗАТОНУВШАЯ ИМПЕРИЯ

-Профессор, вы действительно рассчитываете отыскать затерянный континент Атлантиду?

Мартин Стивенс повернул к репортеру суровое бородатое лицо. Интервью было посвящено торпедо-субмарине «Нереида» — его детищу, которое сейчас стояло на якоре у причала в Бруклине.

— Молодой человек, у меня и в мыслях нет искать Атлантиду.

Начинающий журналист Ларри Хантер растерялся, однако отступать не стал:

— Но мне казалось, вы планировали исследовать дно Саргассова моря?

— Верно, — признал профессор Стивенс. Бородатое лицо неожиданно расплылось в улыбке, а в голубых глазах мелькнул веселый огонек. — Вот только Саргассы — регион размером почти с целую Европу. Там есть и другие древние земли, ушедшие на дно гораздо позже Атлантиды, которая затонула, согласно Платону, в 9564 году до нашей эры. Я намереваюсь отыскать не столь древний континент, а точнее, остров — Антилию. В наши дни на поверхности находится лишь ее часть под названием Вест-Индия.

— Антилия? — с удивлением повторил Ларри Хантер. — Никогда о ней не слышал.

Профессор снова наградил журналиста суровым взглядом:

— Молодой человек, вы много о чем не слышали. Антилию можно назвать недостающим звеном между Атлантидой и Америкой. Именно там сохранилась культура атлантов после того, как ужасающая катастрофа уничтожила их родину с 70 миллионами жителей. А после того, как и Антилия утонула, антилианцы переселились в колонии в Мексику и Перу.

— Боже мой! Вы ведь не хотите сказать, что и майя, и инки родом с того острова Антилия?

— Нет. Я хочу сказать, что они родом из Атлантиды и что Антилия была промежуточной остановкой. В Новом Свете они возвели среди джунглей удивительные пирамиды. А за тысячи лет до того атланты основали в Египте первые династии фараонов. И фараоны тоже строили пирамиды.

— Ну и ну! — выдохнул усердно скрипящий карандашом Ларри. — Какая потрясающая история!

— Для широкой публики, быть может, и потрясающая, — последовал бесстрастный ответ. — Но

в среде исследователей античности эти постулаты широко известны и общеприняты. Остается лишь добыть конкретные доказательства и представить их всему миру. Именно это и является целью моей экспедиции.

После еще более торопливого скрипа карандаша последовал новый вопрос:

— Но почему вы не отправляетесь прямо в Атлантиду, чтобы сразу поймать, так сказать, золотую рыбку?

— Потому что тот континент затонул так давно, что вряд ли по прошествии стольких веков уцелело хоть одно материальное свидетельство. А Антилия, по мнению археологов, утонула не ранее 200 лет до нашей эры.

— Разумно, — согласился Ларри. — А теперь вы не могли бы рассказать немного о вашем изобретении?

— С удовольствием, если, конечно, это будет хоть кому-то интересно. Что именно вы хотите узнать?

— Во-первых, что значит «Нереида»?

— Морская нимфа. Это слово родом из латыни и греческого. Означает «дочь бога морей Нерея». Подходящее название, верно?

— Замечательное. А почему вы классифицируете ее как торпедо-субмарину? Чем она отличается от принятых на вооружение во флоте?

Стивенс не сдержал улыбки. Это было все равно, что расспрашивать, в чем разница между солнцем и луной, когда из общего между ними только округлость. Тем не менее он охотно перечислил сделанные им главные модификации.

Пожалуй, главным новшеством стала движущая сила: субмарина приводилась в действие за счет так называемой вакуумной турбины — устройства, засасывающего воду возле носа и выплевывающего его около хвоста. А заодно очищающего морскую воду в питьевую и извлекающего из нее достаточно кислорода, чтобы поддерживать пригодную для дыхания атмосферу.

Конструкция «Нереиды», как пояснил профессор, была уникальна: она позволяла погружаться на такие глубины, где давление раздавило бы обычную субмарину. Выдвижные телевизионные «глаза» обеспечивали обзор на 360 градусов. Команда при желании могла выходить через шлюзы для исследования дна.

Последнее стало возможным благодаря спецкостюмам, спроектированным по тому же принципу пневматического движения, способным надуваться в достаточной степени, чтобы выдержать давление воды. А также оснащенным устройства-

ми для приема и передачи вибросигналов, посредством которых можно поддерживать связь с оставшимися на борту.

Карандаш Ларри порхал по бумаге, а профессор Стивенс продолжал распространяться о технических подробностях, упомянув, что потратил на свой проект последние десять лет жизни и большую часть состояния.

— Но все это скоро окупится, не так ли? Ведь там, на дне, осталось множество переполненных золотом испанских галеонов и пиратских кораблей?

— Несомненно, они там есть, — последовал спокойный ответ. — Но моя цель, молодой человек, вовсе не поиски сокровищ. Величайшей наградой для меня будет хотя бы малейший признак древней цивилизации.

После услышанного начинающий репортер стал относиться к Стивенсу со смесью уважения и изумления. В привычной для него жизни, полной мирской суеты, люди совсем иначе относились к «презренному золоту». Ах, как бы он хотел тоже отправиться с ним! Пусть профессору достаются древние статуи, или что там ему хотелось найти... А уж лично он, Ларри, с удовольствием набьет карманы испанскими дублонами и песо!

Из состояния транса журналиста вывел громкий стук в дверь. На пороге появилась жизнерадостная девушка в кремовых бриджах и зеленым жакете.

— Пап, можно войти? — Она слегка замешкалась, заметив, что профессор не один.

— Дорогая, кажется, ты и так уже вошла.

Профессор встал из-за стола и шагнул вперед. Затем повернулся к Ларри, который тоже поднялся на ноги:

— Мистер Хантер, позвольте представить мою дочь Диану. Она работает у меня секретарем.

Ларри пожал ей руку:

— Приятно познакомиться, мисс Стивенс.

Юноша говорил это абсолютно искренне: вряд ли нашелся бы человек, которому могла быть неприятна Диана с ее рыжевато-золотистыми локонами и смуглой кожей. Ее глаза были умные, как у отца, с таким же озорным огоньком, и еще более пронзительно-голубого оттенка.

— Она будет стенографировать все наши наблюдения, — добавил Стивенс, к немалому удивлению Ларри.

— Что? Вы хотите сказать, что... что...

— Разумеется, он имеет в виду, что я участвую в экспедиции, если вы об этом хотели спросить, мистер Хантер, — заверила его девушка. — Вы

можете привести убедительную причину, почему мне не следует делать этого? В наше время, когда, например, женщины-пилоты летают по всему миру?

Даже если бы Ларри пришло на ум веское возражение, он бы не стал его озвучивать. Но, что неоспоримо, с этого момента его мысли потекли в совсем ином направлении. Значит, Диана — богиня охоты, Диана-охотница! И он, Ларри Хантер! Охотник и охотница вместе!¹

Ах, как бы он хотел отправиться с ними! Какое увлекательное приключение — охотиться на древности на дне океана!

«Какая нелепая мечта», — поправил его голос рассудка. В конце концов, он всего лишь репортер, чья участь — писать о чужих приключениях, а не принимать в них участие. Юноша отложил бумагу и карандаш и начал собираться.

В дверях он остановился:

— Ах да, еще вопрос напоследок. Профессор, когда вы отплываете?

Отец с дочерью быстро переглянулись. Диана хитро улыбнулась:

— Папа, почему бы не рассказать ему?

— Но, дорогая, мы не сообщали это другим газетам, — запротестовал старый ученый.

— В таком случае мы предоставляем мистеру Хантеру эксклюзив.

Теперь ее улыбка предназначалась Ларри:

— Это то, что вы, газетчики, называете... сенсацией, не так ли?

— Именно так.

Профессор кивнул в знак согласия:

— Что ж, мистер Хантер, мы отплываем сегодня ночью.

Сегодня! Это и впрямь была сенсация. Если поторопиться, он успеет как раз к вечернему выпуску.

— О... огромное спасибо, мисс Стивенс! Это точно займет первую полосу газеты!

Уже взявшись за ручку, он оглянулся и добавил:

— И вам большое спасибо, профессор. Желаю удачи!

Торопливо пожав руку на прощание и получив еще одну улыбку Дианы, он стремительно выбежал из дома, не замечая, что пара голубых глаз провожала его задумчивым взглядом, пока он не скрылся из виду. Ларри и не подозревал, что произвел очень благоприятное впечатление на Диану; ему казалось, что вышло наоборот. Пока он торопился к метро, почти все его мысли сосредоточились на жизнерадостной светловолосой богине.

Очень скоро она уплывет на борту «Нереиды» к загадочным водам Саргассова моря, в то время как он через несколько мгновений поедет в вагоне подземки в сторону скучного, обыденного Ист-Ривера².

Ну уж нет — будь он проклят, если не решится!

Внезапно его осенила блестящая идея. Юный журналист развернулся, подбежал к ближайшей телефонной будке и набрал номер редактора отдела новостей.

Сенсация? Нет, всего лишь первый выпуск новостей. Это будет такая сенсация, что ее хватит на целую книгу!

Редактор выразил согласие.

Когда «Нереида» ночью отчалила от причала в свое необычайное путешествие, на ее борту находился безбилетный пассажир.

Продолжение следует.

Перевод с английского Евгения Никитина

¹ «Хантер» (hunter) по-английски — «охотник».

² Пролив, разделяющий районы в Нью-Йорке (Прим. переводчика).

БОКСЕРСКИЕ ТАНЦЫ У КРЕМЛЕВСКОГО ГОНГА

Он был звездой первой величины. Буквально ворвавшись в большой спорт, боксер Николай Федорович Королев на долгие годы воцарился на его олимпе. Десять лет подряд никто в СССР не мог обойти его в борьбе за чемпионский титул. На пятнадцати международных соревнованиях он играючи разбросал своих соперников, все бои закончив в первом раунде чистым нокаутом. Фанаты ринга уже с ночи занимали очередь за билетами в спортзал или на стадион, где должен был выступать их непобедимый кумир — чемпион-тяжеловес, мастер сокрушительного удара, великолепный тактик поединка в кожаных перчатках.

Характер Николая Федоровича был под стать его спортивной сути. Волевой и честный, прямой и неравнодушный к трутям от спорта, Королев открыто выступал на стороне правды, интересов страны и настоящих спортсменов. Невзирая на разного рода намеки на неуживчивость и неблагодарность, он постоянно гнул свою линию, критиковал некомпетентных руководителей Главного управления по делам физкультуры и спорта на собраниях и в печати. В условиях культа личности Сталина делать это было крайне опасно, поскольку вся верхушка физкультурной пирамиды состояла сплошь из номенклатурных работников, зачастую тесно связанных с НКВД-МВД. Рассудительный Королев понимал, что ему отнюдь не повредит выход на элитные этажи государственного аппарата и его известных лидеров. В середине 1949 года ему удалось встретиться с самим всеильным Лаврентием Берией.

Линия Николая Королева была ясна. Он хотел участвовать в международных соревнованиях боксеров-профессионалов. Естественно, при этом он ставил вопрос о необходимости культивировать профессиональный бокс в Советском Союзе. Такие взгляды он стал развивать сразу после окончания Второй мировой войны. И не без основания. Футбольные и шахматные соревнования с зарубежьем показали высокий класс советских спортсменов. Наверняка победа Михаила Ботвинника еще больше подтолкнула Королева к решительным античиновничьим действиям. Почему не дать боксерам возможность прославить СССР в мирное время так же, как они это делали в военное время? Свою спортивную форму Королев расценивал как вполне достойную для бойца, стремящегося завоевать звание чемпиона мира. Он откровенно признавался, что таким путем хотел бы обеспечить себе старость и обогатить государство. Все его побе-

доносные выступления на рингах города, в том числе на стадионах, ВСХВ и в Останкинском парке, доказывали серьезность планов именитого спортсмена.

Беседа с Лаврентием Берией — ее Королев расценил как «теплый прием», — очевидно, в какой-то мере воодушевила выдающегося спортсмена, уставшего от непонимания своего многоликого начальства. Тем более что его грозный собеседник прямо пообещал ему помочь осуществлению идеи его жизни «прославить свою родину в области бокса», способствовать его желанию «бороться за полезный бокс в СССР».

После встречи с Берией спортсмен изложил часть высказанных мыслей в письме к «дорогому Лаврентию Павловичу». Но напрасно Королев надеялся на благоприятное решение. Все прошло по привычному сценарию. Его вызвали в ЦК партии, выслушали и «поставили точку». Удрученный чемпион СССР решил немного выждать, но вскоре понял, что его дело замотали. Он засел за новое письмо, в самом начале которого написал: «Выводов я так и не узнал, на этом кончились мои возможности дальше тренироваться и жить в боксе, хотя я получаю по-прежнему 3000 рублей. В то время, когда мои противники тренируются к боям со мною, я этих возможностей не имею».

Поскольку разговор по его первому письму шел в присутствии председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР А. Н. Аполлонова (чин — генерал-полковник), настойчивый правдоискатель вновь вернулся к своим отношениям с «родным» ведомством.

«Я слаб бороться с руководителями Комитета ФКиС, хотя я и прав, у них очень много сил и возможностей. Если т. Аполлонов мог без зазрения совести очернить меня перед Вами в разговоре по телефону, то что же он может сделать в других местах, а это, видимо, стиль его работы. Руководство Всесоюзного Комитета больше заботится о своих креслах, никакого риска, нет связи с мастерами, кто мог бы ввиду неграмотности руководителей в спорте дать хороший совет. Чемпионам СССР, чтобы попасть к руководству, надо тратить 2–3 часа в приемной, а руководство окружено бывшими мастерами, полностью зависимыми от Комитета».

Невнимание к боксу Королев иллюстрирует фактом: для поездки на соревнования в Польшу собрали боксеров за семь дней до состязаний, хотя знали о своем участии за месяц. В результате только трое из десяти членов команды выиграли золото.

«Раньше мне не давали возможность осуществить идею моей жизни руководители физической культуры и спорта, — подчеркивает Королев. — И сейчас мне непонятно упорство и страх Комитета ФКиС. Почему не дают мне возможность поднять флаг Родины на Мировом или Европейском ринге, я имею эту возможность».

Боксеры больше шахматистов любят свою Родину и хотят ее славы, но нам не дают возможности нести с честью и прославить знамя нашей родины в мирное время, как мы его прославили в военное время.

Мне уже 33 года и если раньше в 29 лет мне было просто осуществить свою идею, то теперь это сложнее, но не утеряно».

12 июня 1950 года Берия направил послание Н. Ф. Королева Маленкову с резолюцией «Прошу заинтересоваться». Тот переправил его уже на другой день секретарю ЦК ВКП (б) Пантелеймону Пономаренко с таинственными словами «Надо посоветоваться». О чем советовались вожди, почему не ударили в свои магические гонги, архивные документы умалчивают. Зато в них мы находим обширный компромат на злополучного А. Н. Аполлонова. Вспомнили и о том, что его в критическом ключе помянула «Комсомольская правда» и что говорили разные функционеры, отмечавшие его «непринципиальность, медлительность и ненастойчивость». В ряде учреждений, оказывается, давно подметили, что Аполлонов, не работавший ранее в общественных организациях, «стремится механически перенести военные методы руководства в практическую деятельность комитета по физкультуре и спорту». Особенно пришили ко двору критические замечания руководителя комсомола Александра Шелепина (Железного Шурика), который утверждал, что Аполлонов «оторвался от физкультурного актива», зазнался и стремится укло-

ниться от решения острых вопросов. Из числа самых свежих критик Шелепина было его заявление о том, что у Аполлонова стало системой болеть в то время, когда предстоит решение серьезных вопросов. Почему-то в ЦК ВКП (б) самокритично припомнили и то, что, утверждая Аполлонова в должности два с половиной года назад, пренебрегли отрицательными мнениями ряда инстанций на этот счет. Словом, судьба А. Н. Аполлонова была однозначно решена.

А что же с проблемами самого Королева? В ЦК решили остаться при старом мнении — не пускать беспокойного боксера-чемпиона в американскую зону Германии и тем более в Америку. Тут и еще одна бяка пригодилась: «По материалам спецпроверки выезд Н. Королева за границу нежелателен». Значит, так и стал чемпион СССР невыездным. А чтобы в будущем не воображал о себе лишнего, постарались ему внушить, что он неправильно ставит вопрос о необходимости культивирования в СССР профессионального боса. Мечты Королева о встречах с западными боксерами-профессионалами были разоблачены в лучших традициях советской бюрократии: «Стремление Королева встречаться с профессионалами-боксерами преследует корыстные цели и осуждается спортивной общественностью».

Между прочим, не грех было бы вспомнить тогда, что сам легендарный Иван Поддубный в 1925 году изучал в Нью-Йорке американскую борьбу кэтч и встречался с профессионалами Соединенных Штатов. Русский Иван Грозный, как его именовала пресса, проиграл там только чемпиону мира Джо Стечеру. И был удостоен титула чемпиона Америки!

Королеву многое припоминали обиженные начальники. Как факт неверного решения расценили интеллигентные сторонники Королева присуждение поражения ему во встрече с представителем каунасского «Жальгириса» Альгирдасом Шочикасасом в финале первенства СССР 1953 года. Публика бурно протестовала, но судьи закрыли глаза на то, что в трех раундах успех бесспорно сопутствовал Королеву. В письме московской секции бокса Н. С. Хрущеву от 20 апреля 1953 года отмечалось: «Характер боя Н. Королева, мужественный, решительный, атакующий, резко контрастировал с излишне осторожным, боязливым поведением А. Шочикасаса в этом бою, несвойственным стилю нашего бокса».

Вслед за этой несправедливостью последовала следующая. Общественность Москвы была взбуждена вестью: Королев не включен в тренировочный состав команды на первенство Европы по боксу. А ведь в каждой весовой категории было два-три мастера, из которых обычно отбирались кандидаты на включение в сборную. Отказ включить Николая Федоровича в число тех, кто будет защищать спор-

тивную честь страны, московские боксеры расценили как «типичный случай мести за критику некоторых беспринципных руководителей спорта». Особенно оскорбительно это выглядело на фоне прошедших в 1952 году в Хельсинки Олимпийских игр. Там боксеры выступили ниже своих возможностей. Шокикас, к примеру, был нокаутирован в первом раунде.

Впрочем, чему удивляться, ведь над львом ринга постоянно висело табу: невыездной...

КОРОТКО О Н. Ф. КОРОЛЕВЕ

Николай Федорович Королев родился в Москве в 1917 году. Осенью 1934 года приступил к занятиям под руководством И. С. Богаева в ЦПКиО. Некоторое время его тренерами были знаменитые А. Г. Харлампиев и К. В. Градополов. При их воздействии Н. Ф. Королев превратился в одного из сильнейших бойцов ринга. Абсолютный чемпион

1936, 1937, 1944 и 1945 годов, девятикратный чемпион СССР (1936–1939, 1945–1949). Первый московский спортсмен, наиболее отличившийся на международной арене, — победитель рабочей Олимпиады в Антверпене (1937), международных турниров в Хельсинки и Праге (1946). Проведя 204 боя, одержал победы в 180 из них, причем в 50 нокаутом. Основным принципом Н. Ф. Королева было сохранение за собой инициативы в течение всего боя. После войны был приглашен помериться мастерством с лидером заокеанского бокса Джо Луисом, однако этой встрече не суждено было состояться.

Заслуженный мастер спорта СССР (1942). Выступал за спортивные общества «Спартак» (1933–1945), «Пищевик» (1945–1952), ЦДКА (1952–1953). Автор книги «На ринге».

Жил в Москве на улице Марины Расковой, 14, вел значительную работу по воспитанию молодых одаренных боксеров. Умер в столице в 1974 году. Похоронен на Введенском кладбище.

Николай Митрофанов

ИЗ «АВТОГРАФА О СЕБЕ»

...Мне трудно теперь сформулировать, как и какими путями приращивались в моих писаниях темы, как своеобразно порой трансформировались некоторые из них, тем более что с самого начала своей по-настоящему сознательной жизни я с большей или меньшей интенсивностью действовал в журналистике, вступил в Союз журналистов СССР, несколько лет руководил литературно-драматической редакцией Всесоюзного радио, в 1990-е годы часто печатался в газете «Вечерняя Москва», где работал штатным обозревате-

лем. Я был шеф-редактором журнала «Странствия и приключения», главным редактором издательства «Знание». Последние десять лет мною отданы «Московской энциклопедии», оригинальному изданию историко-биографического толка, о котором, сдаётся, будут немало говорить после его завершения примерно через год. В вышедших трех томах «МЭ» напечатано множество моих статей о знаменитых и неизвестных москвичах и гостях Первопрестольной — большинство их подписаны мною и потому легко узнаваемы...

«ПАРИЖСКИЙ КАБИНЕТ» БУНИНА... В ОРЛЕ

Для начала небольшой отрывок из повести «Жизнь Арсеньева»: «Я вскочил, повернул ключ в дверях, ледяными руками опустил на окнах белые пузырчатые занавески, — ветер качал за окнами черное весеннее дерево, на котором, как пьяный, мотался и тревожно орал грач...»

У Ивана Алексеевича женский образ особенный, словно достигший наивысшего совершенства. Женщина Бунина не иступленная, как у Достоевского, Толстого, Куприна, Белого, а будто яркая вспышка. Мгновение, озарение, вдохновение, которое длится не больше выдоха.

Легкое дыхание!

И вполне естественно, что почти все буниноведы — женщины. Инна Анатольевна Костомарова — одна из них. А может, не одна, а единственная?

Инна Анатольевна подняла с нуля музей Бунина в Орле.

Случилось это 25 лет тому назад...

Любой мужчина, склонный к трезвой оценке ситуации и анализу, отказался бы. Начало 90-х. На прилавках шаром покати. В карманах пустота. В головах разброд и шатание. Окаянные дни.

Какой, казалось бы, музей?

Но женщина живет чувствами. Почти все порывы ее стихийны. Если нет никакой возможности, то может любовь.

Любовь к Бунину!

Историю эту она рассказывала много раз.

В музее писателей-орловцев книг, автографов и личных вещей Бунина было немало, поэтому стало очевидно: нужно расширяться.

Стали искать подходящий дом.

Иван Бунин в Орле проживал в семи домах, но ни один из них не сохранился. На одном из зданий по улице Гагарина висела табличка, там какое-то время жил Бунин, но этот дом — на входе в центральный рынок.

Когда Инна Анатольевна увидела этот дом, то музей растаял в призрачной дымке.

Но нашелся, однако, усадебный дом конца XIX века, в котором в начале 90-х располагалась молочная кухня. Там взорвался котел отопления. Кухню переместили в детскую больницу, а дом стал разваливаться... Спустя какое-то время хождения по инстанциям и кабинетам, благодаря или вопреки слезным мольбам, письмам, обращениям и просьбам дом, вернее, все, что от него осталось — руины, — отдали в распоряжение будущего музея.

Но денег от этого больше не стало, да и желающих профинансировать реставрацию особняка не прибавилось. Тогда Инна Анатольевна стала приводить в божеский вид более или менее сохранившуюся часть дома.

И — чудо — 10 декабря 1991 года три зала музея открылись. Но аварийное состояние здания понудило через некоторое время их закрыть.

Однажды позвонил из Москвы известный журналист Алексей Денисов и сказал: мы снимаем фильм о Бунине — уже были в Ельце, в Париже, остался Орел. Инна Анатольевна объяснила: мы закрыты, ничем помочь не могу. А они — нам все равно, покажем что есть.

В общем, сняли журналисты все что хотели, и вышел фильм. На фоне Ельца, не говоря уж о Париже, Орел выглядел, конечно, ужасно. Но именно это и помогло! Фильм увидел предприниматель из Москвы Мамука Шулая и предложил свою помощь. Именно на его средства была отремонтирована крыша и построен камин.

Директор музея Бунина в Орле Инна Костомарова и директор фестиваля «Бунинские Озерки» Елена Полтавская

Не сразу, но постепенно музей обретал очертания, солидность и величавость барского особняка. А вот части артефактов, к сожалению, музей недосчитался, поскольку три года тому назад ограбили музей Бунина в Ельце и вынесли практически все подлинные вещи Ивана Алексеевича вместе с чемоданом, с которым он отправлялся за получением Нобелевской премии.

Но и без того сегодняшнему красавцу-музею есть чем похвастаться.

В музее Бунина в Орле — более шести тысяч подлинных реликвий. Среди них — хрустальная ладья с серебряными парусами работы Фаберже, которую Бунину вручил московский литературный кружок «Среда» в честь 25-летия творческой деятельности, и серебряный поднос, на котором Бунину преподнесли хлеб-соль во время получения Нобелевской премии, переданный в дар из Шотландии через академика Лихачева. И, конечно, главная гордость — «парижский кабинет», который музей восстановил по сохранившемуся фото из мемориальной бунинской мебели...

12 декабря 2016 года в музее по случаю юбилея состоялся праздничный концерт. А из Москвы Инну Анатольевну и ее коллег по музею приехали поздра-

Вояж «Творческая перезагрузка» в полном составе в ротонде «Дворянского гнезда», Орел

вить «Литературная гостиная на Патриарших» Елены Полтавской и журнал «Юность».

По словам Елены, литературный вояж «Творческая перезагрузка. Орел литературный» прибыл из Москвы, чтобы поздравить и рассказать, какой великолепный музей И. А. Бунина в Орле, и выразить свою признательность собирателю и хранителю замечательной коллекции — заведующей музеем Инне Анатольевне Костомаровой.

Женщине несокрушимой воли и бунинского легкого дыхания!

Игорь Михайлов

Заместитель главного редактора журнала «Юность» Игорь Михайлов рассказывает собравшимся об эротизме прозы Ивана Алексеевича Бунина

Игорь Михайлов — прозаик, рассказы и очерки И. Михайлова публиковались в журналах «Литературная учеба», «Москва», «Нева», «Юность» и др. Автор двух книг прозы, вышедших в издательствах журнала «Юность» и «Художественная литература». Отмечен международным литературоведением как «певец малых городов России», лауреат премии имени Валентина Катаева, заместитель главного редактора журнала «Юность».

Наталья ШАХНАЗАРОВА

Наталья Шахназарова — кандидат в члены Союза писателей. Выпускница Литинститута имени Горького. Родилась в Москве. Представитель нескольких наций, где русская — объединяющая. Любит Опалиху, поселок деда, где много времени проводила в детстве. Замужем, растит дочь. Автор трех поэтических книг. Член клуба писателей-выпускников Литинститута «Золотые соты», куратор отделения «Литература и кино».

* * *

Во сне ко мне приходят предки рода:
Сидят — как на совете — в ряды по лавкам.
Одни говорят — это наша порода —
Вот здесь лучше ей так и так, шапки
Бросают другие — нет — это наше —
Пусть лучше уж так, и никак иначе.
А я ведь не вы — меня звать Наташей —
Я тоже сама по себе что-то значу.
Они понимают, они ведь родные,
Они защитить и помочь хотят ведь,
И так — месяцами — от сева к жатве —
Приходят, тревожа мне сны земные.
Приходят — крестьяне, аристократы,
Блестят ордена и кресты, да перстни,
Мечи и доспехи, сюртук и латы,
Где трости, а где — под гармошку песни.
И бархат с шелком, и лен со хлопком,
Златые косы, чернявы брови,
Всю жизнь по листочку мою да в стопку,
Зато — хоть не в топку — вот шутка к слову!
Зато — помогает молитвой соборной,
Соборной молитвой всех предков рода,
Могучая сила, как крест — бесспорно,
Растущая в нас из глубин народа.

ИГРА

Убогий заборчик за старым сараем.
Мы детство свое, как всегда, выбираем.
Играть в *партизанов* иль куклы. И что же, —
Мы поняли — все это в жизни быть может.

На санках я куклу везла по сугробам.
Как будто те санки заменю гроба
Во время блокады — умершим детишкам.
Завернуто тельце *куклёнки* в пальтишко.

И мнится — не кукла — ребенок. И слышу:
Не мертвое тело везу — кукла — дышит.
И кукла кричит мне уверенно: «Ма-ма».
И роем теперь не могилу, а яму.

Окоп. От снарядов там спрячемся вместе.
А может, и правда, на этом вот месте
Когда-то картечью по танкам фашистов
Панфиловцы... прашуры... артиллеристы.

И важно — что в память об этих героях
Мы крепости снежные сызнова строим.

Я чувствую

Я чувствую себя Варфоломеем,
Входящим в дом родной, как в старый скит.
Я чувствую себя, но не умею
Соединить в единое куски.

Я чувствую себя в любви и боли,
Я чувствую, что в клетках — воды рек.
Я чувствую себя частицей поля,
Частицей моря, Бога, имярек.

Я чувствую, как снегом или градом
На землю опускаюсь с Божьих уст.
Его власами — травами и садом
Цвету, Неопалимый вечный куст.

Я чувствую себя горой Синая,
Фавором, Иорданью, Маяком.
Я чувствую, как солнце, я сияю
И возношусь, как месяц, высоко.

Я чувствую, сквозь тело прорастает
Ковыль, поет, шумит Твои Псалмы.

Я чувствую, — как снова я растаю
В конце Твоей божественной зимы.

Но где бы я ни находила кожей
Родство с Твоей материей, найти
Во мне меня как целое дай, Боже.
Позволь в себе себя мне обрести.

* * *

Любимому мужу, В. Б.

А в моем селе колокола
Издавна будили на рассвете.
Я в сердцебиении нашла,
золотые колокольцы эти.

Прозвучали разом на весь свет,
Голуби взлетели с колокольни,
И соседней церкви звон в ответ
Слышала тогда. И нынче больно,

Если перезвона рядом нет.

* * *

Ты создавай меня сама — ночь, за переходами метро — мрак,
За переходами в нутро — дочь, за тем засоренным двором — маг,
За этой выцветшей травой — твердь, а я твержу, что ничего нет,
Кроме любви да и семьи — дверь — а что — за нею — триллион лет.

п. Опалиха

Виктор КАШКИН

**Я — Виктор Михайлович Кашкин — член
МГО СП России — и этого достаточно!**

* * *

Ночью стороной прошла гроза,
Обронив в лесу вязанку грома.
Покажусь ли маме на глаза,
Коль бежал родительского дома?

Что мне Русь — Непрядвы берега?
Церковь ли Угоднику Миколе?
Где молиться стал бы за врага,
Если с ним я не на ратном поле.

Что мне вера — свечка для души?
Что мне святость — келия монаха?
Или же в музей за гроши
Приложиться к Шапке Мономаха?

Что с того, что выберу музей,
Где держава в инвентарных бирках,
Все равно, что песню без друзей
Предпочту, тем паче на поминках.

Не впервой, кто б нас ни заказал,
Жить судьбой прифронтового дома,
Родина тебе, пока гроза
По пути не растеряла грома.

* * *

Прошиб бы небо кулаком.
Так звезды щупать хочется,
Когда луна почти тайком
За облаками топчется.

Пообесточив небеса,
Они мне вместо вечности
Свалявшуюся шкуру пса
Сулят из бесконечности.

И только скальпелем луча
С рассветом все устроится,
Когда по логике врача
Всему виной бессонница.

* * *

Хотя бы ветку шелохнуло,
От тишины устал.

Она ко мне в окно шагнула
С дремавшего куста.

Она не то чтобы толкнула,
По-свойски подошла,
Черновики перевернула,
По комнате прошла.

Без шороха, без стука даже
Свалила вдруг графин,
И лужицу в немом адажио
Смораживала в блин.

Ей, тишине, не одиноко
Со мной наедине,
От холода раскрытых окон
Прижавшейся ко мне,

Снежинкой, падавшей на волосы.
Я нужен тишине,
Уставшей от истомы голоса,
Подаренного мне.

г. Москва

Галина БОГАПЕКО

Галина Богапеко (Колосенко) — коренная москвичка, член МГО Союза писателей России, автор пятнадцати сборников. Книги выставлялись на международных книжных ярмарках и на Non/fiction. Публиковалась в журналах «Смена», «Дети Ра», «Журнал ПОэтов», «Новая Немига», «Зинзивер», «Кольцо А». Стихи переводились на болгарский язык.

Вот так мы шутим иногда

За разум — ум, зараза — дум! Удары слышу —
бум-бум-бум! —
Сугробы — с крыш,
Но ты молчишь,

Ты так давно мне не звонишь,
Большой малыш!
А ветер дует! — Дуй! Дуй! Дуй!
Так позвони мне, обалдуй —
Большой малыш!
Ты скажешь: «Мама, ты права —

Вокруг зеленая трава,
Почто сугробы с крыш?»
А я скажу: «Идет молва,
Вновь зиму встретила весна,
А в Казахстане ледяной Иртыш!»
На самом деле ерунда —
Вот так мы шутим иногда,
Когда, большой малыш,
Ты мне звонишь...

Поговори со мной, поговори!

Кто мне подарит миг и ликования вдох,
Вдох счастья и гармонию любви? —
С командировки приезжай, сынок,
Поговори со мной, поговори!
Кто остановит миг, приостановит вдох?
Есть ощущение мгновения взрывного,
Есть страсть, есть молния, есть штрих,
Есть счастье — жить, и смерть — последний вздох,
И нет в судьбе иного!
К нулю и за него, — с нуля
В круговорот, и снова к точке ноль...
А в воздухе гавот, а на земле юдоль —
Для бедных вой, а рай — для короля...
Я помню пароход,
Но был ли там народ?
Но точно были там и ты, и я...
Так ты вернись, поговори, My God!
Ведь были мы с тобой — одна семья!
Кто мне подарит миг и ликования вдох,
Вдох счастья и гармонию любви? —
С командировки приезжай, сынок,
Поговори со мной, поговори!

Голос мачехи

В скольжении сквозном луч света по воде,
В скольжении сквозном луч стаи журавлиной,
Скольжение звезды к другой звезде...
Рождение птенца в чужом гнезде —
И голос мачехи: «Ты самый мой любимый!»

Так вырос кукушонок с журавлями,
И клином стая в небо поднялась,
И голос мачехи: «Ты птенчик журавлиный!»
И голос мачехи: «Ты самый мой любимый!»
Звучал в ушах кукушки целый час...

ТОГДА БЫЛА СПЕЛАЯ ОСЕНЬ

Я, как змея, меняю кожу,
Множу шаги во вчера — в тридцать пять!
Сложное — вовсе сегодня несложно —
С новой кожей, вполне надежной,
Сделанной на ять.
Я колоброджу по старой поэме
В свои тридцать пять — опять.
Я — это то, что осталось под коркой,
Там сохранились отец и мать,
Там, под коркой, в совковой обертке,
Можно счастливые дни повторять —
Здесь, на земле, скорее, над ней,
В этом не сегодняшнем зоопарке,
Просто из рук кормить голубей
У иллюзорной арки
Вместе с сыном, уже подростком,
Частью меня, моей кровинкой... —
Помню, тогда была спелая осень,
Спелая, яблоками в корзинке...

г. Москва

Александр ШЕМЕТОВ

Александр Шеметов родился и вырос в Крыму. Служил в Германии. В 1976 году окончил Днепропетровский горный институт по специальности «автоматика и телемеханика». Работал инженером в Харькове. Проектировал тепловые электроцентралы на металлургических комбинатах ближнего и дальнего зарубежья. Печатается в «Юности» с 2011 года.

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

ИЗ ЖИЗНИ ГЕОЛОГА

Андрей Григорьевич Потапов, геолог с большим стажем, ехал на деловую встречу. Опыт работы у Андрея Григорьевича был большой. Стаж свой он зарабатывал в геологических партиях, названия которых сразу и не запомнишь. Сначала это была Кумунская партия, базировавшаяся в поселке Экимчан Амурской области, затем Верхне-Валенкуйская и Вершинная в поселке Рошино Приморского края. Ну а потом уже перебрался в европейскую часть страны, где тоже разведывал недра родного государства.

Теперь назначенная встреча была связана с его профессиональной деятельностью. Ему предстояло дать заключение о природных ископаемых карьера. Одни дельцы коммерческой структуры продавали залежи гранита, другие покупали.

Коллеги Андрея Григорьевича по геологическому предприятию «Геонид» предупредили:

— Ты смотри там, не расслабляйся. Сейчас в таких структурах разномастная публика работает. Не угадаешь, сколько в том карьере гранита, тебя там же и закопать могут. Случаи всякие бывают.

Случаи действительно бывают разные. Недавно кто-то из командированных рассказал, как на Урале один геолог дал неправильную оценку месторождению. До сих пор ищут его вместе с полезными ископаемыми.

Андрей Григорьевич и сам расслабляться не собирался. Ему никак не улыбалось быть закопанным ни в полезных, ни тем более в бесполезных ископаемых. Хотя карьер и гранитный, но все же под такими плитами лежать лучше после естественной кон-

чины, чем после преждевременной. А потому ухо держал востро.

Жизнь Андрея Григорьевича всегда была связана с геологией. В годы его молодости престиж такой профессии был сумасшедший. Скажи кому-то из сверстников, что поступил на геологоразведочный факультет, так у того из обоих глаз зависть брызнет. От одного слова «геолог» веяло романтикой на всю страну. Ночные костры, пени под гитару, тайга над головой. В то время далеко не каждый хотел сидеть в адвокатской конторе и делить подушки с перинами. И уж тем более не прельщала перспектива тереться в торгово-финансовом заведении и перебирать костяшки на счетах. То ли дело встречать рассветы на экзотическом ландшафте. Это теперь у нынешней молодежи романтика другого покроя. На мечтателей прошлого века они смотрят как на убогих. Они же не цыгане — песни у костров горланить и не лесоводы, чтобы по тайге шастать. От костров вся физиономия в копоти, а в тайге комары с медведями. Им подавай что-нибудь более созвучное с духом времени: юридическое или экономическое. Но тогда, в 60-х годах ушедшего столетия, попробуй еще поступи на геолога, когда конкурс в вузах десять человек на место.

Андрей Григорьевич поступил. Окончил Криворожский горнорудный институт и по распределению попал как раз к комарам и медведям.

Сейчас, готовясь к деловой встрече с покупателями карьера, Потапов почему-то вспомнил первые свои дни дипломированного геолога. Романтика

осталась в институте для других студентов, а ему вместо нее выдали на складе кирзовые сапоги, энцефалитный костюм, накомарник и послали исследовать недра Дальнего Востока. Сверху солнце или дождь, снизу сыпучий грунт или грязь. А вокруг, сколько видит глаз, — сопки, долины рек, распадки. Перед носом комары.

Про багульник он песню слышал. Красиво цветет. Но попробуй пройди через него, когда он тебе до пояса достает и ноги в нем путаются. Или протопай по скользкому галечнику вдоль реки, когда ты весь в геологической амуниции: рюкзак, молоток, полевая сумка. А в голове счет шагов. Без счета в тайге пройденное расстояние не определишь. Шагомеров тогда не было. Вот и получалось, что вместо любования природой и мечтаний о чем-то приятном в голове сплошная арифметика. Его как-то спросили:

— Неужели целый день идешь и считаешь? А если до миллиона досчитал и сбился, что тогда? Все сначала? Или кричать «ау»?

Кричать было бесполезно. Но и до миллиона никто не считал. Через каждые пятьдесят метров берешь образец породы в виде камня, кидаешь его в рюкзак, а потом, если надо, считаешь уже камни. Сбиться можно разве что в пределах десятка.

Но бывали случаи, что люди в тайге блуждали. Потеряет бедолага ориентировку и бродит потом, как дикий кабан, пока его не найдут. Если кто помнит сказку про Машеньку, которая от медведей убегала, так там хоть кабанов не было. А тут и тех и других боялся, потому как ты в тайге для них лакомый кусочек. Так что лучше

не блуждать. Если и не пропадешь, то на весь геологический мир прославишься.

Как-то Потапов выводил людей из полевого лагеря в основную. К этому времени еда заканчивалась, курева не было, рабочие роптали. Начальник партии говорит:

— Давай, Андрей, уводи людей на базу. Делать тут уже нечего. Я через пару дней приду, распределим новые маршруты.

До базы двадцать километров. Когда нужда припрет — не расстояние. Шутка ли дело, месяц в бане не мылись, окурки берегли, как хлеб в блокадном Ленинграде. Крутой склон, который перед лагерем находился, естественно, обходить не стали. Не хватало еще время терять, когда впереди баня и курево. Да еще, может, вертолет водку привезет. Мысли такие душу грели. Только вот не ожидали, что дождик заморосит. А он заморосил. Скользко стало. Ноги на половине склона вниз поползли. Ты их туда, они обратно. Думали наверху отдохнуть, отдышаться, да только мало ли кто чего думает. Когда выбрались на верхнее плато, там еще хуже оказалось. Уже не дождик, а настоящий ливень, ветер, мрак. За десять шагов крошечная темень, как в квадрате Малевича. Компас не разглядишь, ориентиры не просматриваются, азимут не возьмешь. При такой обстановке неизвестно, куда ноги приведут. Мысли в голову Потапову невеселые полезли. Как рабочим объяснишь, что дорога теряется? У них в голове только курево, баня и 100 грамм после бани. Тоскливо Андрею стало. И тут, к счастью, молния сверкнула. На какой-то миг все вокруг озарила. А с Андреем, кроме рабочих, был еще дипломированный геолог Васенович. При вспышке молнии он вдруг прозрел: «Так это мой будущий

маршрут. Я его по карте просматривал. Давайте за мной!» Ну и пошли за ним. Надо было до края плато добраться, затем спуститься, а там уже по прямой до базы как-нибудь. Плато метров двести. Только спуска на нем не просматривается. Одни обрывы. Но все-таки спуск нашли, кое-как сползли. Что такое? Перед ними палатка, а в ней начальник партии: «Чего вернулись?» Они и сами не поймут, как получилось. Вместо базы к своему лагерю притопали. Тут в самую пору свалить все на климат Дальнего Востока. В этих краях даже местные шаманы теряются, когда вместо ясного неба им на голову дождь хлынет. Рабочим так и объяснили, что они несколько часов под дождем шлялись из-за природного катаклизма. Близость Тихого океана в одну минуту все наизнанку выворачивает, и пусть особо не расстраиваются, потому как завтра наверняка выглянет солнце, в лучах которого они весело побегут на базу.

Деловая встреча, на которую ехал Андрей Григорьевич, должна была состояться в гостинице, где поселились покупатели карьера. Потапов уже был там на предварительном собеседовании. Гостиница по высшему разряду. Номера фешенебельные, персонал ходит на цыпочках, в сторону жильцов дышать боится. Клиенту в случае паршивого настроения даже пожаловаться не на что. И такие условия еще не предел комфортности. Кто-то из командированных рассказывал, что в одном коммерческом отеле горничные готовы были слюни и сопли ему вытирать, лишь бы угодить. Парикмахер кроме стрижки и бритья не прочь был всех вшей из головы поковырять. Даже зубы могли там почистить, если бы попросил. Может, этот командированный слегка и привирал, в любом случае

сервис сейчас во многих гостиницах не хуже, чем в царственных палатах Елены Прекрасной. Не то что у геолога двадцатого века. Если вспомнить, кто в полевых условиях Андрею Григорьевичу сопли вытирал, так и память напрягать не надо. Это либо правая рука, либо левая. Какой сподручней. На цыпочках не перед ним ходили, а он сам передвигался, если таежного зверя увидит. Тогда и боялся дышать в ту сторону. Все разряды фешенебельности заключались в целостности спальных мешков. Если дырок не видно, то один разряд, если дырки на виду, то другой. А уж когда кто-то задумает зубы почистить, так в ручье холодом их так сведет — не расцепишь геологическим молотком. О комфорте в те годы мало думали. Уставший, едва волочащий ноги — сунешься в палатку и тут же спишь. А завтра снова на маршрут, потому как руководство страны ждет от тебя результата. Государство нуждалось в полезных ископаемых.

У Андрея Григорьевича как-то спросили:

— А кто самый главный у геологов?

Главных было много. На самом верху, конечно, министерство геологии. Оно подразделялось на территориальные управления, а те, в свою очередь, делились на экспедиции и партии.

Раньше, до института, Андрей думал, что экспедиция на Дальнем Востоке — это группа людей, которая бродит по тайге и ведет разведку недр. Но оказалось, что экспедиция — это целое хозяйство с административным зданием и целым набором начальников. Сюда входят различные службы, которые в тайгу и носа не показывают. Тут и отдел кадров, и бухгалтерия, и плановики. Они сидят в каком-нибудь поселке или городе и оттуда контролируют полевые работы.

В тайгу едут геологические партии. Когда Потапов работал в Иманской экспедиции, у них было порядка десяти партий, в том числе его Верхне-Валенкуйская и Вершинная. Летом все на ногах, зимой на стульях. Летом сбор материала, зимой обработка данных. Как отыскать такое учреждение, если захочется романтики или денег? На Дальнем Востоке проще простого. Спроси у любого бича, которого встретишь, он объяснит. Или сам увидишь скопление бичей — значит, рядом самая что ни на есть романтическая организация.

Про бичей Потапов впервые услышал в Хабаровском крае. Теперь это слово распространилось на всю страну, но тогда в европейской части его мало кто знал. Чем они отличались от близких своих сородичей-бомжей? Бомжа работать не заставишь. Ему лучше в мусорниках копаться. А бичи работают. Другое дело, что потом все пропивают, но во время полевых работ замены им нет. Весной их нанимают, осенью дают расчет.

Расписание полевых работ составлялось так, чтобы не наскочить на главные государственные праздники. День солидарности трудящихся 1 Мая немисливо было пропустить, потому как дело политическое. Кто-то же должен от имени геологов на демонстрациях кричать «ура!». То же самое касалось очередной годовщины Октябрьской революции 7 Ноября. Граждане страны должны были пройти с транспарантами мимо украшенных трибун и показать всему миру, что они полностью поддерживают курс партии и правительства. Поэтому работы планировались между 1 мая и 7 ноября. Министерству геологии повезло, что в этот период не было холодов. Тут надо сказать спасибо революционным матросам, которые штурмовали

Зимний дворец не летом, а осенью, и заодно выразить благодарность американским демонстрантам, которые взбунтовались в мае, не дожидаясь лета. Такие стечения обстоятельств позволили Совнаркому установить праздничные даты, которые очень устраивали геологов.

От геологии многое зависело в стране. Потенциал государства создавался выкачиванием из недр полезных ископаемых. Но чтобы их выкачать, надо было сперва найти. А кто искал? Геологические партии! А кто в эти партии входил? Тридцать процентов дипломированные специалисты и семьдесят процентов рабочие. Рабочие копали шурфы, траншеи, канавы для анализа коренных пород и взятия проб, на маршрутах сопровождали геолога-специалиста. Ясно, что их вклад был очень велик. А если учесть, что главную рабочую силу на Дальнем Востоке составляли бичи, то получалось, что они ковали потенциал страны. На праздничных транспарантах в те годы принято было прославлять тружеников своего региона. В средней полосе страны писали «Слава шахтерам!», «Слава сталеварам!». А на Дальнем Востоке могли бы написать «Слава бичам!». Но не написали. Руководители края не уточняли, кто им славу зарабатывал.

Как нанимали этих тружеников? К началу сезона многие сами подтягивались к отделу кадров. Многих отлавливали в значных местах. В поселке Рошино, где работал Андрей, они терлись возле административного здания экспедиции или на стадионе под трибунами. Некоторые из них имели высшее образование. А кто не имел, оканчивали свои университеты под этими самыми трибунами. Из-под гнилых досок часто доносились разговоры о высоких материях и о жизненных укладах общества. Этих философов оттуда

выгоняли только перед митингами и демонстрациями, потому что, не ровен час, во время выступления какого-нибудь заслуженного товарища могли последовать комментарии нецензурного характера или, что еще хуже, политическое несогласие с выступающим.

Иногда начальник отдела кадров экспедиции, в обязанности которого входило обеспечение партий сезонными рабочими, проходя мимо магазина, разглядывал валявшуюся рядом публику. Если кто-то лежал в луже, то перетаскивал его на сухое место. Если кто-то был в эту раннюю весеннюю пору расстегнут нараспашку, то застегивал его на все пуговицы.

— Это наши золотые кадры, — говорил он. — Куда нам без них?

Если требовалось срочное пополнение в партию, то подкатывала машина к трибунам, полумертвые тела грузились в кузов, увозились на аэродром, перегружались в самолет и выгружались уже на базе таежной партии. Новоиспеченным геологам, не понимающим, куда попали, тут же накрывали стол, выставлялось спиртное для опохмелки, и после отсыпки им объясняли, что от них требуется. Роптаний обычно не возникало. Для большинства это не в первый раз. Да и все равно через день-два сами полезли бы в отдел кадров наниматься. А так без всяких хлопот.

После окончания всех работ, когда в октябре возвращались в Рошино, всем выплачивали зарплату. Миллионами этот народ, конечно, не ворочал, но солидную сумму в руках держал. А по тем временам за несколько месяцев такие деньги не всем в стране перепали. Тем более что за эти месяцы они почти не тратились.

Многие, получив расчет, говорили, что уезжают с Дальнего Востока к родным пенатам. Хва-тит, набичевались! Но доезжали обычно до ближайшего райцентра,

просаживали деньги и возвращались под свою трибуну. Зимой они исчезали. Холод гнал их во Владивосток или Хабаровск в теплые подвалы и чердаки. А весной, едва пригревало солнышко, — уже снова в Рождино. Геологи так и говорили: «Весна. Бичи прилетели. Значит, наступает пора полевых работ».

База партии готовилась заранее. Строители возводили баню, кухню, разбивали палаточный городок и уезжали. А вместо них доставляли тех, кто должен был искать полезные ископаемые. Палаточный городок — это хоть и не пионерский лагерь, но в условиях тайги центр цивилизации. Сюда привозили почту, провиант, иногда водку и, конечно, сплетни. Вновь прибывший контингент получал здесь снаряжение, разбивался на отряды и отправлялся по маршрутам. С этого начиналось изучение природных ресурсов. Пошло, как говорится, поехало. Точнее сказать, пошло. Потому что из транспортных средств, кроме кирзовых сапог, ничего не имелось. Сапогами и мерили километры. Топ, топ, топ, глядишь, к концу сезона готова съемка местности в черном варианте.

Начальник партии тоже на базе не отсиживался. Обычно он возглавлял один из отрядов. Иной раз, может, и хотелось ему покрутиться возле кухни, но инструкция не позволяла. На базе оставался завхоз с радиостанцией, каюры с животными и повар с харчами. Животные — это либо олени, либо лошади, которые доставляли с базы продовольствие в условленное место для тех, кто на маршруте.

Отряды, уходя на месяц в тайгу, не тащили с собой выюки с провизией. Иначе одних макарон по несколько рюкзаков пришлось бы набивать. Поэтому руководство и придумало способ с помощью животных снабжать геоло-

гов. Пришел ты в назначенное место, а тебя там ждет тушенка, сгущенка, гороховый концентрат или килька в томате. А кроме того, теплые вещи и палатки.

Стоянку отряда меняли каждые два-три дня. Если бы не животные, то и бегали бы на базу за крупой и горохом чуть ли не каждый день по десять километров. А без продуктов никак нельзя. Не кору же с деревьев грызть. Кто-то из знакомых Потапова сказал, что если подсчитать, сколько геологов в те годы по тайге бродило, так и обглодали бы сотни деревьев. А то и тысячи. А это прямой ущерб экологии. Можно было бы даже диссертацию защитить на тему «Какой ущерб понесла бы природа, не придумай правительство эффективный способ снабжения геологов». Этот знакомый немного ошибся в выводах. В тайге есть грибы, ягоды, дичь. Можно обойтись без коры. Но начальство все-таки предусмотрело нюансы. Поэтому и наняло животных с погонщиками.

Когда Андрей работал в Амурской области, там на их базе тягловой силой служили олени. Их арендовали на берегу Охотского моря в каком-то местном колхозе. Погонщиками были Егорыч и Афанасий. По национальности они были орочи. Это крохотная народность, насчитывавшая в СССР около тысячи человек. Оленями они управляли с самого рождения. И в геологических партиях работали не первый год.

Как-то Егорыч вез провиант и вещевое хозяйство для двух отрядов, в том числе и для отряда Потапова. Поскольку база располагалась внизу, а впереди был перевал, то прежде, чем выдвигаться на свой маршрут, Андрей вместе с напарником Генкой стали помогать каюру и его оленям выбраться наверх. Иначе провиант не успеет к вечеру в нужное место. А им потом подножным

кормом питаться. Когда вылезли наверх, объяснили погонщику, куда ему нужно двигаться дальше, а сами направились исследовать очередную речку с ее притоками. Через несколько часов Андрей с Генкой после завершения маршрута пришли в условленное место, но Егорыча не обнаружили. Он давно уже должен был находиться там, однако его не было. Нужно было искать. И, как назло, захотелось тушенки, сгущенки, кильки в томате и горохового концентрата. Поспешили туда, где оставили каюру, на несколько километров вниз. По дороге услышали звон ботолов. Ботоло — самодельный колокол из консервной банки, который вешают оленям на шею на стоянках. Иначе разбредутся, и не сыщешь. Двинулись на звуки и увидели пасущихся оленей. Егорыча не было. Карабин приставлен к березке, телогрейка распластанная лежит на траве, а погонщика нет. Звали, кричали, свистели — все впустую. Ну не мог же он далеко уйти. Напарник дернул телогрейку с земли, а под ней в маленькой ямке, свернутый калачиком, лежит Егорыч. Андрей к нему:

— Егорыч, что случилось? Ты же должен вещи и продукты везти вверх притока реки.

У каюры слезы на глазах:

— Моя чай не чулюкала. Моя сильно больная, даже чай не чулюкала.

Тут уже не до гороха стало и не до кильки. Разожгли костер, вскипятили воду, напоили больного и быстрым ходом вверх по притоку к месту, где должен был появиться второй отряд. Три километра вверх по тайге в конце дня — это не чай чулюкать. До этого полдня бродили по воде, ноги мокрые, в сапогах до сих пор чавкает. Но не заставляя же второй отряд собирать в потемках грибы или грызть кору с деревьев, нарушая экологию. Надо было пе-

переправлять их сюда. Когда затем-но вернулись к стоянке Егорыча, тот уже выздоровел.

Болезнь всегда неприятная штука. Хотя в тайге, хоть не в тайге. Один из теперешних покупателей карьера как-то в разговоре со своим компаньоном сказал:

— Не был бы я здоров, не стал бы депутатом в своем округе. Сколько водки пришлось перепить, пока не утвердили кандидатом. Теперь вот имею связи во всех властных структурах. Думаю двигаться дальше.

Если бы главным критерием вступления в депутатство было здоровье, то нынешний покупатель карьера непременно получил бы свой мандат. По внешнему виду он мог бы потягаться с медведем или кабаном, которых Потапов встречал в тайге. Единственное, что могло помешать, так это отсутствие кворума на выборах.

Когда Андрей Григорьевич вспоминает теперь свою таежную жизнь, ему часто приходит на ум момент выборов в Верховный Совет СССР. Это теперь хочешь иди голосовать, хочешь не иди. А тогда каждый гражданин обязан был исполнить гражданский долг, прийти на участок и бросить свой бюллетень в урну. Не может человек оставаться в стороне в такой ответственный момент жизни страны. А потому вылавливали выборщиков, где только можно, чтобы стопроцентная явка была. Даже в тайге не спрячешься. Прилетал вертолет с урной и бюллетенями, выдавал человеку авторучку, тот ставил птичку, и вертолет с птичкой улетал. Важность события была такова, что вертолет приземлялся даже не на базе, а на стоянку каждого отряда. Если, конечно, позволяла местность. А если не позволяла, то садились как можно ближе. Но тогда геологам приходилось добираться до указанной точки своим ходом. Вот Андрею

однажды и сообщили, куда ему следует прибыть со своими тремя рабочими, чтобы участвовать в процессе выборов. В городах и поселках на выборных участках в этот день продавали разный дефицит: копчености, сладости, деликатесы из морепродуктов. А в тайге что купишь?

— Не пойдем мы никуда, — заявили Андрею все трое. — Чего ради нам тащиться за несколько километров? Да еще через три речки скакать. Хочешь, иди сам, за всех и проголосуешь.

— Там каждому проголосовавшему дают по бутылке водки и по бутылке вина.

— Да?

— Да!

Собираться стали в тот же момент.

— Ну не сегодня же, — сказал Андрей. — Завтра утром встанем, позавтракаем и пойдем.

— А если завтра дождь или еще какая-нибудь чехарда? Три речки в дождь не перескочишь.

Такое рвение исполнить гражданский долг остановить удалось с большим трудом. Но зато назавтра едва рассвело, все были уже готовы. Три речки — это не хухры-мухры. Может, и не Енисей с Амуром, но и не ручейки, которые на одной ноге перескочить можно. Переправляться нужно по сваленным деревьям. Шли быстро, переправились тоже быстро. Вертолет ждали недолго. Тот прилетел к обеду, как и было условлено. Член комиссии выдавал бюллетени, подставлял урну, а двое летчиков вручали водку и вино. Следили друг за другом, чтобы без обмана было. Один бюллетень — одна бутылка. Когда процедура была окончена и вертолет улетел к другим отрядам, рабочие отказались идти в лагерь, пока такое важное событие не будет отмечено. Никаких возражений не принимали. Куда было деваться Андрею? Ото-

шел в сторону, лег под дерево. Краем глаза только наблюдал, как откупориваются бутылки и содержимое их переливается в железные ведерки выборщиков. Засыпать стали еще в процессе поглощения свалившегося с неба подарка. Сначала один, потом другой, потом третий. Просыпались тоже по очереди. Последнего, правда, пришлось растолкать, потому как пора опохмеляться, а он дрыхнет. Наконец опохмелились. Стали собираться в лагерь, гордые тем, что долг был исполнен достойно. Осталось только добраться до своих палаток. А вот это оказалось сложнее. Две речки с трудом преодолели, а на третьей один законопослушный гражданин свалился с бревна. Речка не глубокая, около метра, но быстрая. Упал он вверх по течению, и его наполовину затащило под ствол дерева. Голова и руки с одной стороны, ноги с другой. Попытались вытащить — не получается. У самого тоже сил не хватает. Советуют ему поднырнуть, а его с этой стороны поймают. Не соглашается. Вдруг не поймают? Так и понесет его потоком в реку Уссури и дальше к самой китайской границе. А там хунвейбины точно поймают, заставят цитаты Мао Цзэдуна изучать. Ему в своей стране не довелось труды Ленина прорабатывать, потому как в институте он не учился, а в Китае не отвертись. У нас бывшие студенты говорят, что к творчеству Владимира Ильича подходили формально, конспекты друг у друга передирали. А там попробуй неправильно истолковать наследие председателя Мао. Мигом устроят публичную порку на главной площади Пекина. Уж лучше тут под бревном сидеть, чем мозги пудрить изречениями великого китайского кормчего. Попытались разжать ему руки — не дается. Хорошо хоть успел долг исполнить. А иначе канди-

дат в депутаты не досчитался бы одного голоса. Потом, правда, изловчились и выдернули его из журчащего потока. Сохранили, так сказать, потенциального избирателя и одновременно золотые кадры для министерства геологии.

Для того чтобы познать геологию, надо несколько лет учиться. Труды Ленина изучать, само собой, без них никуда. Но не только их. Надо еще вникнуть в геодинамику, минералогию, геохимию и геофизику. Иначе все горные породы и минералы будут относиться к области неопознанного и неизведанного. Был в одной из партий Приморского края такой рабочий из бичей, Петюня. В минералах, естественно, не разбирался. Он хоть и видел, что они разные, но в отличия не вникал. Бараны в отаре тоже разные, а название у них одно. Так и тут. Камень — он и есть камень. Как-то этот Петюня оказался в одной маршрутной паре с Андреем. Ходили целый день. Андрей через каждые пятьдесят метров брал образцы пород и складывал сначала в свой рюкзак, потом в рюкзак Петюни. Когда в конце дня возвращались в лагерь, на одном из привалов Потапов поднял рюкзак напарника, ему показалось, что тот чересчур легкий. Однако, когда пришли в лагерь, рюкзак по весу соответствовал норме. Андрей вытряхнул содержимое, там все камни были одного образца, набранные возле лагеря. Петюня, как оказалось, по дороге выбрасывал набранные на маршруте минералы, чтоб легче было идти, а перед лагерем отстал от Андрея и насобирал, что попало под руку. Какая разница, кварцит это или песчаник? Все равно в этой тайге никто разработку производить не будет в ближайшие сто лет. А через сто лет человеку это вообще может не понадобиться.

Покупатели карьера тоже в геологии мало что смыс-

лили. Но, в отличие от Петюни, прекрасно понимали, что гранит и мрамор — разные вещи и стоят по-разному. Не зная структуру минералов, они знали цену деньгам. А чтобы не попасть впросак и не прогореть, постоянно консультировались со специалистами различных областей. Юристы, экономисты, геологи были у них завсегдатями. Когда у Андрея Григорьевича была первая встреча с ними, он услышал обрывки разговора этих дельцов с одним из посетителей, которого они, вероятно, хорошо знали. Этот посетитель спросил, как можно заработать первоначальный капитал. Ему ответили, что начинать надо с малого.

— Мы, прежде чем за карьеры браться, начинали с самых что ни на есть мелочей. Продавали секреты предприятий конкурентам.

Как потом Андрей Григорьевич узнал, суммы от продажи крутились со многими нулями. Кроме того, Потапов понял, что немало важную роль в их судьбе сыграла встреча со старыми знакомыми. Те знакомые кое-что посоветовали, кое с кем связали, и в результате — переход от чиновничества в купеческое сословие.

У Потапова в жизни тоже было много встреч. Только советов о повышении благосостояния никто не давал. Что такое встреча на маршруте? Бывает, бредет отряд среди зарослей, выходит на поляну, а там другой отряд. Такой же обросший, усталый, голодный. Что они могли друг другу посоветовать? Разве что как кашу сварить из топора. Подобные столкновения случались часто. В 60-х или 70-х годах прошлого столетия, когда на средства связи большой надежды не было, маршруты отрядов прокладывались так, чтобы они, передвигаясь по тайге, могли в какие-то дни пересечься. Иначе как узнаешь, живы они или нет. Но бывало и по-другому.

Бредет отряд среди зарослей, выходит на поляну, и тут новая встреча. Медведь в валежнике. Тут уже совета ждать не надо. Ноги в руки — и ходу. Хорошо, если медведь один. А если несколько? Как-то в конце мая наткнулся Потапов на медвежью свадьбу. Они с напарником Буркалиным возвращались в лагерь после окончания маршрута. В лесу тихо. Только неподалеку звуки: «Ух, ух». Подумали, сохатый, выбрались на поляну, а там шесть или семь медведей кругами бегают и ухают. Одиноких медведей они и раньше встречали, но чтобы столько... Упаси бог от таких разнообразий. И тут один из этой медвежьей компании отделился и пошел на геологов. Бежать бесполезно. Зажаты узкой долиной с крутыми склонами. Куда деваться? И бога вспомнишь, и всех святых. Полез было Буркалин на березку, да что толку. Березка тонкоствольная. А ружье одно на двоих. В нем дробь. Если пальнуть в косяка, то разве что шерсть пощекотать. Разозлишь еще щекоткой не на шутку. Поэтому стрельнули вверх, лишь бы отпугнуть. Только черта с два. Не такие они пугливые, эти хозяева тайги. Стрельнули еще раз, потом перезарядили ружье патроном с пулей. Вряд ли бы это помогло. Надо было попасть точно в сердце или в сонную артерию. Но кто попадет? Андрей ведь не каюр Егорыч, который со ста метров зверю в глаз бил. Это только в сказках пишут, что медведи добрые. А повстречаясь с ними в тайге, когда глаза налиты кровью, слюни изо рта. Единственное, что правильно в сказках говорится, так это то, что среди них попадаются ленивые сородичи. Когда топтыгину оставалось до Андрея метров десять, перед ним оказался ствол дерева. Он передними лапами оперся на него и остановился.

Раздумывал, нужны ему эти геологи или лучше вернуться в свою компанию. И пока думал, Потапов с напарником стали задом пятиться к склону. Так и ушли спиной вперед. Хорошо хоть склон был относительно чистый.

Чем могла закончиться такая встреча? Если бы на них пошел не один этот увалень, а все остальные, то висеть бы в штабе экспедиции некрологу в траурной рамке. Благо фотографии имелись хорошие. Не стыдно и в управлении геологии повесить. Но косолапым было не до человеческого общества. Они были заняты медведицей.

У других геологов встречи с хозяевами тайги тоже бывали. Одни встречали медведицу с медвежатами, другой на медведя чуть уздечку не накинуд. Был у них в Вершинной партии каюр Шкода Владимир Васильевич. Лошадьми командовал. Так вот этот каюр, находясь на базе, пошел как-то с уздечкой лошадей искать, которые паслись неподалеку. И показалось ему, что конь его любимый в голубику забрался. Сунулся он в голубику, стал там рыскать, а потом, как рассказывал завхоз, летел оттуда со своей уздечкой быстрее, чем конь его любимый в лучшие свои времена. Не было на Шкоде ни лица, ни надежды на спасение. Была только прыть в ногах, как у спринтера, и полное отсутствие желания лезть в тайгу хоть за лошадьми, хоть за миллион. Зато у самого завхоза появился вопрос: что было бы, если б Шкода уздечку все-таки накинуд на косолапого? Вряд ли бы хозяину тайги понравилась упряжка. Не потому, что была некрасивая, а потому, что сам Владимир Васильевич не приглянулся. Лошади потом сами пришли. У них встреча с косолапым не состоялась.

Мешали ли звери геологам работать? В больших масштабах,

конечно нет. Но по мелочам вредили. Как-то каюр оставил провиант в условленном месте, куда должен был подойти отряд. А когда отряд подошел, то все банки с тушенкой, сгущенкой, консервами оказались продырявлены и выжаты, как лимон. Ясно, что медведь постарался. Но опасность не только от медведей исходила. Значительно больше мешала погода. Тем более что силы природы не прощали небрежности. Однажды на верху сопки застала Андрея с напарником гроза. Несколько раз молния рядом ударила. Побежали вниз, а молния следом. Вроде как вдогонку бьет. Они бегут, а она сзади чуть ли не по пяткам шарахает. Никогда раньше ни от кого такого не слышали. Чудеса, что ли? Только если по черепу шарахнет, чудесным это не покажется. Уже внизу сообразили, что к чему. У напарника на спине радиометр был включен. Вот он своими антеннами, похоже, молнии и притягивал.

Потапов приехал в гостиницу, где его ждали покупатели карьера. Разговор у них был недолгий. Основные вопросы они обсудили еще при первой встрече, и теперь следовало выезжать на местность. Надо было увидеть, что им собираются подсунуть.

Карьер, к которому привезли Андрея Григорьевича, смотрелся очень даже прилично. По крайней мере, из тех, которые Потапов встречал в своей жизни, этот на фоне других выглядел богатым родственником среди убогой родни. Гранитные блоки, которыми характеризуется качество месторождения, могли получиться чуть ли не по восемь кубов. При таких высоких показателях, выставленных на обозрение, ни один эксперт не мог ошибиться. Расстояния между трещинами достигало от четырех-шести метров. Всякое горнопромышленное предприятие ценится содержанием качествен-

ного материала, который хорошо востребован в различных сферах. Здесь и думать не надо было долго. Можно покупать смело, не боясь, что тебя закопают, как того геолога с Урала. Восьмикубовые блоки разойдутся за милую душу.

Но тут выяснилось, что продает-ся не этот карьер, а совершенно другой в нескольких километрах от этого. Этот показали, чтобы продемонстрировать, какие возможности скрыты в здешних местах. Поехали к другому. Тот, что им предъявили, по сравнению с прежним не тянул даже на бедного родственника. Разве что на приживалку. Если в первом случае была открытая выработка и все разрезы на виду, то здесь заросшее поле, где только предполагалось наличие гранита. Даже у несведущего человека могли возникнуть сомнения: а вдруг внутри ничего нет? Начнешь разработку, а получишь комбинацию из трех пальцев. Но для Потапова и без сомнений было ясно, что качественного материала здесь не может быть в принципе. Местность болотистая, впадина на впадине, зона разлома. А в таких зонах вместо блоков разве что гранитный щебень разных фракций.

— Что скажете, Андрей Григорьевич? — спросили его.

— Фикция, а не карьер!

— Почему?

— Рельеф не тот. Тектоническая деформация пород. Ничего из него не выжмете. Разве что гранитную крошку.

— Почему вы так считаете?

— Потому что я на этом зубы проел. Слой земной коры сдвинут. Весь гранит в трещинах. Водянистое место. К тому же тут до вас кто-то ковырялся. Значит, земля кому-то принадлежала. Проблемы могут возникнуть. Да и растительности вокруг полно. Приравняют этот кустарник к деревьям — и за каждое срубленное

насаждение платить придется. Но главное, блоков вы здесь никаких не получите.

Продавцы карьера попытались опровергнуть слова Потапова, говоря, что здешние места переполнены гранитом и что за такую дешевую цену, которую они просят, даже место на свалке не купишь. Однако Андрей Григорьевич стоял на своем. Ему не хотелось быть закопанным в здешних болотах, и поэтому он прямо заявил: свое мнение он не меняет. После таких категорических заявлений сделка, естественно, не состоялась.

Когда Потапов вернулся на свое предприятие, то на вопрос коллег, чем закончилась поездка, он сказал:

— Похоже, я не зря пять лет учился в институте. На мякине не проведешь. А дальневосточный опыт помог избежать участи геолога с Урала.

Все удовлетворенно кивали головами. Да, не зря учился! Хорошо, что не разделил участь. А один, который был более осведомлен, сказал:

— А ведь того геолога вроде бы закопали не покупатели, а продавцы. Он им всю малину испортил. Так что ты на всякий случай затаись на время.

В другой раз на такое сообщение можно было плюнуть и не обращать внимания. Но в этот раз, прежде чем плевать, надо было подумать. У нынешних покупателей карьера, с которыми Потапов только что расстался, на примете еще несколько месторождений. И если на каждом он будет втыкать палки в колеса, то не найдется ли среди продавцов такой, которому не понравится подобная деятельность? И что тогда? Молитвы вспоминать? До сих пор профессия Андрея Григорьевича не входила в число

опасных. Это шахтеров и саперов внесли в рискованный список, потому что одни где-то внутри Земли возле магмы ковыряются, другие в любой момент на небеса улететь могут. А про геологов никто и не подумал. Они на глаза не попадались, в тайге прятались. Однако теперь, когда многое с ног на голову становится, как бы этот список не расширился. Опасностей у геологов, оказывается, не намного меньше, чем комаров на гектаре леса. Ходи и оглядывайся. Вот и получается, что в нынешнее время отмахиваться от совета коллег и уж тем более плевать очень неразумно. В современном мире, который меняется так же резко, как погода на Дальнем Востоке, всякая рекомендация может быть полезной. Когда не знаешь, чего ждать к ужину, не говоря уже о завтрашнем обеде, мотать на ус нужно все, что услышишь.

Крым

Инна АЛЕКСАНДРОВА

Инна Александрова — автор двенадцати книжек, а также публикаций в журналах «Огонек», «Знамя», «Континент», «Диалог», нью-йоркских «Слово/Word» и «Острова». Некоторые тексты переведены на немецкий и татарский языки. Филолог (окончила Казанский университет). Преподавала, около тридцати лет работала редактором.

ПИСЬМА К ЗОЕ

ОТ АВТОРА

Эти письма передала мне внучка моего героя. Не так давно она ездила в те места, где жил ее дед — Григорий Иванович Случевский. Женищина, что была в далекие сороковые-пятидесятые девочкой и ходила к сестре Григория Ивановича, сохранила шкатулку с письмами.

Девочка, а теперь уже старая женищина, хорошо помнила Григория Ивановича, видела его, когда приезжал он к сестре. Он рассказывал, что попал в свой первый в жизни лагерь осенью тридцатых восьмью года. Это был Устьвымлаг — лесозаготовки. И хотя они выполняли обязанность давать лес, лагеря были лагерями уничтожения. Те, которые не стали «придурками», то есть не находились на работе, требующей полной затраты физических сил, все те, кто работал только лесорубами, были обречены на уничтожение.

Первую зиму на Первом лагпункте Устьвымлага он прожил в палатке. Это было длинное сооружение из брезента, а в нем — двухэтажные страшные нары; печь — из железной бочки из-под бензина. Печь раскаляли до красноты (около нее невозможно было находиться), но зато в углах палатки — нетающие сугробы снега. Спали, тесно прижавшись друг к другу, и поворачивались только по команде. К весне тридцать девятого из этапа в пятьсот с лишним человек осталось двадцать два.

Писать домой не разрешали. Да и что и на чем могли писать? Все проверялось.

Какие только люди не окружали его! То есть люди-то как люди, но из них сделали шпионов, диверсантов, изменников родины, бандитов, разбойников. Все это было придумано, только чтобы посадить...

Григорий Иванович рассказывал с большой осторожностью:

боялся. Сейчас есть много литературы на эту тему. Хотят составить книгу, где будут одни фамилии людей, погибших в Великой войне с немецким фашизмом. Но не требует ли народная совесть естественного продолжения вселенской работы — составления многотомной библиотеки книг, где будут напечатаны фамилии всех тех, кто пал жертвой нашего собственного, отечественного фашизма?

Все это было бы людским судом над теми палачами, которым нет прощения, и, как сказал Пушкин, «и не уйдешь ты от суда людского, как не уйдешь от Божьего суда!».

Когда началась война, Григорий Иванович стал проситься на фронт: слал по инстанции письмо за письмом. Так как вины перед государством у него никакой не было, видимо, решили удовлетворить просьбу.

Ну а теперь предоставим слово ему самому.

ГОД 1944-й ПОЛЬША

Зоя! Милая! Рад, что снова в строю, в части. Бьем, бьем проклятых... Я не жестокий человек, не сторонник убийства, но за то, что они с нами сделали, кара должна их постигнуть. Писал или нет — не помню. Служил и служу на аэродроме, сам не летаю, а потому не убиваю и заповеди не нарушаю. Но за то, что они сделали, душить, душить их надо.

Осколок в легких сидит. Врач сказал, что застрял около сердца и пульсирует вместе с ним. Ну и пусть пульсирует: вдвоем с ним, осколком, сердцу веселее. Нога болит здорово. Сказали, что начинался остеомиелит, но теперь его якобы заглушили.

Счастлив, что возобновилась связь с Марией Алексеевной — тещей — и Риточкой. Особенно бла-

годарен судьбе за то, что в этой страшной лихоманке они остались живы. Выслал им денежный аттестат.

О Соне по-прежнему ничего... Это страшно мучает: жива ли... Когда лежал в госпитале на Урале, как-то приехали артисты. Была певица, лицом очень похожая на Сою. Она пела:

*Разве мы забудем наши встречи
И любовь, рожденную в бою?
Если ты вернешься искалечен,
Все равно тебя не разлюблю.*

Зоя! Не подумай ничего худого. Я никого не завел на фронте и заводить не собираюсь, хотя очень многие не упускают случая.

ПОЛЬША

...Вчера получил большое письмо от Марии Алексеевны. Риточка тоже написала. Ни на что не жалуется. Пишет, что отметки в школе получает только хорошие и отличные. Посредственных нет. Письмо логичное, довольно грамотное. В общем, Маргаритка моя — совершенно взрослый человек.

Письмо тещи скорбное. Читал — и ком подступал к горлу. В сорок первом, когда ушел на фронт, она, как ты знаешь, жила в своей Любуни, что Спас-Деменского района. Внуков ей подбрасывали все сестры Сони. Жила сравнительно неплохо, потому как был большой огород, поросенок, куры, а главное — Зорька, корова. И все-таки особых запасов не было. В последних числах июня сорок первого — уже началась война — к ней приехали мои: Соня с Риточкой. А сестры, Нюра и Валя, прислали детей — Юру и Витю. В семье прибавилось четыре человека. Все хотели есть. Все, что выросло на ого-

роде, съели уже к Рождеству, потому как хлеба абсолютно не было. Муки было припасено мало. Зорька перестала доиться, и когда Соню угнали в Германию, они, трое детей и старуха, ходили по Любунь и побирались. Спас их Серафим, муж сестры Нюры.

Серафим попал в Вяземский котел. Их гнали куда-то, как скот. Он бежал и стал пробираться в Любунь — самое близкое родное место. Мария Алексеевна была несказанно рада его появлению: он всегда был мужиком трудолюбивым и предприимчивым. У кого-то выпросил две пчелиные семьи, засадил огород, даже посеял немного пшеницы, накопил Зорьке сена. Несмотря на оккупацию, люди в Любунь копались в земле, что-то выращивали, и такого голодомора, какой был в конце сорок первого — начале сорок второго, не было. Полицаи и немцы, делая набег с съестным, забирали в основном кур — самое для них удобное: ошипал, зажарил.

Осенью сорок третьего немцы начали отступать. В злобе и гнев зажгли Любунь со всех сторон. Спасти можно было, только бежав в лес. Люди двинулись. Пошли и наши. Вещи Серафим вез на тележке; Мария Алексеевна вела Зорьку, которой замотали морду тряпкой, чтобы не мычала, но она все равно мычала. Кричала! Риточка вела за руки малышей.

В лесу рос очень высокий папоротник. Они обосновались в нем, сделав небольшой шалаш. Зорьку нечем было кормить, и она перестала доиться: молока давала стакан. Эти крохи делили между детьми. Еда еще была кое-какая. Кроме того, Серафим в кустах нашел кем-то брошенный мешок с пшеницей. Парили на костре.

Немцы и полицаи начали прочесывать лес. Почему — неизвестно. Несчастные голодные старики и дети были им, в общем-то,

безразличны. Витя ползал в папоротнике недалеко от шалаша. Полицай случайно наступил ему на ручку. Мальчишка заорал. Полицай уже прицелился, чтобы выстрелить, но крик услышал Серафим и, прибежав, упал перед полицаем на колени. За маленькую баночку меда вымолил Витеньке жизнь. Полицай, дав очередь в воздух, убрался.

В лесу прожили, наверное, месяц, и однажды Серафим прибежал с радостным криком: «Наши идут!» Действительно, шли наши части, и люди потянулись в Любунь — на пепелище. Не остался целым ни один дом. Как и другие сельчане, наши тоже решили идти в Спас-Деменск. В Спасе некоторые дома уцелели, в том числе и дом матери Марии Алексеевны. Мать умерла еще до войны. Поскольку дом был добротный, крепкий, его забрала советская власть — комсомольцы. Дети, Серафим и теща поселились рядом, в сараюшке. После одного из собраний (комсомольцы пили) от окурка загорелась солома. Сгорели дом и подворье. Обвинили Марию Алексеевну: якобы она подожгла. Чудом спаслась от ареста. А Серафима через десять дней после освобождения нашими Спаса арестовали: сказали — предатель родины.

Соню немцы забрали зимой сорок второго в Любунь — как жену бойца Красной армии. Забрали тогда только двух женщин: Соню и председателя местного колхоза. Забрали за то, что кто-то убил полицая, приехавшего к родственникам в село. Обоих вначале отправили в Спас, а из Спаса — в Германию. Где теперь моя жена — не знаю. И узнаю ли?..

ГОД 1945-й ГЕРМАНИЯ. ГОРОД БРИГ

Дорогая Зоя! Какое счастье! Нашлась Соня — прислала письмо Марии Алексеевне. Живет у фер-

мера на окраине Берлина. Так как немного владеет немецким, общение не составляет труда. Фермер не бьет, не унижает, сажает за стол вместе с собой. Работает очень тяжело, но также тяжело работают и сами хозяева. Вместе с Соней у фермера трудятся француженка, украинка и немка. Спят, как и хозяева, на кроватях, под перинами. Так что условия сносные, только работа очень тяжелая. Ждет не дожидается отправки домой.

Мы тоже ждем передислокации в Россию. Теперь письмо уже получишь с Родины.

Господи! Как же трудно мы одолели эту машину, с каким трудом сделали эту непосильную работу — войну, какое же это людское несчастье... Может, теперь станем жить по-человечески. Все очень надеются.

Риточка хорошо учится, пишет письма. Так хочется вырваться в отпуск. Говорят о нашей демобилизации. Мне тридцать пять лет, а ничего в жизни еще не сделано. Надо закончить институт. Дел — выше головы.

Обнимаю, дорогая сестра. Пиши. Ты ведь мне вместо матери: разница у нас — семнадцать лет.

ГОД 1946-й ГОРОД КАЛИНИН

Прости, что долго не писал: меня не демобилизовали, а отправили на краткосрочные курсы «Выстрел», после окончания которых стал офицером и сразу капитаном. Это могли, конечно, и раньше сделать: ведь без двух госэкзаменов имею высшее образование. Ладно. Послужу еще и офицером.

В Калинин обосновался в феврале, а на днях приехали мои — Соня и Риточка. После четырех с половиной лет разлуки узнали друг друга с трудом: Риточка — совсем большая,

тринадцатилетняя. Замкнутая, но послушная. Учится хорошо. Много читает. Соню узнать трудно: очень худая, да просто изможденная, и почти ничего не осталось от ее прекрасных волос. Хотя не голодала, но от непосильной работы они выпали. Меня ты тоже не узнала бы: абсолютно седой.

Дали в Калинин хуленькое жилье, хотя и отдельное. Комната и кухня. Главное теперь — достать стекло: окна все выбиты.

Соня с понедельника должна выйти на работу в железнодорожную школу — математиком. Купила учебники. Все восстанавливает.

Пропитание — вполне сносное. На рынке есть основные продукты. Мой теперешний оклад позволяет их приобретать. Не беспокоит о нас, дорогая, береги себя.

Привет от моих девочек.

* * *

Недолго музыка играла. Соню пригласили в соответствующие органы и сказали: были в Германии, работали на немцев. Не можем позволить, чтобы такой человек учил наших детей. Подайте заявление «по собственному желанию»...

Черт с ними! Соня забеременеет. Пусть отдыхает, набирается сил, ведет наше немудреное хозяйство.

ГОД 1947-Й

Дорогая Зоя! Поздравь с рождением сына! Мальчишка чудесный, спокойный. Назвали Сашкой. Похож на Соню, ну — и чуть-чуть — на меня. Соня — вся при ребенке. Риточка уже помощница, но Соня старается ее не загружать: много уроков задают.

Служба идет благополучно, о нас не беспокойся.

Теперь в отношении полученного тобой из Франции письма.

Конечно, положение Александра¹ невеселое. Закончить Петербургский политехнический институт и крутить баранку таксистом — обидно. Но он сам выбрал этот путь. Он так далек от нас в своей жизни, что и настоящего чувства огорчения у меня нет. Ты уж прости меня, но я ведь его совершенно не помню.

* * *

Милая Зоя! Очень виноват за столь долгое молчание, но причина уважительная. В середине февраля, как раз на свои именины, обнаружил у себя на складе пропажу одной казенной вещи. Событие было настолько из ряда вон выходящее, и последствия ожидалось столь серьезные, что в течение всего следствия был просто невменяем. Но дело повернулось так, что большую часть вины с меня сняли, а за халатность отделался дисциплинарным взысканием. Теперь тебе понятно, почему молчал: писать и не сказать об этом — не мог. Сказать, что жду трибунала — значит, отравить и без того твою нелегкую жизнь. Это происшествие еще раз говорит: надо скорее уходить на гражданку, но я ведь в своей судьбе не волен — военный человек.

Меняю тон. Сегодня взломало Волгу. Все население — на берегу. Вечером и мы пойдем любоваться чудесным зрелищем.

Маргарите купили резиновые сапоги, и дома ее не видно. Софья что-то буйствует, всем недовольна. Трудно мне с нею. В конце апреля собирается в Спас к матери и прикупить немного масла.

¹ Александр — старший брат Григория Случевского. В 1914 году ушел в армию, участвовал в Первой мировой войне. Когда началась революция, как белый офицер попал в Крым, откуда во Францию. Женится на француженке. Работал таксистом.

Если все будет благополучно, в июне попрошу отпуск и приеду к тебе: очень хочется поговорить.

* * *

Дорогая сестрица! С праздником! Мы его встретили скромно, но сносно. Было все, что люблю: пол-литра и торт «Наполеон». Второго мая ездили с Соней в центр слушать Батурина, одного из ведущих певцов Большого театра. Все вполне прилично, только за праздник с деньгами подрастались, и теперь до полочки придется туга.

Маргарита уже готовится к экзаменам, которые начнутся двадцать первого мая.

Весна стоит отвратительная: до сих пор ни разу не снимал шинель. Вот только сегодня мало-мальски приличный теплый день.

Очень хочется побывать у тебя. Строю план: по дороге к тебе заехать в Ясную Поляну, поклониться Льву Николаевичу. Но это план...

В семейной жизни по-старому: тихие и мирные полосы сменяются полосами молчания и ссор. Черт знает, кто в этом виноват! Наверное, оба.

* * *

...Вчера получил офицерский паек. Сходили с Соней на огород и накопили целый мешок картошки. Ее хватит месяца на полтора. С питанием, как видишь, проблема пока решена. Предстоящие месяцы голодать не будем, а там подождем общего улучшения.

Кухню нашу заняли: вселили семью старшины, так что приходится ходить «через людей». Это неприятно, но что поделаешь? Жилье — не мое. Казенное. Сейчас думаю о постройке сарайчика, куда можно будет сложить дрова.

Соня чувствует себя неплохо. Сашка растет. Ждем Маргариту, которая сейчас в Спасе у бабушки.

* * *

...Только что приехал из командировки: был в колхозе, убирали урожай.

Второго вернулась Маргарита вместе с Марией Алексеевной. Ехали через Москву — фантазия Риточки.

Материально живем совсем прилично: есть продукты, начиная от макарон и кончая компотом. Питаемся хорошо и уже насытились.

Теперь серьезная проблема: ремонт комнаты, постройка сарайчика и заготовка дров.

Перевели на другую работу с повышением, но это не очень радует: все время чувствую себя в каком-то подвешенном состоянии. Скорей бы зажить нормальной гражданской жизнью!..

Теща здорова, только подзуживает Софью, подзуживает...

Пиши, дорогая. Очень жду твои письма.

* * *

...Зоя! В каком же я гневе и обиде! Вчера было собрание в части по поводу подписки на заем. Спросил, можно ли подписаться не на целый оклад, а на пол-оклада, так как у меня только что родился ребенок, жена не работает, дочь — школьница.

Что началось!.. Со всех сторон зашикали, а кадровик тут же взял слово и все припомнил: и то, что отец был священником, и то, что в тридцать восьмом сажали.

Зоя, Зоя! Доколе же?... Ну и что из того, что отец был священником? Его не помню — было три месяца, когда умер, — но ты, старше меня на семнадцать лет, рассказывала, что был он очень добрым, отзывчивым,

умел в горе успокоить, помочь советом в трудностях. Разве все священники были плохими только потому, что священники? Это же абсурд! Да, среди них были всякие. Но сколько было умных, образованных, как наш отец, и почему, не зная его, не помня его, должен нести укор, должен быть притесняем, изгоняем только за то, что он был священником? В двадцатые, будучи совсем юным, хотел, как все, вступить в комсомол. Так ведь не приняли. Опять же по этой причине.

Отец никого не обижал, жил на то, что давали прихожане, был очень бедным, потому как беден был приход. Ни копейки не брал с государства, как берут теперешние партийцы, которым платят совсем немалые деньги.

Да, он проповедовал слово Божие, ну а теперь проповедуют слово Маркса — Ленина — Сталина. И в одном, и в другом случае человеку навязывается определенная идеология, поучение. А если я не хочу, чтобы меня поучали? Если хочу сам до всего дойти? Или не достоин? Как слепого котенка нужно тыкать в дерьмо?

Припомнили арест. А за что два года провалялся на тюремных нарах? За разбой, грабеж, насилие? Просто имел неосторожность сказать (опять же на собрании), что полагал Ленин по поводу обсуждаемого вопроса. И за это надо было прийти за мной ночью, напугать до смерти бывшую на сносях жену так, что родила она мертвого ребенка, а потом два года, не имея ничего, что мне предъявить, продержат на каторге, а жене с малолетней дочерью не давать нигде работы? И это социализм? Это будущий коммунизм?

Зоя, к власти пришли подонки, нахрапники, авантюристы, а люди боятся. Очень боятся. Страх ско-

вал всех. Я думал, когда двадцать второго июня сорок первого пошел добровольцем, что буду воевать за новую, светлую жизнь, что после войны, такой страшной, кровавой, все всё поймут, и жизнь переменится. Ни черта! Еще пуще поощряется гнусность, которая идет сверху.

Зоя! Милая! Не ругай за то, что пишу все в открытую. Никому, кроме тебя, не могу этого сказать: Софье не до того, да и боится очень. А душа горит и болит. Ведь все мерзости делаются под знаком улучшения жизни народа. А разве я, моя жена, мои дети не народ? Разве они не хотят есть? Разве не я на свою зарплату должен их кормить, чтобы не умерли с голоду? Так почему же, почему должен подписываться на какой-то мифический заем, деньги от которого пойдут — неизвестно куда?

Письмо, как прочтешь, сожги. Обязательно сожги. Прости меня...

ГОД 1948-й УЛЬЯНОВСК

Дорогая Зоя! Давно не писал, так как положение мое самое неопределенное. Дело в том, что назначение в Ленинград отменили, а предложили Мурманск или Архангельск, от которых категорически отказался. Пришлось согласиться на Ульяновск, куда вчера и прибыл.

Это старый купеческий город на высоком берегу Волги. Кроме Ленина, здесь родился и писал Гончаров, в своих имениях жили Языков, Карамзин, Огарев, Денис Давыдов, семья Тургеневых, кое-кто из декабристов; бывал и Пушкин. Сведения успел почерпнуть из брошюрки, которую купил на вокзале.

Назначен служить в училище. Работа будет намного тяжелее прежней и оплачиваться ниже, но

выхода не было: подневольный человек...

Очень плохи дела с квартирами: поселили в канцелярии на стульях. Не знаю, как решу вопрос с приездом семьи, но перевозить нужно. Духом не падаю. Пиши.

* * *

...В жизни моей изменений мало, но завтра обещали дать ордер на квартиру, которая представляет собой комнату с альковом и тремя большими окнами. Комната красивая, светлая, но боюсь, что зимой — из-за окон — будет холодно.

Просишь подробно написать, где и кем работаю. Этого писать не положено. Скажу кратко: работаю в училище, которое готовит кадры для авиации. Работа пока чисто командирская. Получаю тысячу четыреста рублей, паек и обмундирование. Работа трудная, нервная. Но когда начнутся регулярные занятия, говорят, будет полегче. Дисциплина жесткая, требования большие.

О городе уже писал. Материально жизнь дешевле, чем в Калинин, однако плохо с сахаром и промтоварами.

Насчет переезда моей семьи на зиму к тебе скажу так: это было бы, наверное, хорошо, если бы не Софьин характер. Сильно обижаюсь на нее. Уже более трех недель бьюсь как рыба об лед, пытаюсь создать условия для их приезда, а она за все время удосужилась написать два коротеньких письма. Удивительно черствый и эгоистичный человек!

Сегодня ночью снилась мне ты, Зоя, а также отец с матерью, братья и сестры. Конечно, отца не помню, братьев и сестер — тоже: ведь я семнадцатый — последний — у матушки. Лучше всех знаю и люблю тебя. Удивительный ты человек — таких добрых не видывал. Окон-

чила с отличием епархиальное училище, участвовала в Первой мировой войне: работала сестрой милосердия в госпитале. Страдания, кровь, смерть... Вот скажи, почему не вышла замуж за того врача, который предлагал тебе руку и сердце? А все твоя стеснительность, зажатость, деликатность. Так и не устроила собственную жизнь, а потому раздарила ее чужим людям. Вкалываешь в своей конторе кассиром до посинения, боишься просчитаться хоть на копейку. А сколько раз свои собственные деньги вкладывала, когда тебя другие объегоривали?..

Очень беспокоит твоя астма. Все от сидячего образа жизни, от жилья — холодного и сырого.

Зоя! Зоя! Какие же мы нехватки. Я еще иногда пробую чего-то добиваться из-за семьи, детей, ты же — божий одуванчик...

Очень соскучился по своему сыночку: стал занятный, лопочет.

Пиши, не забывай. Жду твои письма.

ГОД 1949-й УЛЬЯНОВСК

Дорогая Зоя! Вчера ночью вполне благополучно добрались с Ритой до Ульяновска. Жаль только, что в Ясной Поляне не побывали: в понедельник, как мне сказали, музей не работает. Сумел показать барышне Маргарите Красную площадь, были в военторге. За семь часов пребывания в Москве большего не успели.

Дома все благополучно. Сашенька без нас переболел, но сейчас чувствует себя хорошо. Встретил с восторгом: в Москве купили ему мяч и кубики. Все дни играет и болтает без умолку. Всем рассказывает, что тетя Зоя прислала ему «сяколадку».

Вчера был в редакции, но там все в том же положении, что и до моего отъезда. Видимо, альма-

нах будет выпущен не раньше октября.

Софья благодарит за подарки. В хорошем настроении. Жалее, что ты не приехала.

Барышня Рита вчера уже была в школе. Вот посмотрю — проснется ли совесть и напишет ли тебе письмо.

Как только получу деньги, немедленно вышлю долг.

Передай своим друзьям, что высоких бот у нас полно, но только чешские. Если нужно — пусть напишут размеры. Вышлю, а они пусть шлют сахар...

* * *

...Очень виноват перед тобой. Два написанных письма лежат в сумке: все хотелось послать журнал с напечатанным рассказом. Но вижу, что к празднику вряд ли выйдет. Журнал набран, лежит в типографии, но в магазины поступит не раньше конца ноября. Две недели назад получил отзыв на эту вещь из Москвы (посылал ее и в Москву). Отзыв очень хороший. Сказали даже о возможном издании моих опусов отдельной книгой в военном издательстве, но я не столь наивен: все, как говорят умные люди, нужно пробовать, то есть или жить, или ездить в Москву. А бросить и не писать — не могу. Самые лучшие, самые горькие дни связаны с тем, когда пишу. Истинное творчество всегда замешано на сострадании. Мне всегда интересны люди, которые хотят отдать ум, знания и самую жизнь другим. Хочется как-то им помочь, только возможности малы. Всегда охватывает восторг от хорошего пришедшего в руки факта. Это — наивысшее счастье.

Если Бог дал человеку талант, он должен отдать его людям, отдать миру. И никто не имеет права посягать на честь, достоинство,

мозг и душу человека. У нас же многое преломляется и искажается в кривом зеркале жизни.

Есть вечные человеческие темы: любовь, гнев, зависть, сострадание, одиночество. Вот они-то больше всего меня интересуют. Стараюсь находить для их выражения наиболее точные слова. Часто в обыденной житейской фразе есть утешение плачущему, подсознательная уверенность, что, несмотря на все невзгоды, можно пройти по жизни, не теряя собственного достоинства. А самый талантливый писатель, художник, политик, единожды произнесший дурное слово о каком-либо ином, не близком ему народе, — растлитель душ человеческих. Не зря же в Евангелии от Матфея сказано: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

Почти все существование человечества связано с книгами, которые значили многое в жизни людей. Только они помогали становиться умнее. Современной молодежи совершенно непонятно то время, когда книги жгли, за них сажали, расстреливали. А ведь было, было... Люди часами, ночами засиживаются за глубокой, интересной книгой, получая наслаждение.

Три дня назад присвоили мне очередное звание. Теперь — майор, а к окладу ежемесячно прибавится сто десять рублей.

Дома все благополучно. Саше купили валенки с галошами. Он, как ежик, топаёт в них дома целый день.

У нас сегодня совсем зима, а вчера была прекрасная солнечная погода. Готовимся потихоньку к ноябрьским праздникам. Проведу их серо: в праздники — усиление. Приходится допоздна быть на работе. Но все же девятого, если Софья не растратит «капиталы» на муку и сахар, думаю устроить небольшую

вечеринку для литературных друзей.

Да! Очень советую взять в библиотеке «Открытую книгу» Каверина. Это в «Новом мире». Прекрасная вещь!

Крепко целую и шлю привет от семейства.

ГОД 1950-й ПОЛЕССК

...Сейчас поймешь, почему так долго не писал. Это письмо придет из Полесска Калининградской области. Прибыл со своими товарищами к новому месту службы. Городок Лабиау, а теперь Полесск, находится между бывшим Кенигсбергом, а теперь Калининградом, и Тильзитом, или Советском. Восточная Пруссия. Кенигсберг превращен в груды развалин и щебня, а Лабиау — целехонек. Удивительно живописный городок, утопающий в зелени, но сейчас, в январе, ее, конечно, нет. Однако много вечнозеленых растений. Когда выпадает снег, кажется, что попал в андерсеновскую сказку.

Сказали, всем офицерам дадут хорошие квартиры в бывших немецких домах с лужайками и садами.

Мои остались в Ульяновске, но как только получу жилье — перееду. Страшно тяжело было подниматься, однако имущество все привез (дали контейнер). Думаю, в феврале будем вместе.

Если бы ты знала, как надоело мотаться по белу свету, мотать семью. Рита в девятом классе: она же год в войну пропустила. Опять ей придется учиться в новой школе. Вот теперь будем жить на самом пороге Родины.

Ульяновский альманах издан. Рита вышлет тебе бандеролью. В Москву отправил новую повесть. Что скажут?

Береги себя и пиши.

* * *

...Зоя! У нас в Прибалтике уже совсем тепло: ручьи, капель. На весенние каникулы Риту реши-ли к тебе не посылать: материальные соображения. Ты уж не обижайся.

Хочу написать о необыкновенном сне, в котором было все как наяву, как на самом деле. Обычно так устаю, что сплю без сновидений, а тут снится мне тридцать восьмой год, село Выходы и собрание в школе, на котором тогда сказал, что Владимир Ильич Ленин писал о добровольной, планомерной работе по развитию кооперативных начал в деревне, об использовании мировой научной мысли и знаний спецов, о сочетании энтузиазма и материальной заинтересованности, деликатном преодолении культурного варварства.

Что же началось! Меня тут же, на собрании, обвинили в антисоветчине, а в октябре взяли. За антисоветскую агитацию и пропаганду. Припомнили и отца-священника. Слава Богу, что хоть не били, не пытали — повезло. Дали десятку. Но Бог помог. Отсидел только два с половиной. В моем деле, как и в делах многих таких, как я, конечно же, было влияние Вышинского¹. Сталину такие, как он, нужны были. Но я ни в чем не признавался. А в чем было признаваться?..

Намучились тогда Софья с Риточкой по-страшному. Как только

¹ Вышинский Андрей Януарьевич — советский государственный деятель. Зловещая, страшная фигура. Занимая очень высокие посты, с наслаждением унижал подчиненных, коллег, заслуженных — уважаемых профессоров. Люди говорили, что у него было невероятное обаяние держиморды. Его кредо: признание обвиняемого — царица доказательств. Это кредо давало возможность оправдывать любой произвол, любые методы следствия.

меня посадили, Софью начали гонять. Выгнали вначале из всходненской школы, хотя преподавала не литературу, не историю, а математику. Переехала в другое село. Опять выгнали. Переехала в третье. И только когда в тридцать девятом меня выпустили, мы вернулись в Спас-Деменск, и обоих снова взяли учителями.

Софья к тому времени заочно окончила пединститут, а мне пришлось восстанавливаться, так

как два года пропустил. Поэтому госэкзамены сдавал только в июне сорок первого. Сдал половину, и началась война. Диплом, конечно, не получил, а во время войны все в Смоленске сгорело. После войны нашел трех человек, которые подтвердили, что сдавал госы, но поскольку сдано было не все, сказали, что диплом дадут, если все госэкзамены сдам заново и еще некоторые предметы, которые не вошли в госы. Надо очень сильно готовить-

ся, а сил и времени нет. Не знаю, что делать.

* * *

Милая сестрица! Пишу открыточку с дороги. Мы уже в Туле. Добралась без особых казусов, хотя Софья стонет, что болят ноги. Из Тулы уедем, наверное, только утром: так удобней.

Крепко целуем и благодарим за прием.

Продолжение следует.

г. Москва

Софья АГАЧЕР

Зовут меня Елена Клименкова, пишу под литературным псевдонимом Софья Агачер. Родилась в 1961 году в Белоруссии. Окончила Минский медицинский институт, аспирантуру Первого Медицинского института в Москве, где и защитила диссертацию по специальности «анестезиология и реаниматология».

Довольно неожиданно для себя три года тому назад я начинаю писать короткие рассказы, эссе, очерки и путевые заметки. Открываю страничку под псевдонимом Софья Агачер — и оказывается, что мое творчество интересно людям. Сейчас мой блог «Будущее в прошлом» (<http://sofia-agacher.livejournal.com>) читают сотни человек в день. Но процесс развития остановить нельзя, и у меня появилось робкое желание показать некоторые из своих работ редакции вашего журнала.

Ваш журнал я читаю уже сорок лет, его страницы стали для меня родными и близкими, поэтому, помолившись Богу и попросив помощи у ангела-хранителя, я хочу представить вашему вниманию несколько своих коротких рассказов и буду бесконечно счастлива, если вы найдете возможность опубликовать их на страницах журнала.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ БОБ ЖЕЛАНИЙ

Окончание. Начало в № 12 за 2016 год

Рисунок Настасьи Поповой

Глаза Дэна, а это, как вы уже догадались, был именно он, смотрели на ветеринаров и стюардессу с мольбой и надеждой. Девушка в голубой униформе открыла чемоданчик, сделала укол щенку, потом надела на него маску и открыла баллончик с кислородом. Четырехлапый пациент перестал дергаться, ровно задышал, его язык порозовел и стал двигаться в такт дыхания.

— Вот и хорошо, летите себе на здоровье. Просто твой друг, мальчуган, немного перевозбудился и устал от духоты. Каждые десять минут будешь давать ему немного подышать кислородом, а через два часа сделаешь ему еще один укол. Держи лекарство. Кислородное оборудование отдашь в аэропорту прилета. Счастливого пути! Ты прав, малыш, друг — это очень важно в жизни. Хорошего вам Рождества и удачной операции! — закончила инструкции ветеринар, протягивая мальчику шприц с лекарством.

Все 180 пассажиров, среди которых было не менее ста пожилых людей, инвалидов и детей, терпеливо ждали, пока будет оказана ветеринарная помощь щенку, который был таким же пассажиром, как и они, и у него, как и положено, был свой билет. На протяжении всего рейса Ромка сидел очень тихо и о чем-то думал, а после того, как стюардесса в очередной раз объявила, что со щенком теперь все в порядке, что он спит и не проявляет признаков беспокойства, повернулся к Софье и прошептал:

— Понимаешь, башка, Санта исполнил мое желание! Дэн нашел себе друга, точно такого же, как и он сам. Ведь когда я просил Санту, там, у стеклянного

боба, я представлял именно Дэна. Но я не ожидал, что его другом станет собака.

В итоге рейс прилетел позже на три часа. Кто-то опоздал на другой самолет или поезд, у кого-то сорвалась важная встреча, от которой многое зависело, все очень устали и были голодны, поскольку теперь на внутренних рейсах кормят только в салоне первого класса, но никто не ругался. Все пассажиры как-то помолодели и посветлели изнутри от соприкосновения с чудом детской любви, улыбались и желали друг другу счастья.

Погода для конца года стояла фантастически теплая, серьезно жарило солнышко и океан был похож на ласковую теплую большую ванную. Софья и Ромка каждый день ходили на пляж, много плавали, играли в мяч, катались на досках. Наступило первое января, Дед Мороз принес внуку в подарок новый скутер, но настроение у ребенка было не очень, поскольку неизвестно куда подевались все мальчишки, а остались только девчонки и взрослые. Короче, ему было скучно.

Девочки самозабвенно возводили сказочный замок из песка, выкладывая его башни блестящими перламутровыми ракушками и разноцветными камнями. Ромке играть было абсолютно не с кем, бабушка, уже загнанная часом футбола, была не в счет. Поэтому, захватив свои фигурки супергероев и ниндзя, мальчик подошел к выстроенному замку, окруженному феями в розовых купальниках, и предложил:

— Привет, отличный замок вы построили, а теперь давайте поиграем в нем в приключения. Пусть

мои игрушки поживут в вашем замке. Можно устроить небольшую осаду — ниндзя будут наступать, а супергерои будут защищать замок.

Девочка лет девяти встала и побежала к маме. Слегка располневшая женщина средних лет решительно подошла к Ромке и сказала:

— Мальчик, не мешай моим дочерям играть, видишь, они не хотят, чтобы твои игрушки в нем жили, им просто нравится строить.

Софья, понимая, что внука и замок надо спасать, подошла поближе и сказала:

— Ромка, родной мой, ведь сегодня первое января, давай будем лепить новогоднюю бабу, только не из снега, а из песка, повяжем ей шарф, наденем мою шляпу, сделаем из веточек руки, а из ракушек глаза, нос и рот.

Но тут раздался щенячий визг, и из-за куста вылетел пушистый шар, врезался в самую большую башню замка, обрушил ее и принялся радостно крушить остальную песочную красоту.

— Фу, Фредди, назад, нельзя, — раздался мальчишеский голос, и из-за тех же кустов вышел Дэн, поблескивая на солнце своими протезами и нисколько этим не смущаясь.

Ромка схватил песика на руки, прижал к себе и начал с интересом рассматривать небольшие, сделанные из какого-то непонятного материала лапы-протезы щенка.

— Привет, Дэн, это просто фантастика, твой доктор что, волшебник?! Посмотри, какие классные лапы он сделал Фредди, а как быстро он на них бежит! Я так рад, что ты нашел друга. И если я расскажу тебе,

что это сделал Санта, которого я попросил об этом у стеклянного боба, то ты все равно мне не поверишь, — тараторил, смешивая все слова в одну кучу, абсолютно обалдевший Ромка.

— Я так рад тебя видеть, Роман! Как неудобно получилось, что Фредди разрушил такой красивый замок! Чудо, а не замок! — трагическим голосом сокрушался Дэн.

— Да брось ты, какое это чудо, это просто куча песка! Вот то, что ты нашел друга и помог Фредди научиться бегать и жить, вот это чудо! — И Ромка радостно смеялся.

— Понимаешь, Роман, у каждого народа свое чудо, — стал вдруг объяснять обычно молчаливый Дэн. — Эти девочки из народа ящериц, они греются на песке и любят камнями. А ты, например, из народа кошек, ты умеешь играть, уходить в мир фантазий и воплощать в жизнь сокровенные желания других людей и существ. А я и Фредди — мы из народа дельфинов, поэтому нам не нужны руки и ноги, в воде мы можем двигаться и без них. А теперь пошли купаться. Фредди, за мной!

Мальчишки и щенок вбежали в кипящую под сильным, но теплым ветром воду и поплыли. Софья, слышавшая весь их разговор, осталась, пораженная, сидеть на песке. Она думала о том, что определенные места, наверное, притягивают к себе, концентрируют определенные энергии. И здесь они наверняка хорошие, добрые. Ведь не может быть просто случайно, что в одно и то же новгоднее время, в одном и том же месте ей довелось опять увидеть такую совершенно особенную любовь человека к собаке.

Первое января прошлого года выдалось на редкость холодным и ветреным для восточного побережья Флориды, вода была

ледяная, океан бушевал, песчаный ветер забивал глаза и рот любому смельчаку, появившемуся на пляже. Софья и Ромка пришли погулять под защитой деревьев в прибрежном парке, захватив с собой фотоаппарат. Удивительно, но мальчишке нравилось смотреть на мир через объектив, выхватывая кусочки реальности, он испытывал азарт, сравнимый с тем, что он чувствовал, играя со своими компьютерными персонажами — тот же прицел, поиск, ожидание, удовольствие от процесса и получения трофея. Правда, бабушка, не разделявшая его увлечения компьютерными играми, считала, что внук в такие минуты похож больше всего на охотящегося кота. Мальчик старался плавно и бесшумно подобраться к толстой красавице-белке с большим серым хвостом, которым та стучала по дереву, но за долю секунды до щелчка фотоаппарата белка мгновенно взлетала вверх и спряталась за ствол. Она играла с ребенком, заманивая его в менее людную часть парка, и как будто хотела ему что-то показать или с кем-то познакомить. Вдруг в объектив Ромкиного фотоаппарата попал веселый молодой пес серо-мраморного окраса с ярко-салатовыми глазами, остановившийся возле огромного, со множеством стволов, индейского дерева, внутри которого когда-то, вероятно, могли пережидать ненастья коренные жители Америки. Эти деревья из вида фикусовых были настоящими раритетами, они жили до тысячи лет. Белка бегала среди бесконечных толстых веток своего дома и швыряла в пса какие-то маленькие сухие плоды. Собака нервничала, лаяла и нарезала вокруг дерева круги. Ромка же бегал за собакой, радуясь возможности подвигаться и поиграть со столь необычными друзьями.

Недалеко от дерева стояла тележка, где лежали какие-то

сумки, туки, скрученный тюфяк, циновка, на ней сидел бледный, худощавый мужчина лет сорока, спокойной наблюдавший эту сцену. Через несколько минут он достал из тележки игрушечного мишку и бросил собаке. Пес понял команду, схватил зубами игрушку и весело понес ее обратно, своему, вероятно, хозяину. Мужчина ласково потрепал собаку по холке, глядя на нее с невероятной нежностью, а пес лизал руки человеку и терся об него.

Каждый раз, когда Софья вспоминала этот момент, ей становилось тепло на душе и как-то блаженно, что ли, прямо как в далеком детстве, когда щенки дворовой суки Ляли пищали и ползали по ней, перебирали лапками и щекотали мягкой шерсткой.

Вдруг пес поднял голову, посмотрел на Ромку, подбежал к нему, сел напротив и начал позировать перед фотоаппаратом, словно правая модель. Мальчик с удовольствием сделал несколько снимков, и только после этого мужчина подошел к собаке и поздоровался с Софьей и Ромой.

— Здравствуйте, меня зовут Тим, а это мой пес Джереми. Он очень умный и дружелюбный. Мы только два дня как живем в этом парке, а он уже познакомился со многими его обитателями и гостями. — Отсутствие у мужчины загара само по себе говорило о том, что он не местный житель.

— Добрый день, да, замечательная собака, такая веселая и очень жизнерадостная, — ответила ему Софья, поглаживая пса, облизывающего Ромкины руки.

— Это вы очень точно подметили, Джереми ценит и любит жизнь. Два месяца тому назад он перенес сложнейшую операцию на сердце, ему заменили клапан. И теперь он может бегать и играть, как щенок. — Тим сказал об этом так просто, словно для него это было заурядное событие.

— Собаке заменили клапан? — поразилась тогда Софья, почему-то краснея, как будто стыдясь своего недоверия. — Но ведь подобная операция стоит баснословно дорого даже для человека?

— Вы правы, очень дорого, я был вынужден продать дом и машину, чтобы ее оплатить. Оставил свою работу, и мы переехали сюда, на берег океана, поскольку Джереми нужен теплый климат, чтобы он мог быстро восстановиться после операции и прожить еще достаточно долго без повторной замены клапана. И, как видите, сейчас все наше имущество помещается на этой тележке, — спокойно закончил Тим.

После этих слов у Софьи мелькнула подленькая мыслишка: «Это надо же, какую слезливую историю придумал бездомный. И как психологически рассчитал все правильно, собаку обязательно пожалеют и подадут денег побольше».

За то, что она потом сделала, ей было стыдно до сих пор. Софья полезла в карман и со словами:

— Возьмите, пожалуйста, это для Джереми, — протянула Тиму деньги.

— Извините, но нам не нужны деньги, — сказал, выпрямившись, хозяин собаки. — На первое время у нас есть немного, а потом мы найдем работу и снимем жилье, — мягко продолжил он. — Не обижайтесь, но в мире так много детей, которым необходимо дорогостоящее лечение, что я не могу брать деньги для нас. Отдайте лучше детям, а нам Бог пошлет! Четыре года тому назад я заболел, мне сделали операцию, но неудачно, и тогда мой друг подарил мне щенка. Это был Джереми. Он спал на моей груди и дарил любовь — бесознательную, безотчетную, чистую, которая вылечила меня, и я поправился, но через год заболел Джереми. Разве я мог бросить

пса, которого люблю больше всего на свете. Дом, машина, работа, город приходят и уходят, а такая любовь, как у нас с Джереми, — это дарованное свыше счастье, и сейчас моя очередь беречь его, — закончил разговор Тим, взяв Джереми за поводок, и они ушли, а Софья и необычно притихший и прижавшийся к ней Ромка остались на месте, оба наполненные непривычно-изумленным ощущением соприкосновения с чудом.

«Сегодня, ровно через год, это чудо вернулось, теперь в лице Дэна и Фредди», — думала Софья. Визг скулющего от холода щенка, которого бережно выносил из океана Ромка, вернул ее из воспоминаний в настоящее.

Мама Дэна подошла к берегу с двумя полотенцами и накрыла ими мальчишек, чтобы те согрелись. Софья же своим вытирала щенка на руках у внука.

— Башка, башка, — по привычке тараторил Роман, — Дэн считает, что он и Фредди из народа дельфинов, потому что у них нет кистей рук и ступней ног, а я думаю, что они оба из народа собак, как Тим и Джереми, только Тим и Джереми собаки земные, а Дэн и Фредди морские.

— Почему из народа собак? — удивилась Софья.

— А потому, что только человек с собачьим сердцем может любить так преданно и безотчетно, как собака. Я так любить не сумею, у меня другой талант, я умею играть и фантазировать, поэтому Дэн прав, я из кошачьего народа, — не унимался мальчишка, кутаясь в бабушкин махровый халат.

Солнышко стало клониться к западу, на пляжи неумолимо напозла тень, начался прилив, подул холодный ветер, напомнивший о том, что январь — все-таки зимний

месяц. Наши герои, две женщины, двое мальчишек и щенок, собрали свои нехитрые пожитки и пошли домой через любимый пляжный парк. У самого выхода на прибрежную улицу, прямо у высокой полицейской будки, на цинковке сидели их старые знакомые: Тим и Джереми. Рядом с Тимом лежал ворох пальмовых листьев, из которых тот мастерил какую-то замысловатую штуковину, на Джереми, как и на его хозяине, была плетеная шляпа, только из нее торчали собачьи уши. Перед ними лежали плоды их творчества: шляпы, абажуры, кресты, украшения, коврики.

Щенок на руках у Ромки смело запаял на Джереми, но тот повернул в его сторону голову, внимательно посмотрел на собачьего детеныша, подошел к куче шляп, выбрал одну из них, самую маленькую, с козырьком и принес в зубах ее Ромке. Мальчик взял шапку, и пес пролаял несколько раз, как будто предлагая что-то.

— Добрый день, — поздоровался, приветливо улыбаясь Тим. — Не удивляйтесь, это специальная шапочка для собак с отверстиями для ушей, а в подборе размера и подходящей модели Джереми еще ни разу не ошибся. Посмотрите, как очаровательно выглядит ваш щенок в этой плетеной шапочке, да и для здоровья полезно, кожа на носу у собак сгорает почти так же быстро, как и у людей на лице, если они не носят широкополые шляпы. Знаете, мэм, всю выручку от продажи своих поделок сегодня мы отдаем в помощь приюту для бездомных животных, так что те деньги, что вы хотели подарить моему псу ровно год тому назад, можете сейчас потратить на шляпы для всей вашей семьи, — неожиданно произнес Тим, вспомнив прошлогоднюю встречу с Софьей и Ромкой.

— Джереми, родной, подбери, пожалуйста, всем нашим друзьям плетеные шляпы, — подчеркнуто церемонно обратился он к своему хвостатому партнеру по бизнесу.

Пес по очереди выбрал и принес каждому подходящую ему шляпу. После чего Софья, почему-то слегка засмущавшись, протянула Тиму деньги.

— Вы знаете, — сказал Тим, — я и Джереми обрели в этом уголке счастье. Мы оба здоровы, снимаем недалеко отсюда маленькое бунгало, ночью я работаю сторожем, а днем плету эти безделушки из листьев тропических растений, и Джереми продает их. Благодаря ему многие местные собаки и их хозяева носят наши шляпы. Такая, знаете ли, униформа для местного собачьего братства. Мы очень были рады вас вновь встретить, и, знаете, мы здесь бываем каждые выходные, приходите, мой Джереми многому сможет научить вашего щенка.

При этих словах глаза пса стали еще светлее, а улыбка его хозяина — еще белее и шире. И как будто в подтверждение сказанного Тимом Джереми подошел к Ромке, державшего Фредди на руках, пролаял несколько раз и отбежал немного в сторону по зеленой траве парке, словно предлагая побегать наперегонки, как в прошлый раз с белкой. Щенок неожиданно прыгнул с рук мальчика и с задорным тьяканьем побежал за псом. За Фредди, конечно, помчался Ромка, а за ним и Дэн. Джереми отбегал немного вглубь парка, потом останавливался, оглядывался и, улыбаясь, да-да, именно улыбаясь, ждал Фредди и мальчишек, потом опять отбегал, прокладывая маршрут среди цветов и деревьев. Первым, конечно, обратно к куче плетеных шляп прибежал Фредди, с удовольствием начав наводить свой порядок на циновке Тима, потом прибежал Дэн, потом Ромка, бег

которого непостижимым образом замедлял Джереми. Пес лапами запрыгивал на спину мальчишке, сбивая его с траектории бега и как бы давая ему понять, что тот не должен быть первым в этой гонке.

— Ура, ура, мы победили, — закричал восторженно Дэн, подхватив на руки щенка и прижав его к своей груди.

— Извините, нас, пожалуйста, Тим, за наш беспорядок, — весело произнесла Софья, — Ромка сейчас все положит на место.

— Вот и отлично, — продолжил Тим, — а Джереми ему поможет.

Мужчина, кожа которого за этот год приобрела коричневый просоленный оттенок жителя юго-восточной Флориды, и женщины в плетеных шляпах еще долго наблюдали за игрой мальчишек и собак, напоминающей, скорее, цирковой аттракцион, чем продажу изделий, сделанных из растений.

Здесь, на тротуаре прибрежной улицы, можно было бы и оставить

наших героев, потому что история рассказана и волшебство свершилось. Но все-таки хочется воспользоваться временем их игры, оглянуться вокруг и описать места, где они встретились и где сказка становится жизнью и судьбой.

Главной достопримечательностью места, где отдыхали Софья и Ромка, как вы помните, были океанские пляжи — многие километры изумительного песка, накрываемого волнами или, как говаривали местные индейцы, сильной высокой водой. Зимой здесь сезон ветров, поэтому паруса и парашюты, словно яркие разноцветные фонарики, развешенные по небу, украшали колышущуюся плоть океана. На песке же стояли пестрые яркие домики спасательных станций. Пятьдесят лет тому назад в стиле art deco их создали молодые художники и причудливо раскрасили в желтые, лиловые, голубые тона, а поселились внутри них красивые загорелые парни-спасатели. И почему-то так случилось, что и эти бережно хранимые

спасательные станции, и эти вечно молодые парни, словно пропитанные ушедшим временем сильных мужчин и тонких сексуальных женщин, как будто задержали здесь эпоху шестидесятых, когда было ясно, кто есть кто, где контрасты оттеняли и дополняли друг друга, где мужчины были щедры, женщины — преданны, а дети счастливы, где было понятно, кто человек, а кто волшебник, и где люди были сопричастны истории.

Именно тогда, в шестидесятые годы прошлого века, здесь, на океанском побережье Флориды, начался очередной строительный бум, чему очень способствовали события, разворачивавшиеся на острове Свободы. Куба закрыла для американцев свои прекрасные отели, чем подтолкнула к еще более интенсивному освоению Miami Beach — небольшой полоски шикарных пляжей, тянущихся между Атлантическим океаном и Бискайским заливом. В этом милом городке, или, вернее сказать, в пригороде огромного портового Майами, располагались в основном небольшие виллы, домики, маленькие мотели, где любили отдыхать как богатые, так и простые американцы.

Двух- и трехэтажные смешные домики с яркими, всех цветов радуги козырьками и зонтиками были как бы естественным продолжением пляжей с их такими же блестящими зонтиками, только размером поменьше, и такими же загорелыми красивыми людьми, говорившими на всех языках мира и одетыми исключительно в собственные тела, поскольку те клочки материи, остававшиеся на них, одеждой назвать было никак нельзя. И этому творческому, интернациональному и теплomu раю стали угрожать огромные монстры. Двадцати-, тридцати- и сорокаэтажные небоскребы с шикарными барами, ресторанами, казино начали теснить разноцветные домишки, спасательные станции и людей, играющих на пляже в волейбол. Но эти люди, живущие в Майами Бич и в Майами, приезжавшие сюда отдыхать на свои пляжи и любившие сидеть в маленьких ресторанчиках и танцевать на улицах под навесами сальсу из Колумбии, танго из Аргентины, фламенко из Испании и меренгу с Карибских островов, — не были из народа сусликов, поэтому они сначала вышли на

улицы с требованиями прекратить строительство крупных зданий, а затем заставили власти создать заповедник домов и пляжей в стиле арт-деко.

В ком-то из них текла кровь свободных пиратов, в ком-то — невольников с Ямайки и Юга Америки, в ком-то — испанских конкистадоров, а кто-то просто был из хиппи-цветов, история об этом умалчивает, но благодаря им любой житель земли может по-прежнему прийти на эти пляжи, купаться, чувствовать запах океана, гулять или кататься на роликовых коньках по прибрежному треку, смотреть на дефиле длинноногих супермоделей на крышах трехэтажного отеля «Николь», любоваться на фантастические гоночные машины, глазеть на потрясающе красивых людей всех оттенков загара от черного до желтого, движущихся под музыку и танцующих всеми частями тела практически на любом пятачке песка.

И, конечно, дети, пропитанные веселой и задорной энергией этого заповедного места, созданного и сохраненного множеством искренних сердец, хотят творить волшебство и превращать фантазии в реальность.

США

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Валерий Ильичев родился в Москве в 1939 году. В 1956 году поступил на службу в органы милиции, в которых проработал до 1996 года. Значительный опыт работы в уголовном розыске позволил В. Ильичеву детально изучить психологию представителей криминального мира и тайные механизмы подготовки и совершения преступлений. Литературную деятельность В. Ильичев начал в 1966 году. Его рассказы печатались в журналах «Советская милиция», «Социалистическая законность», «Сыщик России», «Человек и закон», газетах «Щит и меч», «Петровка, 38», «Вечерняя Москва», «Московская правда». В издательствах «Эксмо», «Вагриус», «Олимп» опубликованы его повести «Перстень с печаткой», «Элегантный убийца», «Псих против мафии», «Гильотина для палача» и ряд других.

На страницах журнала «Юность» в последние годы печатались такие произведения Ильичева, как «Ставка на зеро», «Тайна "Семи грехов"», «Страсти сыщика Перова», «Похождения "Подмигивающего призрака"», «Агентурный роман», «Схватка бульдогов под ковром», «Кармическое погружение», «Страсти по изумрудной броши». Прошлый год нам запомнился ильичевской повестью «Шанс».

И вот новая встреча с неизведанным! Перед вами не просто яркий детектив — это как раз тот случай, когда правда жизни порождает ее философию. Что ж, в добрый путь, уважаемые читатели.

НАВСТРЕЧУ ВЕЧНОСТИ

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА 1. ПОДОЗРЕНИЕ В УБИЙСТВЕ

Обычно Семен Иноземцев водил свои «жигули» осторожно, словно все детали его автомашины были собраны из хрупкого хрусталя. Он знал, что при малейшей аварии старое транспортное средство развалится и его не заставишь вновь двинуться с места. Но в этот раз он вел машину нервными рывками, словно бездушная

техника была виновата в крушении его семейной жизни. Вспоминая последний скандал с женой, он еле сдерживал себя от ярости: «Додумалась возложить на меня вину за свою измену. Я в ее глазах несостоявшийся художник, "мазню" которого не покупают. А существовать на жалкие вознаграждения за редкие рекламные заказы она не же-

лает. Все и уперлось в элементарное бабло. С каким наслаждением я бы оттащил ее за волосы для вразумления! И кто только выдумал, что женщин бить нельзя? Таких бессовестных стерв вполне даже можно!»

Обидные воспоминания отвлекли внимание Иноземцева, и он едва успел избежать столкновения с внезапно подрезавшей его иномаркой. В гневе догнал нарушителя перед светофором, намереваясь высказать свое негодование. Но владелец «БМВ», заметив его маневр, лишь высунул из окна огромный кулак с поднятым вверх средним пальцем. И Иноземцев, благоразумно проглотив обиду, лишь бессильно выругался вслед наглому водителю с повадками крутого бандита.

Подрулив к тротуару, он достал бутылку с водой и жадно сделал глоток. Немного успокоившись, нашел оправдание недавней ситуации. «А вдруг этот человек спешит к больному родственнику? Тогда ему не до соблюдения правил. И нечего поднимать бурю из-за ничтожного повода. У меня полоса сплошного невезения после разрыва отношений с Люськой».

В памяти вновь всплыло злое лицо жены, объявившей о своих отношениях с более достойным человеком. Его тогда взбесило требование оставить ей квартиру, в которой она сможет начать новую жизнь. Но он выполнил это требование и теперь вынужден был арендовать жилье, на которое вечно не хватало денег. И Иноземцев постоянно в свободное время занимался извозом. Вот и сегодня он колесил по городу в поисках случайных пассажиров.

От невеселых раздумий Иноземцева отвлек настойчивый стук в боковое стекло:

— Эй, шеф, свободен или просто загораешь, ожидая кого?

— Куда ехать?

— Тут недалеко. За полчаса довезешь нас с приятелем до места за пятьсот рублей. Мы покажем. Давай, Стас, садись. Видишь, земляк согласен.

Иноземцеву не понравился командный тон пассажира, говорящего с явным превосходством. Но возражать было поздно. По-хозяйски открыв дверцу, рядом с ним сел поджарый мужчина лет тридцати со спортивной сумкой через плечо, а на заднее сиденье грузно плюхнулся высокий амбал, поставив себе на колени туристский рюкзак. Острая нужда в деньгах и угрюмый вид севшего сзади силача заставили Иноземцева повиноваться. А разговорчивый худощавый мужик повернулся к нему с нарочито приветливой улыбкой:

— Тебя как зовут? Семеном? Хорошее имя. А я Леша. Для друзей просто Леший. Сзади наш покой караулит Стас. Он вообще-то безвредный, если ему не возражать.

— Я понял. Назовите конечный адрес.

— Сначала поедем вперед по Садовому кольцу, а потом Стас подскажет, где с него свернуть. Он, в отличие от меня, столицу хорошо знает.

— Мне не нравится ехать туда не знаю куда.

— Слушай, не усложняй ситуацию. Ты везешь, мы платим. Мало «пятихатки» — мы еще добавим за отличную службу. Давай трогай. Только не гони. У нас в запасе есть время. Да, и внимание ментов лихой ездой не привлекай напрасно.

Чутко уловив в голосе пассажира нотки злого раздражения, Иноземцев поспешил тронуть машину с места. «Похоже, я попал в очередную неприятность. Этот худощавый мужик и впрямь лесного духа напоминает. И его боязнь засветиться перед полицией тревожит. Поставлю свечку в церкви, если эта поездка закончится благополучно».

В этот момент сзади последовало указание:

— Вот тут сверни направо и сбавь ход. Нам раньше времени появляться на месте незачем.

Иноземцев послушно заехал в узкий переулочек и почувствовал, как неприятный холодок пробежал по спине, поняв, что поездка добром не закончится.

Петляя по указанию Стаса мимо старых московских особняков, Иноземцев понял: «Едем в центр города, но каким-то странным кружным путем. Пассажиры явно тянут время».

Внезапно Стас приказал:

— Притормози на том углу возле закрытого ларька и выключи мотор. Здесь и будем ждать нашего клиента.

— Мне некогда прохладиться. Надо на жизнь зарабатывать.

— Ты, похоже, не врубился в ситуацию, земляк. Мы теперь в одной упряжке. И твоя жизнь зависит от нашей удачи. Так что молись, чтобы нам всем отсюда убраться в целостности и сохранности. Объясни ему, Леший.

Иноземцев не успел возразить, как сидящий рядом пассажир сноровисто вытащил пистолет и больно ткнул им в его ребра:

— Шутки закончились. Давай выходи, медленно обогни капот машины и переседай на мое место. И не вздумай показать свою скорость в беге на стометровку. Я из этого пристреленного ствола менее двадцати восьми очками из трех патронов не выбиваю. Сниму тебя с дистанции на раз плюнуть. Хочешь проверить?

Иноземцев медленно выбрался из машины и, тяжело переставляя отяжелевшие от страха ноги, послушно пересел на переднее пассажирское сиденье. Заняв его место за рулем, Леший насмешливо похлопал Семена по плечу:

— Вот и молодец! Наверное, жена довольна таким покорным муженьком. Не удивлюсь, что и посуду ты по внеочередному наряду сам на кухне отмываешь. Ладно, не обижайся. Это я так, для поддержания культурной дружеской беседы спросил. Не мое кошачье дело до твоей собачьей жизни. Ты не бойся. Нам тут встреча предстоит с одним зловредным должником. Мы с ним только потолкуем. А потом поезжай куда хочешь. Есть вопросы?

— Если все так просто, то зачем меня от управления машиной отстранили?

— У нашего должника охрана серьезная. Может воспрепятствовать личному контакту. Возможно, даже придется идти в отрыв. Так у меня опыта ухода от погони больше, чем у тебя будет. Если все пройдет гладко, получишь пять тысяч вместо обещанных пятисот за недолгое ожидание. Надеюсь, ты все понял? Ну, что там у тебя, Стас?

— До выхода объекта минут десять осталось. Как только он появится, то сразу газуй к тому плакату и тормози на минуту. И вопрос будет решен.

Заметив в зеркале, как Стас деловито достает из рюкзака автомат, Иноземцев догадался, что мирной беседы не планируется, и похолодел: «Они собираются грохнуть какую-то важную персону, и полиция меня заметет вместе с ними. Если, конечно, в живых останусь. Все, я пропал».

И Леший, чутко уловив его настроение, ободрающе подмигнул:

— Не хорони себя, братан, раньше времени. Прорвемся и тебя в живых оставим. Еще погуляешь в свое удовольствие. А это тебе аванс, чтобы легче стресс перенести.

И бандит, достав пятитысячную банкноту, небрежно засунул ее в нагрудный карман пиджака Иноземцева. Того передернуло от обиды: «Он мне деньги всучил, словно клиент расплатился с уличной путаной за оказанные сексуальные услуги. Съездить бы кулаком по его наглой морде. Но под дулом пистолета придется стерпеть. Этот Леший предусмотрительно держит ствол в левой руке, и мне до оружия не дотянуться. Да и Стас с автоматом затаился за моей спиной. Нет выхода!»

В этот момент Иноземцев ощутил жалость к своей рано загубленной жизни и злобную ненависть к явно издевающемуся над ним бандиту. Внезапно Стас хрипло произнес:

— Внимание, появился объект с точностью до минуты. С ним только двое охранников. Гони, Леший, а то опоздаем!

Машина рванулась с места, и Иноземцева резко качнуло вперед. Он едва избежал удара лицом о лобовое стекло. И тут же с заднего сиденья раздалась автоматные очереди. Иноземцев успел заметить, как падают простреленные тела лысого человека с кейсом в руке и стоящего рядом с ним телохранителя. И тут же «жигули», набрав скорость, поспешили удалиться от места убийства. Уцелевший при расстреле второй охранник выскочил на проезжую часть улицы и успел дважды выстрелить вслед киллерам. Но «жигули», проделав крутой вираж, скрылись за поворотом.

Уйдя из-под обстрела, Леший возбужденно радостно заговорил:

— А ты, Стас, не врал про свое мастерство: пули легли кучно в цель. Объекту грудь разворотило. Задание выполнено. Осталось только получить бабло. Ну, что молчишь? — Леший повернул зеркало в сторону приятеля и с досадою присвистнул: — Не повезло! Телохранитель стрелял навскидку, почти не целясь, а угодил точно в Стаса. У нас с тобой, Сеня, осложнение оперативно-тактической обстановки. Ну, что скажешь?

— Он еще дышит. Вон кровь из раны рывками выплескивается при выдохе. Его надо срочно везти в больницу.

— А может быть, сразу направимся в полицию писать явку с повинной? Нет, земляк, этот вариант не подойдет. Жаль, конечно, мужика. Но он хорошо знал, на какой риск подписался. А потому о нем надо молитвы читать, а не о лечении беспокоиться.

— Но так нельзя с ним поступить! Вы его фактически убиваете своим промедлением!

— Надо же, какой жалостливый попался. Лучше о своей судьбе подумай. Стас совершил ошибку, оставив в живых второго охранника. А тот наверняка номер наших «жигулей» запомнил и сообщил полиции. Похоже, нас уже засекли. Видишь, сзади машина ДПС пристроилась и все наши маневры повторяет. Боятся сейчас нас задерживать, ждут подкрепления. Идем в отрыв, держись, Сеня.

«Жигули» жалобно заскрипели от натужной нагрузки и неожиданно для преследователей рванулись вперед, ловко маневрируя в потоке машин. Патрульная машина замешкалась и заметно отстала. И Леший, рискованно подрезав грузовую фуру, свернул в ближайший переулочек и, петляя проходными дворами, вылетел на соседнюю улицу. Затем, решив, что они оторвались от пресле-

дователей, снизил скорость и обратился к Иноземцеву:

— Слушай, Семен, по уму мне надо тебя сейчас кончить. Но я воздержусь. И не из человеколюбия. Номер наших «жигулей» на заметке у полиции, и шансов скрыться у нас мало. Ты мой единственный свидетель, что банкира завалил Стас, а я лишь водила. И если нас схватят, скажешь, что я подчинился злой воле напарника. За это сочувствующие мне люди подкинут тебе денег на новую тачку.

— А если строгие следователи из меня всю правду выжмут?

— О таком даже не помышляй! Мои друзья тебя на ремешки порежут. Да и я тебя за собой в зону потяну и дам показания, что ты в убийстве банкира сознательно участвовал за вознаграждение. Ну а теперь давай подсказывай, как нам кратчайшим путем за город выбраться. Там мы с тобой разбежимся в разные стороны.

Насмешливая улыбка слегка скривила губы бандита. И Иноземцев окончательно понял, что его судьба предрешена: «Если уйдем от погони, он прикончит меня без раздумий. Выход один: устроить аварию здесь в центре города. Это шанс остаться живым, хотя и покалеченным».

И Иноземцев начал выполнять свой план. Он пояснил:

— Как ни петляй по переулкам, а до загородного шоссе километров пять придется проехать по основной трассе. Сейчас час пик. Авось в потоке машин затеряемся и проскочим.

Леший посмотрел с подозрением. Но у него не было выхода, и он подчинился указаниям приговоренного им пассажира. Когда он послушно выехал на широкую дорогу и влился в сплошной поток машин, Иноземцев решил: «Здесь и сейчас».

Еще раз проверив ремень безопасности, он впился взглядом во встречный поток машин. Наконец Иноземцев заметил, как иномарка с тремя пассажирами снижает скорость перед светофором, и решил: «Пора! Место оживленное. На глазах многочисленных пешеходов он не станет меня приканчивать. Если мы, конечно, уцелеем».

И, внезапно перехватив руль, Иноземцев резко повернул его влево, направив навстречу тормозящему джипу. Не ожидавший такой прыти от пассажира Леший не успел среагировать. И, услышав грохот столкновения, Иноземцев почувствовал, как его резко тряхнуло и ударило головой о стенку салона. В тот же момент сознание покинуло его.

Он не видел, как Леший, прижав локоть к поврежденным ребрам, поспешно покинул «жигули». Прихрамывая, он перебрался на противо-

положную сторону улицы, проголосовал и сел в попутную машину. Очевидцы ДТП, занятые оказанием помощи пассажирам в поврежденной иномарке, не обратили внимания на его бегство. Кто-то догадался вызвать скорую помощь и полицию.

Когда Иноземцев пришел в себя, он ощутил тошноту и головокружение и не сразу обратил внимание на стоящего перед ним плотного человека с небольшими щегольскими усами. Тот радостно произнес:

— Очнулся, браток! А мы за тобой по всему городу уже более часа гоняемся. Расскажешь нам, за сколько и кем был нанят для убийства. У тебя, кроме шишки на голове, других видимых повреждений нет. Так что поедешь с нами.

В этот момент в разговор вмешался пожилой врач:

— Нет, молодой человек, тут я вам не уступлю. Профессиональный долг требует отвезти пациента в больницу на обследование. Видимых переломов нет, но возможно внутреннее кровотечение. К тому же видны явные признаки сотрясения мозга. Я его отвезу в клинику, а вы уж по своему ведомству установите там охрану. А потом, если лечащий врач позволит, то допросите.

— Ладно, доктор, мы поедем следом за вами и обеспечим ему наблюдение в отдельной палате.

— Ну и хорошо. А сейчас мы ему сделаем успокоительный укол для транспортировки.

Человек в белом халате наклонился и, задрав рукав рубашки Иноземцева, ввел ему лекарство. С ужасом осознав, что его подозревают в убийстве, он хотел заявить о своей невинности. Но реальность начала растворяться в струйках тумана, и фигура стоящего перед ним сотрудника полиции окончательно исчезла.

Сознание возвращалась к Иноземцеву замедленно, причудливыми рывками. Отвлекала боль с правой стороны головы. Прошло несколько минут, и в его в памяти начали восстанавливаться события кровавого происшествия. В ушах зазвучал грохот автоматной очереди, больно отдаваясь в потрясенном мозгу. И с новой остротой вспыхнула тревога за собственную судьбу: «Киллер сумел скрыться, и меня хотят сделать козлом отпущения, обвинив в убийстве. Следователи постараются повернуть дело против меня. Притворюсь, что от удара по голове потерял память, и откажусь давать показания».

Принятое решение показалось разумным и немного успокоило Иноземцева. Но расслабить-

ся ему не дали. До него донесся звонкий женский голос:

— Пациент пришел в сознание. Можете с ним поговорить, но по возможности недолго.

— Хорошо, доктор, мы понимаем ваши заботы и будем действовать по принципу «не навреди». Тем более что господин Иноземцев нам самим нужен живым и здоровым.

Иноземцев с трудом приподнял голову от подушки и увидел двух человек в гражданской одежде. Один из них, который был на месте дорожной аварии, начал разговор с нарочитой веселостью:

— Разрешите представиться. Я оперуполномоченный уголовного розыска по особо важным делам Попов Евгений Михайлович. В просторечии таких называют «важняками», поскольку мы ведем розыск исключительно по сложным резонансным преступлениям. А это мой коллега из другого грозного ведомства, Горюнов Николай Николаевич. Он человек серьезный и зря слов на ветер не бросает. И если начнет вести допрос, то никому мало не покажется. Поэтому советую сразу, как на исповеди, чистосердечно все рассказать мне как более доброму.

— Но я ничего не помню после удара головой. Уж лучше вы расскажите, как я сюда попал.

— Ну ты, Семен, и шутник! Зачем на себя напрасно вину возводишь? Был у меня в практике случай лет пятнадцать назад. Мужика в разбое подозревали. Потерпевшая женщина утверждала, что он похож по фигуре и голосу. А он ничего не помнил после обильной выпивки. Тем и облегчил нашу задачу: раз не можешь оправдаться, значит, виновен. Оформили дело, и суд ему припаял семь лет в колонии. А через полгода истинный виновник на новом разбое попался и сознался в том преступлении, за которое мужик без вины в зоне оказался. А все потому, что на свое беспамятство ссыался. Так что не советую повторять его ошибку. А то мы на тебя все нераскрытые убийства по Москве повесим.

— Я в банкира не стрелял, а лишь случайно подвез пассажиров к месту нападения.

— Это совсем иной разговор. Охотно верю. Киллер пули кучно положил. Тут навык нужен, а ты у нас в армии не служил. Так что начинай рассказывать.

— Но я деталей действительно не помню.

— Обрисуй для начала общую картину.

И Иноземцев, осознав, что ссылка на беспамятство ему не поможет, начал давать показания. По мере изложения им кровавой истории лицо сыщика мрачнело все больше. Он понял, что от

Иноземцева не получит ключа к поиску сбежавшего преступника. Но решил продолжить давление:

— Трудно поверить, что тебя на место убийства киллеры доставили под угрозой оружия. Зачем им рисковать и использовать машину с незнакомым водителем? Проще угнать со стоянки любую тачку.

— Не знаю, тут я вам не помощник. Вы же профессионалы. Возможно, у них не было времени на кражу машины. Вот они ко мне и подсели.

— А почему тогда в живых оставили?

— Так Леший хотел, чтобы я в случае задержания подтвердил его невиновность в расстреле банкира. Ну а когда я руль вывернул, ему после аварии не до меня было. А возможно, счел меня мертвым.

— Сладко излагаешь, да верится с трудом. Много нестыковок. Получается, что твою невиновность может подтвердить лишь этот Леший. А потому помоги его найти. Вспомни важные детали, способные к нему привести.

— Так, может быть, вы личность убитого бирюка Стаса установите и определите круг его знакомых? Вот и вычислите личность Лешего. В кино такие вещи легко проделывают.

— Мыслишь правильно. Но при стрелке Стасе никаких документов не обнаружено. И пальчики его в нашей картотеке по учету уголовников не значатся. Не знаем мы ничего о его личности.

— Киллеры, судя по их выправке, из военнослужащих будут. Леший говорил привычно командным тоном, словно с солдатами на плацу. И фразы произносил типично казарменные. Типа «несет караульную службу», «внеочередной наряд», «оперативно-тактическая обстановка». И потом он не из Москвы.

— А это откуда тебе прилетело?

— Он сам сказал и к тому же плохо в городе ориентировался, не знал названия улиц.

— Татуировок никаких не заметил?

— На руках не было. А так он мужик крепкий, жилистый, кисти рук большие, к физическому труду приучены.

— Ну ладно, пока отдыхай, Семен Дмитриевич, и набирайся сил под нашей охраной. А то, не ровен час, вздумает киллер тебя ликвидировать как опасного свидетеля. Тут в больнице тебе спокойнее будет.

Сыщики вышли в коридор, и Попов приказал двум сержантам, сидящим рядом с дверью в палату:

— Никого к нему не пускать, даже близких родственников. Могут найтись желающие его прикон-

чить. В случае неприятностей распрощаетесь со службой в полиции.

— Дело ясное. Но только мы сменяемся через два часа. На этот срок отличную службу гарантируем. А дальше как карта ляжет.

— Ладно, не умничай! Передай по смене о реальной опасности покушения. Пусть не расслабляются.

Выйдя из больницы, Попов сел в иномарку своего спутника. До этого молчавший Горюнов решил подвести предварительные итоги:

— Судя по всему, Иноземцев не врет. Он лишь по случайности подвез киллеров на место расстрела. Будем его исключать из-под подозрения?

— Пока повременим. Возможно, он нас просто дурит. Да и медики должны его поддержать дня три для контроля.

— Как думаешь, этот Леший назвал Иноземцеву свое подлинное прозвище?

— Если он намеревался после покушения ликвидировать водителя, то вполне возможно. Вот только обстоятельства не позволили.

— Ладно, пока этот Иноземцев находится в больнице под охраной, нам меньше забот.

— Это верно. К тому же начальству докладывать особо не о чем. И у меня будет возможность прикрываться информацией о проверке Иноземцева, пока не появятся другие подозреваемые фигуранты.

— Я рад, что мы мыслим одинаково. Просмотр видеорекама в месте, где киллеры сели в машину Иноземцева, показал, что они не приехали туда городским транспортом, а пришли пешком. А это означает, что лежка у них была где-то рядом, в районе Самотеки. Поскольку есть основания полагать, что наши стрелки иногородние, то, скорее всего, они снимали квартиру в этом районе. Установи через участковых инспекторов адрес, где они жили.

— Хорошо, я понял. Это мы сделаем. Но хотелось бы узнать, какой в этом деле интерес у вашего серьезного ведомства. ФСБ к обычным уголовным делам не подключается.

— Я не обязан отвечать, но поскольку в этом деле мы с тобой в одной связке, то объясню в общих чертах. По нашим сведениям, застреленный банкир Фомина не был основной целью. Он лишь держатель денег одного из влиятельных кланов из властных структур. Там, наверху, столкнулись экономические интересы разных группировок. А это грозит потрясением государственных устоев. Мы не можем допустить расширения конфликта в условиях внешних санкций и нестабильности.

— Ну а какая наша основная задача?

— Прежде всего установить, кто непосредственно стоит за устранением банкира. А затем погасить пожар войны между кланами, пока не запылало масштабно.

— Если вы знаете, в чьих интересах ликвидировали Фомина, то почему не вмешаться в конфликт и не постараться примирить противников прямо сейчас?

— Этим уже занимаются без нас люди влиятельные и вхожие во власть. Но им нужны конкретные факты, чтобы предъявить претензии и склонить противников к соглашению. Иначе ведение переговоров без доказательств на данном этапе — пустые хлопоты. Мы должны установить истину и, не поднимая шума без огласки, доложить кому следует. А уж они сумеют умно распорядиться собранными нами уликами во всеобщее благо. Мы с тобой должны лишь вовремя услышать и исполнить команду «Стоп!».

— Значит, от наших результатов многое будет зависеть?

— Ты правильно все понял. Всю собранную информацию будешь сначала сообщать мне, а я уже решу, что ты можешь доложить своему начальству.

— Надеюсь, и ты не будешь скрывать от меня полученные оперативные данные.

— В допустимых пределах, конечно. Без обиды, коллега: государственные интересы особой охраны требуют. А сейчас нам надо все силы бросить на поиски сбежавшего киллера. По моему мнению, он пострадал в аварии, а потому до выздоровления не попытается покинуть город. К тому же этот Леший понимает, что за ним идет охота с трех сторон.

— Это кто же?

— Его ищут заказчики, для которых он опасен своими разоблачительными показаниями. С другой стороны его захотят заполучить сторонники убитого банкира для предъявления претензий к конкурентам. Ну и мы, правоохранители, попытаемся их опередить и схватить его раньше других. Потому что мертвый он нам не нужен. Еще раз прошу кинуть все силы на поиски лежбища киллеров в районе Самотеки. Даже если он туда не вернулся, есть смысл поискать улики в их прежнем пристанище.

— Ну а вы будете, как всегда, ждать от нас быстрых результатов?

— Не иронизируй! Я тоже без дела сидеть не буду. Займусь происхождением новенькой пяти тысячной купюры, которую Леший засунул в карман Иноземцева. И еще, сообщи, когда Инозем-

цев покинет больницу. При выписке верни ему все вещи и телефон. Мы не выявили ничего подозрительного в содержании его прежних переговоров. Будем продолжать отслеживать его связи еще в течение некоторого времени. Твоя задача — пресовать его на работе и дома. Пускай понервничает и за помощью к друзьям обратится. Это ускорит его проверку. Свою задачу усвоил?

— Ничего сложного. Доставить неприятности человеку вполне в наших силах. У меня есть дополнительная идея: подставить ему бабу, нашего агента. Он сейчас в разводе и обязан клянуть на красивую приманку, как любой нормальный мужик.

— Мысль дельная. Если у вас нет на связи роковой дамы, то могу посодействовать.

— Сами справимся. Такое добро по нынешним временам подобрать несложно.

— Только учти, что времени у нас в обрез и сложную комбинацию по длительному внедрению агента-женщины в разработку объекта провести не удастся.

— Не волнуйтесь! В отличие от вашего ведомства, мы не ведем разработку годами. У нас в полиции каждый день жизнь преподносит сюрпризы, и приходится проводить оперативные мероприятия как на молодежной дискотеке, в режиме

нон-стоп. Так что рука набита, и все провернем быстро и эффективно.

— Ладно, действуй! Кстати, предлагаю дать операции по проверке Иноземцева условное название «Дискотека». Если договорились, то я тебя тут у метро высажу. Мне еще надо успеть доложить своему начальству и получить от него ценные указания.

Направляясь к входу в подземку, Попов с раздражением подумал: «Любят в их ведомстве загребать жар чужими руками. Но придется смириться с черновой работой. В таком деле легко нарваться на неприятности. А этот охранитель государственных интересов лучше знает, когда надо будет остановиться и не копать под интересы влиятельных и опасных людей. Для меня сейчас важнее уцелеть, чем рассчитывать на ордена и повышение по службе».

И Попов, набрав номер телефона своей секретной сотрудницы, назначил встречу на девять часов вечера. Затем отправился на Самотеку организовывать поиск квартиры, где останавливались приезжие киллеры. Он знал по опыту, что только интенсивные розыскные мероприятия способны отвлечь его от тревожных мыслей о возможных в будущем неприятностях при ведении следствия о кровавых столкновениях между влиятельными людьми.

Продолжение следует.

Илья КРИШТУЛ

О себе

Родился в Москве, где и живу. Учился в МГПИ, работал в кино, преподавал в средней школе. Сейчас домохозяйин. Сочиняю юмористические рассказы, изредка публикуюсь.

МОСКВА

Из цикла «Великие города мира»

Приимерно восемьсот семьдесят лет назад по распоряжению Владимира Владимировича Путина была основана столица нашей Родины город-герой Москва. Сначала это был маленький населенный пункт, в котором жила дружина князя Долгорукого с женами да местные, которые еще не знали, что стали москвичами. А когда узнали, очень этим загордились и придумали сначала прописку, потом регистрацию и три тысячи долларов метр. За это москвичей сразу не полюбил остальной народ и несколько раз сжигал весь город. Жгли все — татары, французы, братья-славяне... Но москвичи отстраивались заново, причем сами, без помощи турок и молдаван. В те давние времена они еще умели это делать своими руками. Секрет строительства домов без участия турок и молдаван, к сожалению, утерян. Или украден молдаванами. Зато Москва после каждого пожара становилась все краше. В ней появились первые достопримечательности: Большой театр, Третье транспортное кольцо и метро «Выхино» в час пик. Кроме них, к московским красотам относится подземный переход под площадью трех вокзалов, чебурачная «Дружба» на Сухаревской и, конечно, Кремль. Кремль — это сердце Москвы. Капотня — легкие, оба Бутова — отбитые почки, а Измайлово, судя

по лицам жителей, — давно и неизлечимо больная печень.

Шли годы. Москва превратилась в огромный мегаполис, в который рекой льются деньги и бомжи. Видимо, бомжи деньги привозят, прячут их, забывают, где спрятали, и идут спать в последние вагоны метро, несмотря на турникеты. Турникеты, кстати, изобрели тоже в Москве. Особенно нужны они в трамваях, которыми пользуются исклю-

чительно бабушки. Куда они постоянно ездят в количестве, равном количеству сидячих мест, — это загадка, над разгадкой которой бьются многие исследователи. Ближе всего к истине предположение, что ездят они до конечной остановки и обратно. Главное, что турникеты бабушкам не страшны, у них специальные проездные с фотографиями, а вот зайти в трамвай простому человеку стоит пятьдесят рублей и минут десять в очереди, так как бабушки никому не торопятся.

Но, к счастью, не только турникетами славна наша столица. Всем известно, что в Москве обитают самые честные, добродушные и гостеприимные полицейские страны. Мимо них невозможно пройти бесплатно. Это искусство, которым владеет далеко не каждый москвич, что уж говорить о гостях столицы. О гостях столицы, кстати, лучше вообще не говорить, особенно с ними же.

Но Москва — это не только полицейское гостеприимство. Москва — город, который приносит людям радость. В Москве Алла Пугачева встретила Галкина, а маленький Юрочка Куклачев — свою первую кошку. В Москве нашел, наконец, работу Д. А. Медведев, а скульптор Церетели обрел вдохновение и мастерскую. Как изменились улицы, украшенные его творениями! Как красив и высок Петр Первый! Говорят, что в голове Петра находится двухуровневый боулинг-центр, а в мизинце правой руки купил себе квартиру Роман Абрамович. Недалеко расположена и знаменитая Рублевка с ее нефтяными фонтанами и газовыми факелами, где можно вкусно отобедать за пять тысяч долларов под пение живого Стинга. И именно в Москве открылись самые крупные в Европе «Икеа» и «Ашан», «Мега» и «Леруа Мерлен». В этих магазинах надо жить, что, кстати, многие москвичи и делают, сдавая свои квартиры все тем же гостям столицы. Но все-таки не магазины, не турникеты и даже не Рублевка являются лицом Москвы. Известно, например, что недалеко от ресторана Correa's можно обнаружить

знаменитую Третьяковскую галерею, на задворках ЦУМа стоит Малый театр, из бутика Giorgio Armani виден собор Василия Блаженного, а из одного ночного клуба — даже краешек Пушкинского музея. В окружении такой красоты не хочется ни хамить, ни обманывать, поэтому в столице вам никогда не нахамят и вас не обманут. Убить убьют, хотя это и запрещено. Но, к сожалению, запреты в Москве не приживаются. Стоит мэру Москвы что-нибудь запретить, как это «что-нибудь» появляется везде сразу и в удвоенном количестве. После недавних запретов теперь у каждого ларька

стоят девушки легкого поведения, которые курят и распивают пиво в общественных местах, торгуя с рук собой и местами для парковки. А гей-парады проходят не на улицах, а в лучших концертных залах. И во всех подземных переходах азербайджанцы без регистраций продают украинскую клубнику из пальмового масла. Может, попробовать запретить в Москве море, пляж, солнце и обнаженных мулаток? Ведь этого так не хватает в нашем сумрачном городе...

Главному редактору журнала «Юность»
А. Дементьеву от Шашко В. А.

Кем только себя не называл — и посвященным, и ясновидящим, и вот в диктовке в сентября 2016 г. стал провидцем.

С 19 января 1991 г. пройден путь длиной в 25 лет...

Диктовка, зафиксированная мною в дневнике с 2013 по 2016 г.

В-2У 8 июля 2014 г.

Вижу серое здание компактных размеров с прямоугольными окнами...

Текст: в этой крепости ты будешь находиться. Она тебя будет защищать, когда ты будешь управлять миром.

Прогноз: 20 октября 2014 г.

Вывод: конфликт Россия — США.

Все будет быстрым и блестящим...

В. Шашко, Хабаровск

Галка ГАЛКИНА:

Товарищ Шашко В. А., с Вашим несомненным даром надо срочно что-то делать!

Может, действительно показаться Андрею Дмитричу, пока не поздно?

25 лет Вы, дорогой товарищ Шашко В. А., шли тяжкой дорогой галлюцинаций и томления. И все эти годы мы прислушивались и ждали с упованием: когда? Когда у В. Шашко из Хабаровска откроется третий глаз?

И вот произошло.

Ура!

Да понимаете ли, В. Шашко, что Вы себе не принадлежите? Ваш дар принадлежит всему народу и, шире, человечеству!

Приезжайте! Встретим оркестром и цветами. Прием у доктора Андрея Дмитрича назначен на вторник.

Все будет быстро и блестяще!

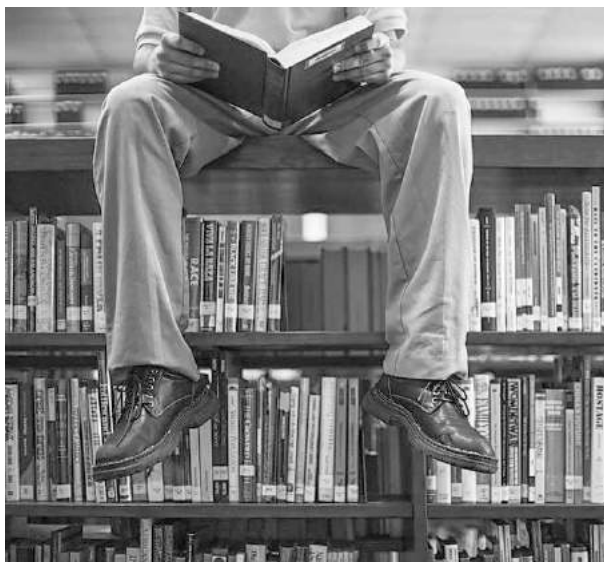
ПРОКАЗНИК ГЕО, ЧЕЛОВЕК-КРИТИК

В ПОИСКЕ
КРЕПОСТИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Проказник Гео уже пытался влезть в литературу под именем Рутко (он же Рудко) — Рутковский (возможно, Рудковский). Совмещает в себе черты, выявленные в литературной традиции советской критикой, а именно Солженицына, Бродского и некоторых безвестных литераторов, одновременно являясь литературным власовцем, литературным трутнем и литературным пигмеем. Пастернака он по-прежнему не читал, но по-прежнему осуждает. Иные признаки биографии практически отсутствуют или слишком туманны. Ясно лишь одно: до берегов Туманного Альбиона Гео уже не доехал, а до Колымского края не доехал пока. На этом пока и остановимся.

Петр Алешковский. «Крепость»

Весь вечер и весь следующий день Иван Сергеевич Мальцов пытался дозвониться до Нины, но та не отвечала, потом просто отключила мобильный. Вечером он еще крепился, но к концу второго дня не выдержал, сбегал в магазин, купил две бутылки водки.

— В спину и в сердце, два кинжала, два, — бормотал он, допивая первую...

Прикончив первую, он свернул голову второй. Радости водка не приносила, только тело обмякло, будто утратило держащий его скелет, и в голове закружилась нечто, как бывает при решении логической задачи...

Проказник Гео, человек-критик:

Петр Маркович давно и кучно обхаживает премию «Русский Букер». «Жизнеописание Хорька» атаковало жюри в 1994 году. Но «Букер» устоял. Устоял он и после попадания в короткий список в 2006 году романа «Рыба». И вот спустя двадцать с хвостиком лет крепость наконец взята. Два коротких списка в сумме дают первое место и заслуженное лауреатство.

Есть чему радоваться и ради чего сворачивать голову для начала первой, а потом и второй бутылке. И дело тут не только в подлой Нинке.

Водка у Петра Марковича в романе играет двойную роль. Во-первых, ее пьют в немалых количествах

персонажи романа. Во-вторых, водка — это сюжетообразующий элемент.

Правда, все это на качестве прозы Петра Марковича отображается самым неблагоприятным способом. Проза непробиваемо пуста и незатейлива.

Читаешь, читаешь Петра Марковича, как будто пол-литру пьешь, не закусывая. Или этот вот «Боярышник». И так, знаете, горько на душе.

Не приносит водка радости. Прав Иван Сергеевич и Петр Маркович.

Оба они правы.

А я так скажу. Не в прозе дело!

Видимо, водку завезли некачественную!

PHOTOSTOP

© Фото Евгения САФРОНОВА

